

Хабир Ибрагим СПИСОК

«Безусловное избрание» — так называл он два списка, в которые Бог, ещё до сотворения мира, занёс избранных любимчиков и проклятых изгоев.

Хабир Ибрагим

СПИСОК

Повести и рассказы

КАЗАНЬ
Издательство «Язучы»
2024

Повести

СПИСОК

(Повествование в различных падежах)

1

Звательный падеж

– Родной мой, помоги, пожалуйста, моей дочке поступить в институт...

Женщина средних лет в бело-красном платье, похожем на чувашскую рубаху, краем платка вытерла слёзы.

– В этом городе у меня нет знакомых, надежда только на тебя, родной. Пожалуйста, помоги, дочка очень хочет учиться. У меня нет денег. Работаю в конторе, зарплата копеечная. Живём на пенсию бабушки...

Султан, изобразив понимание, кивнул в знак согласия. К нему ещё никто не обращался с такой просьбой. Тем более жители деревни, из которой он был родом. Они, казалось, давно забыли о его существовании. Ведь Султан жил скромно. Никогда не считался смелым журналистом – тёмные и мрачные стороны жизни не разоблачал, бюрократов и взяточников не критиковал. Предпочитал писать о простых людях, «петь оды» человеку труда. Правда, недавно он завоевал звание лауреата на республиканском конкурсе и наконец-то, в сорок лет, сделал себе имя в журналистике. Судя по всему, именно это стало причиной повышенного внимания к его личности со стороны односельчанки.

Вот она робко сидит на краешке стула перед Султаном – ещё один простой человек. На вид – бесхитростная миловидная женщина. Да, исключительно милая, полная, круглолицая, без единой морщинки на лбу, несмотря на возраст. У таких полнотелых людей глаза обычно

небольшие. У этой тётушки такие же, узенькие, только хитринка в них притаилась, даже усмешка. «Могла ли эта женщина, живущая на пенсию своей матери, добиться какого-то успеха, живя в городе? – подумал Султан. – Вряд ли, потому что взяла за правило грузить своими проблемами других людей. А таких в городе не очень-то любят».

Но всё же, как ни крути, ей нельзя было отказать в помощи. Ведь, по словам этой женщины, она наравне с мужчинами тянула воз деревенского житья и почти ничего не получала за свой труд.

– Талия-апа, я очень уважаю тебя как человека, как односельчанку...

– Спасибо, милый, спасибо...

– Обязательно помогу тебе. Как зовут твою дочь?

– Пакиза...

– Как?

– Пакиза, – повторила женщина странное имя. – Так её назвал отец...

– Я, наверное, когда-то видел твою дочь...

– Наверняка видел.

– Иногда приезжаю в деревню. В клуб, правда, не хожу. А тем временем чужие дети быстро растут...

– Так, голубчик, так! Всё верно...

– Аттестат у твоей дочери хороший?

– Надеемся закончить с серебряной медалью. Золото в районе мало кто получит. Сверху спустили список, сказали, что у троих будет золото, а у одного – серебро. Нас наверх не пустили. Дочка до последнего класса училась только на пятёрки, но ей четвёрку по физике поставили...

– Почему?

– Тот же вопрос я задала учителю физики. Почему у моего ребёнка пятёрки не получилось? Я бы, говорит он, может быть, и поставил, но оттуда, сверху, не разрешили...

– Это же мерзко!

– Уже известно, кто возьмёт золото. Распоряжение написано, есть список... Все они дети начальства...

– Что случится, если дадут четырём?

– Четыре человека, говорят, нельзя, слишком много.

– Лимит, значит.

– Эх! – вздохнула женщина. – Все дивятся старательности моей дочери, учителя ею не нахвалятся. Мы ожидали, что возьмём золото... А оно вон как вышло, милый, сняли её с пьедестала. Ранá всё решает, ранá!... Но и я за словом в карман не лезу. Правда, она глаза-то колет! Ворвалась я в кабинет завранá да и поругалась с ней...

Султан задумался. Несправедливо обиженных, беспричинно притесняемых умных людей в нашей стране много! Да и во всём мире справедливости никогда не было и не будет. Взять коммунистов, которые пытались привести человечество к общему знаменателю, – ведь они сами на этом споткнулись! Так что давно пора забыть идею равенства, выдвинутую сторонниками социализма, – эта цель никогда не будет достигнута. К тому же, люди не равны от природы. Бог и сам кому-то выказывает расположение, а от кого-то отворачивается, разве не так?! Ниспосланный с небес священный список, наверняка, не может вместить в себя всех рождённых на земле! Попробуй-ка втиснуть туда их имена – ничего не получится, большинству не хватит места. Вот и девочку, которая десять лет усердно училась на пятёрки и могла бы стать обладательницей золотой медали, кто-то намеренно лишил заслуженной награды. Но «завранá» ли?..

Впрочем, и самого Султана подобным образом пару раз исключали из списков. Впервые это произошло пять лет назад. Надо было отправить одного человека из редакции за границу. Всего от республики набиралось около десяти человек. Появилась возможность увидеть

---

¹ Искаженное от РОНО.

мир и заодно отдохнуть. Кто же откажется от такого подарка судьбы? Но Султану, мечтавшему полететь на чудесный остров Кипр, более того – успевшему убедить в реальности такой возможности свою жену и родственников, не повезло. До отъезда оставался всего один день, был оформлен загранпаспорт, куплен билет на самолёт! Но в самый последний момент его вычеркнули из списка. Причина оказалась до обидного проста: вместо него воткнули другого человека (более угодного!). Впоследствии он смог выяснить имя счастливица, хотя какой смысл был его узнавать! Самолёт улетел, а Султан остался в Казани...

Неожиданно в кабинет Султана вошёл, точнее сказать – влетел, молодой человек с корректурой свежего номера под мышкой. Это был ответственный секретарь – личность, широко известная в медиахолдинге и довольно влиятельная, – он пересидел нескольких главных редакторов! Внешность у него была, безусловно, импозантная – посеребрённые сединой виски и жгучие чёрные усы. Даже лёгкая хромота не убавляла его стати, а, наоборот, придавала некий шарм. Самым интересным, однако, в ответственном секретаре являлось то, что он каждую минуту рабочего дня расписывал заранее и старался строго придерживаться перечня запланированных дел. Поэтому глаза у него всегда были затуманенные, вероятно, ничего, кроме этих дел, не видящие. Во всяком случае, с гостьей Султана ответственный секретарь не поздоровался.

– Султан Гарипович, – сказал он деловым тоном. – Завтра в кабмине пресс-конференция, от нас ты поедешь.

– Кто сказал?

– Главный редактор.

– Неужели я там?.. – Вопрос сорвался с губ неожиданно.

– Где?

– В списке! – Видимо, день был такой: всё вращалось вокруг этого таинственного списка.

– Есть, конечно. Сверху спустили...

– Хорошо, когда ты спускаешься сверху, а не поднимаешься снизу! – пошутил Султан.

– Не забывай – в десять часов! – снова предупредил коллега, не сумевший оценить его сарказма. – Твоя статья выйдет во вторник...

– На какой странице?

– На первой паласе, друг, на первой паласе!

– Хорошо...

Когда черноусый секретарь исчез, Султан криво улыбнулся. Однако женщина осталась совершенно равнодушной к этой странной улыбке, как, собственно, и к невольно услышанному диалогу.

– Моя дочь... – снова начала она о своём.

– Мы устроим твою дочь, – пообещал Султан. – У меня есть знакомая, с которой мы учились в одной группе. Она кандидат наук и сейчас преподаёт там...

– Не пожалеем ни мяса, ни гусей, дай бог!

– Ни мяса, ни гусей пока не надо, апа, – успокоил он женщину. – Когда приедет твоя дочь?

– На следующей неделе... в понедельник или во вторник.

– Здесь мой телефон, – сказал Султан и протянул односельчанке визитную карточку жёлтого цвета с затейливым узором, и та схватила её двумя руками, словно бог весть какую драгоценность. – Пусть дочь позвонит мне, как только приедет в город...

– Спасибо, родной...

***

Султан, отправившись на поиски бывшей однокурсницы, едва не простудился. Зимы изменились. Он привык к тому, что обычно похолодание усиливается

в рождественские дни после Нового года, а в последние годы стало наоборот: снег непрерывно тает, воздух прогревается. Холода почему-то сместились с января на февраль. Как будто где-то витает дыхание весны, её запах. Ан нет, ударяет мороз, обжигающий лицо и сковывающий тело. Ты ждёшь потепления, снегопадов, мокрых февральских метелей, а на улице ничего не меняется: всё те же морозы, пробирающие до костей!

«Судя по всему, только природа выбивается из сценария, написанного людьми, видать, у неё своя поступь, свои задумки, свои правила...», – думал Султан, пытаясь на морозе завести машину. Попытка не увенчалась успехом, и пришлось идти на остановку маршрутного автобуса. Однако он не учёл, насколько основательно за годы владения личным автомобилем он забыл названия остановок городского транспорта. В итоге очутился неизвестно где. Когда выбрался из автобуса, прошёл пешком два квартала. Ситуацию усугубило то, что Султан, как всякий автовладелец, разучился носить тёплые дублёнки и был одет в тонкую куртку. Если бы шапка не закрывала уши, а рот и нос не укутывал тёплый шарф, то обязательно схлопотал бы какую-нибудь болезнь горла или лёгких.

Во имя чего были эти мытарства? Чтобы быстрее найти девушку (теперь уже женщину) по имени Рахилия, с которой он когда-то учился в одной группе. Получив диплом, она осталась в аспирантуре и сейчас преподавала в институте. В пору студенчества деканат любил её, потому что Рахилия молниеносно загоралась от любого распоряжения свыше и была готова разрезать землю пополам ради общественной работы. Этим она заметно отличалась от своих сверстниц, помимо отличной учёбы, разумеется. Султан ей недолго любил. Потому что был полной противоположностью Рахилии – не любил

выставлять себя напоказ и избегал официоза. Но деваться было некуда, приходилось идти именно к ней.

Девятиэтажное здание общежития Султан увидел издалека. Здесь он жил пять лет, пока учился. А вот Рахилия, к сожалению, до сих пор обитала тут. Впрочем, она была не одна, преподавателей в общежитии много, целый этаж – куда не заселяют студентов. Рахилия с ребёнком занимала две комнаты, в каждую из которых можно было войти через отдельную дверь. В одной комнате она жила сама, а в другой – её сын. Она его родила, не выходя замуж; говоря народным языком, ребёнка ей ветром надуло. В этом нет ничего удивительного. Ведь внешность Рахили далека от привлекательности: по невзрачному лицу густо рассыпаны тёмные веснушки, на кончик носа спадают очки с толстыми стёклами, которые, кажется, увеличивают эту самую невзрачность в три-четыре раза, как лупа... Да и характер Рахили вызывал отторжение у мужчин. Нет, её не назовёшь злобной мужичкой, которая любит подавлять представителей сильного пола, или опасной интриганкой, исподтишка ведущей подлую политику. Скорее всего, она просто не придавала особой ценности замужеству.

Бывшая однокурсница встретила Султана с дружелюбной улыбкой, хотя и не накрыла к его приходу стол. Она очень быстро поняла, с какой целью он пришёл, и потому не стала терять времени на пустую болтовню. Впрочем, она и раньше, будучи целеустремлённым человеком, говорила лишь то, что знала наверняка. Причём, как-то излишне торопливо. Если не слушать её внимательно, можно было тут же забыть или вовсе не понять, что она тараторит. Но самое важное Султан быстро уловил.

– Ты опоздал! – сказала Рахилия прямо.

– Опоздал?! – удивился Султан. – До начала экзаменов ещё три-четыре месяца!..

– Но есть такое понятие, как список, – пояснила Рахилия, – а список, если хочешь знать, у нас составляют ещё до Нового года...

– Какой список?

– Список поступивших на бюджетное...

– Кто же туда входит?

– Кто платит, тот и входит...

– Сколько платят?

– Факультет престижный. В прошлом году было только девяносто тысяч, в этом году уже сто сорок...

– Да-а-а! – Султан был обескуражен. Он не думал, что так сложно будет пристроить дочь односельчанки в учебное заведение, и уж тем более не предполагал, что в вузах существуют незаконные финансовые потоки. Хотя краем уха вроде бы слышал о таком. – Деньги не заплатишь – не поступишь?..

– Да.

– Следовательно... наша Пакиза...

– Вашей Пакизы нет в списке.

– Никак... не получится?..

– Нет.

– Если бы пришёл раньше...

– Можно было бы.

– А кто его составляет... список?

– Составляется совместными усилиями...

– Где, у кого он сейчас?

Рахилия замялась, не зная, что ответить. Впрочем, Султан понимал, подобное нельзя рассказать кому угодно, эта тайна настолько чудовищна, что должна храниться за семью печатями. Но перед Рахилей стоял не посторонний человек, а хороший знакомый, однокурсник, с которым они вместе учились пять лет,

поэтому она старалась быть как можно более искренней. Глубоко вздохнув, женщина улыбнулась краешком губ:

– У меня, – призналась она.

– У тебя?!

– Вот он! Могу показать, если хочешь! – Рахилия вытащила из ящика стола чёрную папку, не торопясь открыла её и с большой осторожностью, словно что-то очень дорогое, положила перед гостем листок. Он мельком, без особого интереса взглянул на список – имена и фамилии, расставленные по алфавиту, Султану ни о чём не говорили. Он тут же вернул его владелице.

– А почему он у тебя? – спросил Султан.

– Ректор доверил мне эту работу, – многозначительно сказала женщина. – Список из двадцати пяти человек. Пять из них принадлежат мне, десять – ректору, а остальные десять – другим преподавателям...

– Не понял!

– Деньги от десяти человек ректор берёт себе. С остальными не делится. Они принадлежат ему, и никто не может их трогать. При желании ректор может бесплатно включить в список своих знакомых. В таком случае он просто теряет деньги. Но это как сам пожелает. Остальные пятнадцать делятся. Не буду рассказывать между кем, и объяснять, кому сколько.

– Понял... Оказывается, ваш ректор богатенький Буратино...

– Такова жизнь...

– Мы, вообще, в какой стране живём?!

– Ха! – усмехнулась женщина. – Если бы только у нас было так... Это повсеместно, во всех вузах так делают...

Султан не мог ни обидеться на Рахилию, ни обвинить её в чём-то. Он со стеклянной ясностью понимал, что преподаванием знаний в наше время невозможно прокормиться. Кандидат наук, любившая свой предмет,

владевшая лекторским мастерством, поддавалась искушению дьявола и опустила до взяток. Вряд ли такой способ обогащения придумала она сама, наверняка, её склонили к этому позорному занятию вышестоящие.

Султан, не видевший смысла в продолжении разговора, в расстроенных чувствах обвёл глазами комнату хозяйки. Поначалу ему казалось, что обстановка сияет чистотой. Ведь опрятность присуща одиноким женщинам – у них остаётся много времени на уборку, поскольку не надо ухаживать за мужем. Но тут оказалось – держите меня семеро! Поверх неприглядной раковины громоздились грязные чашки и тарелки. Два дня немытые или три? На когда-то белой скатерти, а ныне пожелтевшей, множество пятен, в том числе следы плесени. Толстые ковры, судя по всему, долгое время не видели пылесоса и стали бесцветными от пыли. Старые, к тому же, – в середине одного из них зияла дыра размером с кулак! Обои в комнате, никогда не видевшей ремонта, в нескольких местах отклеились, а под окном, на оштукатуренной стене, виднелись стыки красного кирпича...

– Когда же тебе дадут квартиру? – нетерпеливо спросил Султан.

Женщина лишь махнула рукой в ответ.

– Ой, конца-края не видно...

– Ректор не обещает?

– Обещает...

Рахилия с пресной улыбкой указала на список: мол, благодаря этому есть надежда. Да, у неё ещё была какая-то вера, надежда, в отличие от Султана, которому ситуация виделась беспросветной. Оставалось лишь радоваться открытию: никогда нельзя давать обещания без твёрдой уверенности, что сможешь довести дело до конца...

Ровно неделя прошла после этой встречи. Из деревни

не поступало никаких вестей, и Султан тихо радовался: «Слава богу, про меня забыли!» Он уже совсем было успокоился, но однажды на его мобильном телефоне высветился незнакомый номер. Султан не спешил отвечать. Но когда звонок настойчиво повторился несколько раз, он не выдержал и, к своему удивлению, услышал кроткий, неподдельно застенчивый голос девочки...

– Сул... Султан-абый...

– Да...

– Здравствуйте...

– Привет...

– Это Пакиза... девушка из вашей деревни...

– Понял...

– Завтра приеду в город... Мы сможем встретиться?

– Хорошо, – сказал Султан не слишком радушно. –

Завтра буду в издательстве, приезжай туда.

– А где это?

– Как это «где»? – удивился он. По его мнению, издательство должен был знать каждый. Вот как! Оказывается, есть те, кто не знает. – Приедешь на автобусе?

– Да, на рейсовом.

– Во сколько будешь завтра?

– Где?

– На автовокзале...

– К десяти часам... точно сказать не могу...

– Хорошо, – согласился он. – Там и встретимся...

Эх! Провалился сценарий, задуманный Султаном! Не забыли про него... Что же он им скажет? Вот так – хорошенько не подумав, создал проблему на свою голову. О-хо-хо! С чего он взял, что решить вопрос с поступлением в вуз будет легко?! Вот завтра из деревни придет девочка, и что он должен ей ответить? Сестрѐнка, прости, я не могу тебя устроить в институт, наверху

составили какой-то список, а тебя там нет! – это, что ли? То есть признаться в своем бессилии, беспомощности?

Султан не знал, с кем обсудить возникшую проблему. Мать его умерла довольно рано, – ей не было и пятидесяти. Большое сердце свело её в могилу. Видимо, так было написано на небесах. Отец давно жил своей жизнью: тяготясь одиночеством, он нашёл новую спутницу жизни, женщину своего возраста. Они совершили обряд никаха, а в ЗАГС ходить не стали. Зажили тихо-мирно в деревне, в уважении друг к другу. Грех жаловаться, жена отца относилась к Султану хорошо. Всякий раз, когда он приезжал, топила ему баню, где он с удовольствием парился и отдыхал душой. Но мачеха всё равно не могла заменить Султану собственную мать, – разве она была способна дать ту нежность и то тепло, которые дарила родная мама. Это как хлеб, взятый у соседей: и на вкус приятен, и пропечён как следует, – но всё равно не тот хлеб, который приготовлен дома, это соседский хлеб!

Изливать душу жене тоже не имело смысла. Рамиля была далека от творческой среды, в которой вращался Султан, даже к его газетным статьям она не проявляла никакого интереса. Потому-то он и жил с ней, как отец – официально не расписываясь. Хотя Рамиля родила ему двух детей, сначала девочку, потом – мальчика. Он дал обоим свою фамилию, но законный брак заключать не спешил. Рамиля для него была всего лишь удобной, комфортной женщиной. Дом содержала в чистоте, еду готовила исправно, за детьми присматривала. Внешность имела привлекательную, да и в постели не подводила, будучи страстной и чувственной.

Так что для разговора по душам Султану пришлось отправиться к Назире. Она хорошо понимала Султана, так как и сама была журналистом, более того, считалась «золотым пером» республики. Жила одна – ни ребёнка,

ни кота – и всегда встречала коллегу с распостёртыми объятиями. Так было и на этот раз. Назира не оставила его без ужина, бутылки благородного «Мартини» и мудрого совета.

– Будь осторожен, – сказала она, – как бы тебя не постигла участь Макара Девушкина.

– Какого-такого Макара?

– Героя романа Достоевского «Бедные люди». Не читал разве? Это был добрый и незлобивый человек с сердцем агнца. Средних лет, как ты. Он бросил свою жизнь к ногам молодой девушки.

Сравнение с литературным героем одновременно польстило Султану и задело его.

– В татарской литературе примеров не нашлось? – поинтересовался он.

– Тут и думать нечего, – рассмеялась Назира. – Все вы, татарские мужчины, Зуфары из повести Еники «Марево». Женщину, способную привнести в вашу жизнь эрудицию, остроумие, интеллект, обязательно променяете на какую-нибудь диванную подушку.

– Да, – согласился Султан, понимая намёк Назире на причину её одиночества, – мы женимся на сватях бабах Бабарихах.

Так, исповедуясь и советуясь, Султан не заметил, как засиделся у подруги до десяти ночи.

Дома его ждала буря.

– Почему опоздал? – злым голосом спросила Рамиля.

Раньше жена была другой – мурлыкала у Султана на плече по поводу и без. Он только из-за этого к ней привязался, и впрямь как к диванной подушке, а теперь она предлагала ему привыкнуть к себе иной: гавкающей, как собака, каркающей, как ворона.

– Что... снова ходил туда? – потребовала признания Рамиля.

- Куда «туда»?
- К этой!..
- О ком ты говоришь?
- Есть ведь у тебя...
- Говори яснее, пожалуйста.
- Одна дохлятина!
- Кто это?
- Если ты считаешь своих баб, милый мой, у тебя даже пальцев ног не хватит. Придётся написать их имена и отправить список отцу небесному...
- Ты всё сказала?!
- Нет, не всё...
- Я спать! – Султан прекратил перепалку и добавил уже из спальни: – Ты тоже ложись!

2

Предложный падеж

Султан не придавал значения сновидениям. Но на этот раз поневоле задумался над увиденным, – ему приснилось нечто странное: череда пугающих образов, сложившаяся в головоломный сюжет. Он в одиночестве бродит по старой, заброшенной библиотеке. Пола как такового нет, под ногами просто земля. Вдоль тёмных, скорее всего, тоже земляных, стен тянутся железные стеллажи. Тома толстых книг вылезают за края полок и вот-вот обрушатся вниз. Султан бродит среди этого запустения в поисках библиотекаря. Уверен, это непременно должна быть женщина! Чьё-то светлое, сияющее лицо, кажется, мелькает в отдалённом тёмном углу. Да-да, это лицо ему знакомо, очень знакомо! Уж не Рахилия ли это, бывшая однокурсница? Точно! Рахилия! Вот она, улыбаясь, протягивает ему какую-то бумагу! Сама стоит в углу, а рука удлиняется, тянется к нему. Что же она держит? Эге, да это же тот самый список! Вот

рука уже у Султана под носом, только она теперь какая-то волосатая, вовсе не женская. И никакой бумаги нет. Куда же исчез список? Султан ищет его, ползает вдоль стеллажей. И тут земляной пол под ним начинает ходить ходуном, книги падают с полок, сверху обрушиваются доски потолка. Гул нарастает со всех сторон. Но Султану удаётся различить в нём густой, повелительный голос: «Внутренний карман!»

В этот момент Султан проснулся. Слава Аллаху, остался жив! – первое, что он подумал, и вслед за тем широко распахнул глаза, чтобы вернуться в реальность. Над головой поблёскивали стекляшки люстры, под боком ворочалась Рамиля. От его крика она тоже проснулась.

– Бредишь?.. Я седьмой сон досматривала...

– Похоже на то...

– Небось, во сне её увидел?

– Кого?

– Как «кого»?.. Свою дохлятину...

Султан с удивлением посмотрел на жену и неожиданно для неё рассмеялся. Она с готовностью присоединилась к мужу, думая, что удачно обесценила соперницу. С воодушевлением добавила:

– Глисту в скафандре!

Султан захохотал ещё безудержней. Он не стал спрашивать, где жена видела его с Назирой. Тем более объяснять ей, что в этой действительно очень худой женщине его привлекала вовсе не красота, а эрудиция и остроумие. Какой смысл искать общий язык с человеком, чьё образование осталось на уровне ПТУ?

«Внутренний карман! Внутренний карман!» – повторял Султан про себя как заговорённый, пока его не осенило – список Рахили где-то рядом! Точнее – в шкафу. А если ещё точнее – во внутреннем кармане пиджака. Уже через мгновение лист бумаги, сложенный

вдвое, был у Султана в руках. Он подсветил фонариком телефона имена и фамилии счастливиц. За них и деньги заплатили, и «бюджетные», как говорят в народе, места для них забронировали. Кто бы сомневался, – ведь тратить время и деньги на платные подготовительные курсы должны нищетолюбивые... Султан ещё раз внимательно пробежал глазами по списку и заметил, что в левом углу твёрдым уверенным почерком написано: «Одобрю!». По-видимому, рукой ректора...

Только после этого Султан задумался: как этот бесценный лист бумаги попал к нему? Вряд ли Рахилия его подсунула! Или он сам допустил оплошность? Вполне возможно. У него имелось такое странное свойство – машинально класть в карман чужие вещи и письменные принадлежности. Не с намерением украсть, конечно, а бессознательно. Однажды он, сам того не ведая, вынес из кабинета главного редактора один очень важный документ. Потом целый месяц выслушивал упрёки...

Султан бережно вернул бумажку на прежнее место и возвратился на супружеское ложе, но успокоиться ему не удалось. До самого рассвета он прокручивал в воображении приснившуюся картину, ещё недавно казавшуюся кошмарной, а теперь прекрасной! Дивился тому, что сон оказался вещим: оказывается, такое бывает! И, конечно же, думал, к чему эта явно судьбоносная случайность его обязывает...

Проснулся Султан, разумеется, поздно и, впопыхах собравшись, отправился встречать Пакизу на чёрной двухдверной «двенашке». Старался успеть к десяти часам, как договорились, но приехал на автовокзал к одиннадцати. У центрального входа никого, похожего на девочку-подростка, не обнаружил. Тогда, оглядываясь по сторонам, Султан прошёл внутрь вокзала и остановился напротив информационного табло. Оно светилось

таким количеством названий городов и сёл, что быстро разобраться, откуда и когда какой автобус прибыл, было невозможно. У Султана зарябило в глазах, и тут он почувствовал, что за ним кто-то стоит, – спиной ощутил чьё-то взволнованное дыхание и даже трепет ресниц. Этот некто не заставил себя долго ждать – прозвучал сдержанный, очень ласковый девичий голос:

– Султан-абый... это вы?

– Да! – Султан повернулся к девушке.

– Здравствуйте... я Пакиза...

– Привет, Пакиза...

Перед ним стояло поистине чудо. Да, да, именно так! Нет, Пакизу нельзя было назвать красавицей, ослепительность которой укладывает встречных мужчин штабелями, но и дурнушкой её назвать язык не поворачивался. Она не походила на заурядную деревенскую девчонку, но и на гламурную городскую тоже, – выглядела просто-напросто кротким скромным ребёнком. Но, несмотря на это, чувствовалось: в душе у неё бурлят нешуточные страсти, и она изо всех сил сдерживает себя, чтобы не дать им вырваться наружу. «Чудо» было одето не по погоде – в тонкое демисезонное пальто синего цвета в белую полосу, голову прикрывал капюшон.

– Меня прислала мама, – сказала Пакиза и, сама того не ведая, лишила Султана душевного равновесия. Хорошо устроилась эта «мама»! Макара Девушкина нашла в лице Султана. Ага, пусть этот дурак с сердцем агнца исполняет её хотелки: договаривается, хлопочет, бегаёт! Ведь ему больше нечего делать!

– Это прислала мама! – Пакиза протянула Султану чёрный увесистый пакет.

– Что это? – спросил Султан.

– Не знаю...

– А всё-таки?

– Кажется, варенье...

– Варенье?!

– Да, рябина... А, нет... смородина...

Этого ещё только не хватало! Варенье из смородины!

Протянутая рука девочки с пакетом повисла в воздухе.

– Где ты собираешься остановиться? Куда тебя отвезти?

– Давайте к сестре...

– Ты отдашь это варенье своей сестре, ладно? Мне ничего не нужно.

– Нет! – возразила Пакиза. – Мама велела вам отдать.

– Хорошо, – согласился Султан, – неси в машину!

Есть ещё что-нибудь?

– Есть. – Девушка указала на один из длинных кресельных блоков, чьи деревянные сидения ослепительно блестели, отполированные за многие годы задницами пассажиров. Там лежали какие-то сумки и пакеты. Между тем, в зале толпились люди, и вероятность того, что кто-то украдёт её пожитки, была велика.

– Зачем ты там оставила?! – рассердился Султан. – Это тебе не деревня...

– Не говорите так...

– С какой стати?

– Людям надо верить...

Дом сестры искали довольно долго. Он располагался где-то на окраине города, в отдалённом посёлке. Несколько раз заехали в тупик, пару раз, заблудившись, проезжали по одной и той же улице и снова возвращались на исходное место. Султан про себя ругал Пакизу: как так можно – годами навещать сестру и не помнить дорогу к дому, в котором та живет с мужем и детьми? Вслух он это девочке не выговаривал, потому что у неё на лице и без того отражались нравственные муки. Наконец,

расспросив нескольких прохожих, они остановились у ворот, которые девушке были хорошо знакомы.

– Вы не сердитесь за причинённое мной беспокойство?

– Она не спешила выходить из машины.

– Нет, – сказал Султан. Что ещё он мог ей сказать.

– Видимо, я приехала слишком рано, экзамены начнутся только в июне, да?

– Так оно и есть...

– Нет, нет, я правильно приехала! – сказала девушка, мгновенное переменив своё мнение. – Я здесь пробуду всего три дня. За это время я должна посетить институт, проникнуться атмосферой Казани. Вы знаете, если я не смогу поступить, для меня это будет огромной трагедией. Слышите?.. Огромной трагедией...

– Понимаю...

– Я постараюсь, Султан-абый, очень постараюсь! Но, даже если сдать вступительные экзамены на отлично, говорят, туда всё равно нельзя попасть... Правда?

– Правда.

– Спасибо вам!

– За что?

– Мама сказала, Султан-абый нас не бросит, вся надежда только на него! Только он может помочь, если захочет!.. Так ведь, Султан-абый? Вы поможете?

– Да... – он произнёс это с большим трудом. Согласие вырвалось откуда-то изнутри, помимо его воли. Пакиза, должно быть, это заметила, потому что внезапно вспыхнула:

– Султан-абый, не сердитесь, но вы как будто что-то скрываете от меня?!

– Нет, что ты...

– Вижу своими глазами... Не скрывайте, говорите правду!

Действительно, скрывать истинное положение

было бесполезно. Прямолинейной искренней девушке казалось, что всё должно быть ясно и без утайки, она не могла принять ложь.

– Дела обстоят не лучшим образом, сестрёнка! – признался Султан. – Не решился позвонить твоей маме и сказать об этом, не хотел расстраивать. Знаешь, жизнь порой бывает такой безжалостной, жестокой, что даже не знаешь, когда и с какой стороны тебя ударит. А с тобой дела обстоят так: список поступающих уже составлен. Тебя там нет и быть уже не может... мне жаль...

– Нет?! – Голос девушки утончился, стал на октаву выше. Какая же в нём звучала тоска, какое отчаяние.

– Пока не поздно... ты можешь отказаться от идеи поступать именно туда. Город большой, вузов много, было бы желание выбрать...

– Нет, я хочу учиться только там!

– Понимаю...

– Это моя мечта!

– Я сказал «пока»! Пойми, моя цель – включить тебя в этот список. В нём дети состоятельных людей. А я хочу включить тебя туда бесплатно. Бесплатно! Понимаешь?

– Понимаю...

– Хорошо, что понимаешь...но полной уверенности нет...

– Так смогу ли я поступить, как вы говорите?

– Пойми, ты одарённый, целеустремлённый ребёнок, ты имеешь право поступить в вуз бесплатно и учиться бесплатно.

– Вы так думаете...

– Ты и сама так думаешь... Есть только один путь, сестренка, только один путь! – произнёс Султан заговорщически. – Я хочу кое-что использовать...

...Оставив Пакизу у сестры, он поначалу ругал себя за то, что взялся за ненужное дело, затем его отношение

к ситуации несколько изменилось. Султан почувствовал какое-то внутреннее спокойствие, на мгновение – искру счастья в душе. Девушка успела чем-то околдовать его. Он слышал, что женщины обладают способностью к чародейству. Вроде бы в чай что-то подмешивают... Чего только в жизни не бывает, но ведь из рук этой девушки он ещё не пил чай...

На другой день Султан отправился в институт. В пору его студенчества он представлял собой одно небольшое здание, теперь к нему пристроили два внушительных, удлинённых корпуса. В этих стенах Султан провёл пять, может быть, самых счастливых, лет своей жизни: бегал с этажа на этаж, испытывал мандраж перед экзаменами, впервые по-настоящему влюбился. Правда, после окончания института он проработал по специальности всего три года, пока после отправленной в газету случайной заметки не открыл в себе дар публициста. Так, волею судьбы он переключился на журналистику...

На входе в главное здание Султана остановила вахтёрша. Удивительно: эта женщина стояла здесь ещё двадцать лет назад. Помнится, он из деревни ежегодно привозил ей мешок картошки, чтобы была поласковой. Вахтёрша, должно быть, тоже его узнала. Но не показала этого и не стала затевать дружеский разговор. Наоборот, очень тщательно, как кассир в магазине, проверяющий на подлинность деньги покупателя, вертела в руках журналистское удостоверение: дескать, на месте ли печать и подпись. Только убедившись в безупречности документа, она, наконец зажгла зелёную стрелку на «вертушке» турникета и пропустила Султана в фойе.

Шагая по длинному коридору, Султан гладил рукой двери и заглядывал внутрь знакомых аудиторий. Ностальгировал по своей безвозвратно ушедшей молодости. С горечью осознавая: эти аудитории ему уже

не принадлежат, теперь в них учиться «племя младое, незнакомое». Оно отличается от его поколения, во многом отличается: не только одеждой, внешним видом, поведением, но и мыслями, образом жизни.

Приёмная ректора никуда не делась, осталась на прежнем месте. Когда-то здесь сидел Соломон Зигмундович. Неплохой человек, умел войти в положение студентов. Он никогда не ставил себя выше их – при встрече трепал каждого по плечу, а молодёжь в шутку приветствовала его: «Соломон алейкум!» Кому-то он, видимо, чем-то не угодил, может, умудрился чем-то насолить, как говорят татары: подбросил в суп чёрного таракана. А скорее всего, такие, как Зигмундович, созданы для низовых должностей и совершенно не годятся для верхних эшелонов власти. Как бы то ни было, в год, когда Султан получил диплом, деда Соломона отправили на пенсию. Заменяли его татаринном – подлым и злым, по слухам, сущим Бармалеем. Заходить к нему в кабинет стало возможно только по предварительной записи. Причём, не только посторонним, но и тем, кто работал в институте. Это всё, что Султан знал про нового ректора, за исключением того, что один раз случайно видел его на какой-то пресс-конференции.

В приёмной Султана встретила секретарша. Молодая и довольно обаятельная. Таких ему часто приходилось видеть. Ведь он регулярно писал о руководителях всех мастей, восхваляя их свершения. Писал с преувеличениями и пафосно. Впрочем, писать о них было одним удовольствием. Ведь в таких высоких кабинетах Султана радушно встречали, угощали и провожали с подарками. Но в данном случае ситуация была совсем другая, в приёмной ректора его никто не ждал. Поэтому он очень волновался. По спине до самых ступней пробежал озноб, а голос предательски задрожал:

– З-з-здравс... т-т-вуйте!

– Добрый день.

– Шеф у себя?

– Да, у себя.

– Можно зайти?

– Нет.

– Почему?

– Ректор принимает посторонних только по вторникам.

С часу до пяти. У нас записываются на месяц вперёд.

– Я ненадолго... Буквально на пять минут...

– А вы кто?

– Я журналист... Султан Абдуллин... надеюсь взять интервью...

– Хорошо, я попробую!

Секретарь нажала кнопку переговорного устройства кончиком пальца. Её длинные искусственные ногти розового цвета блеснули отражённым светом, падающим с потолка...

– Азгар Шамович!

– Да.

– Сюда приехал журналист...

– Журналист?! – Ректор долго молчал. Видимо, думал, стоит ли принимать нежданного гостя. Через некоторое время созрел для вопроса: – С какой целью?

– Хочет взять интервью...

– Пусть подождёт...

«Подождать» ректора оказалось довольно долгим. Султану, мечтавшему поскорее войти и решить вопрос, пришлось минут двадцать топтаться у порога. Наконец, время ожидания закончилось, и Султан, открыв толстую двустворчатую дверь, очутился в шикарном кабинете. После невзрачных аудиторий с обшарпанными столами и стенами с осыпавшейся штукатуркой он показался ему

роскошным музеем. Дорогой гарнитур, бесценный антикварный стол, покрытый зелёным сукном, ослепительные хрустальные люстры – каждая будто кричит «Я самая!». Но более всего поражал порядок, идеальный порядок: ничего лишнего, все вещи лежали на своих местах ровно, как по линейке.

Респектабельный хозяин соответствовал своему кабинету. Ни в коем случае нельзя было назвать этого высокого, широкогрудого и явно любвеобильного мужчину неприятным человеком. Дорогой костюм-двойка, со вкусом подобранный галстук, запястье украшают швейцарские часы по цене двухкомнатной квартиры – в этом господине проглядывали повадки главы государства. Своим внешним видом он чем-то напоминал бывшего американского президента Рейгана. Тот, говорят, был киноактером. И этому, если дать хорошую роль в каком-нибудь спектакле, и не меньше (если не больше!), чем на сцене академического театра, он наверняка справится.

– Слушаю! – Хозяин кабинета произнёс это без татарского акцента: «слушаю». По всему было видно, что ректор не деревенский человек, потому-то и предпочитает общаться на русском, чтобы не выдавать плохое владение родным языком. Тем не менее, чуть ли не шахом себя возомнил – будто с небес спустился! Такие любят вести себя с людьми заносчиво, в разговоре с ними не всегда легко найти общий язык. Но Султан призвал на помощь свой журналистский опыт общения с хозяевами высоких кабинетов. Подавив волнение, он смело сел на антикварный стул, на который ему указал ректор, и вытащил из чёрного кожаного портфеля блокнот и диктофон.

– Азгар Шамович!

– Да?!

– Я приехал, чтобы взять у вас интервью, – как

можно более непринуждённо сказал Султан. Но ректор не поверил в его «искренность» и насмешливо улыбнулся. Дал понять, что не намерен доверять кому угодно с первого взгляда, хотя Султану и без того было ясно, что перед ним довольно осторожный, желчный и злопамятный человек.

– У меня многие берут интервью, – сказал Азгар Шамович, – но всегда сообщают заранее. Извините, я не ждал вас...

– Знаете ли, я окончил этот институт, – сказал Султан, пытаясь направить разговор в нужное русло. – Учился здесь...

– А как вы стали журналистом?

– По воле Всевышнего...

Шамович на мгновение задумался. Он, видимо, понял, что Султан пришёл вовсе не для того, чтобы выполнить редакционное задание, и, поморщившись посмотрел на круглые позолоченные часы, стоявшие посреди стола.

– У меня очень плотный график, через полчаса начинается заседание коллегии, – сухо сказал он. – Какое у вас ко мне дело?

– Дело такое, – сказал Султан громко и убедительно, в его случае говорить намёками не имело смысла. – Надо зачислить моего родственника в ваше учебное заведение!

– Кто это? Сколько лет?

– Имя Пакиза, фамилия Халимова. В этом году оканчивает школу, учится только на пятёрки. Талантливая, трудолюбивая девушка...

– Если она такая одарённая, пусть приходит и сдаёт экзамены! – жёстко сказал ректор. – И поступит...

– Да нет, едва ли... Будь она даже Ломоносовым, не сможет поступить в ваш институт!

– Почему?

- Дорога закрыта.
- Почему закрыта?
- Список составлен...
- Какой список?
- Который вы составили!
- Я?! Где?
- Вот...

Султан вытащил из внутреннего кармана сложенный вдвое лист бумаги. Хозяин с удивлением посмотрел на него, но издали ничего не понял.

– Вот он, – продолжил Султан, – список поступающих в этом году. На этом месте ваша виза, ваша рука... Ваша?

Султан победоносно бросил список перед ректором. Тот неохотно взял его в руки, взглянул и передернулся.

– Ксерокопия... – предупредил Султан. – Оригинал дома. Поэтому...

- Что?!
- Нет смысла рвать...
- Никто и не рвёт...

Ректор был ошарашен. Сказать, что он расстроился, значит ничего не сказать, настолько незавидным было его положение. Он и рад бы был сказать: «С ерундой пришёл, дружище, эта бумажка ничего не значит!» – но не мог, потому что лежащий перед ним список являлся документальным фактом, который невозможно было отрицать. Понятно, что наличие этой улики в чужих руках не добавляло ему счастья. Он – вор, а Султан – ревизор! Этот пустяк мог поставить точку в его карьере. Да, вполне возможно! Кто знает, какую игру он замыслил. Доверься нынешним журналистам – опозорят разоблачением на весь мир! Ведь они любят славу больше, чем деньги! Признание им нужно, известность! Они думают, что, когда у них будет слава, будут и деньги! А ведь... не ошибаются...

– Та-ак! – протянул ректор, отодвигая бумагу в сторону. – Откуда вы это взяли? Кто дал?

– Никто не давал.

– И всё же...

– Я говорю как есть...

Султан смешался. У него не было права говорить, что он получил список от Рахили или завладел им при её содействии. Однокурсника предавать нельзя.

– Он случайно попал ко мне...

– Ладно, – согласился ректор и тут же перешёл в наступление: – Разберёмся, откуда он у вас взялся! А теперь скажите, вам не стыдно за себя?

– Почему?

– Это же шантаж.

– Не понял!

– Вы пришли меня шантажировать!

– Вы ошибаетесь, я пришел не шантажировать, а выяснить правду. Это вам должно быть стыдно, Азгар Шамович, а не мне. Я хорошо знаком с происходящим в нашей стране. Очень много талантливых и очень одарённых детей не могут получить бесплатное высшее образование, не могут поступить, потому что у них нет ни финансов, ни богатых родителей, которым деньги падают с неба. А недалёкие дети богатых дядей и тёть с лёгкостью, не без вашей помощи, попадают в райский сад знаний. Кем они окажутся в будущем? Ответ только один: дипломированными бездарями...

– Не понимаю, – пожал плечами ректор, – в чём вы меня обвиняете? Во взяточничестве?

– Нет, я не могу вас обвинить в этом, ведь вы ещё не задержаны следственными органами! Я могу назвать вас преступником только в том случае, если вас поймают на взятке. Но такая афера... это же не может продолжаться вечно! Наверное, этому должен быть конец?!

– Итак! – Ректор поднялся с места, потеряв былую статью, как-то неуклюже, боком. – Что вам от меня нужно?

Вслед за ним поднялся и Султан.

– Умную, образованную, талантливую девушку, – перечислил он положительные качества Пакизы, – зачислить!

– А если нет?

– Тогда узнаете...

– Я пока ничего не знаю...

– Видите этот список...

– Да...

– Он окажется на первой полосе нашей газеты! И не только это... потом он попадёт в поле внимания соответствующих органов!

Ректор (хотя не впервые оказывался в таком отчаянном положении!) пребывал в замешательстве, не смея оправдываться перед дерзким, бесстыдным гостем и тем более прогнать его. Он лишь мысленно корил себя за беспечность. Ведь сколько раз он заклинал себя быть осторожным, не терять бдительности. Не только себя, но и своих сообщников! Говорят, бережёного бог бережёт. Но берегись не берегись, как бы ты ни был бдителен, греховное деяние каким-то боком вылезает наружу и выдаёт тебя со всеми потрохами.

– Хорошо, подумаем...

– Благодарю.

– Оставьте визитку...

Едва Султан успел попрощаться с секретаршей и направиться к дверям приёмной, как из переговорного устройства раздался разъярённый голос ректора.

– Ляля!

– Да, Азгар Шамович!

– Сука!

Секретарша, побелевшая от страха, выпрямилась по

стойке смиренно. Ошеломлённый этим преобразованием, Султан остановился на пороге.

– Сколько раз говорил! Не впускай ко мне никого!

– Аз... гар... Ша... а...

– Выгоню я тебя! Честное слово, вы-го-ню!!!

– А... а... извините... не думала...

– Найди мне Рахилю Фаттаховну! Срочно!

– Хорошо...

Как только начальник умолк, секретарша с нескрываемой ненавистью посмотрела на непрошеного гостя, испытывающего радость победы, – из её красивых голубых глаз вслед ему посыпались зловещие едкие искры...

***

Следующий день у Султана не задался. Утром его на ковёр вызвал главный редактор. «Ты думаешь работать у нас или нет?! – распекал он его. – Почему ты ничего не делаешь, почему не пишешь? Где ты постоянно болтаешься? О чём думаешь?!»

Султан молча вышел из кабинета начальника и понуро зашагал на своё рабочее место. Если бы он знал, о чём думает, то, наверное, нашёл бы какую-нибудь работу получше, а не прозябал в этом болоте. В слове «творчество» куда-то исчезала буква «т», желания «глаголом жечь сердца людей» ни у кого не осталось. Ведь сегодня требуется писать о том, что нужно народу, читателю прежде всего. А подлинные чувства, которые кипят в сердце, мысли, которые хочется высказать, приходится сдерживать! Газета должна выйти вовремя и разойтись по подписчикам без опозданий! Потому что она включена в каталог, имеет свою цену в прејскуранте. Вот и заполняются страницы периодических изданий наспех написанными, поверхностными статьями.

Информационным мусором, по большому счёту. Глубоких аналитических публикаций, основанных на точных фактах, практически нет. Да, для них нужны дальние поездки, интересные командировки, а главное – время, время и желание!

Последнее время Султан действительно мало писал. Последнюю неделю вообще не брал перо в руки. Проблемы Пакизы окончательно выбили его из привычного круговорота дел. Коварный жадный ректор, похожий на бывшего американского президента Рейгана, и бледная от страха секретарша постоянно стояли у него перед глазами, даже сейчас, после выволочки начальства. Здорово он их всё-таки прижал, в угол загнал!

На рабочем месте Султана ждал ответственный секретарь. Его было не узнать, и не потому, что он был одет в новый костюм цвета пожухлой листвы, – на его лице отсутствовали усы. Таким Султан его видел впервые.

– Ничего удивительного, – пояснил секретарь, – всего-навсего сбрил усы...

– По просьбе жены?

– Нет, ей в отместку...

– Интересно!

Но красавца, теперь уже безусого, личная жизнь, как коллег, так и своя, интересовала мало, он сгорал на работе.

– Слышал? – спросил он привычным деловым тоном.

– Что?

– В гуманитарном профессора поймали на взятке!

– Да ты что! Кого?

– Татарский интеллигент!

– Каким образом?

– Во время сессии собирал деньги со студентов. С заочников. Ну, ввёл такую систему. Перед экзаменом

группа собирает деньги. Староста кладёт собранные деньги в коробку конфет и передает их профессору, в итоге каждому студенту – «зачёт»!

– Про коробку конфет подробнее, пожалуйста.

– Для конспирации. Он уже не один раз получал дань, многократно. Вот УБЭП и пошёл по следам этого удачливого. Говорят, сейчас проверяют учебное заведение. Было бы неплохо в нашей газете осветить эту ситуацию!

– Это что, задание?

– Да. Главный попросил тебя написать.

– А почему он мне сам не сказал об этом пять минут назад?

– Друг мой, это же наша работа, мы оба должны выполнять то, что он велит, согласен?

– А если я не напишу?

– Никуда не денешься, напишешь! Редактор назвал твою фамилию. Придерживайся его плана действий, и тогда твоя слава только возрастет. Не сомневайся. У тебя есть имя, тема предложена классная! Это бомба в систему высшего образования, понимаешь, настоящая бомба! Бо-о-о-мба! Я даже придумал название будущей статьи...

– Какое, если не секрет?

– Птичье молоко...

– Не понял?

– Деньги, собранные студентами, складывались в коробку конфет «Птичье молоко». Как по-татарски будет «птичье молоко»? Кош сөте?

– Нет, брат, не так... это грубая калька...

– А как?

– Күгәрчен сөте. Голубиное молоко...

Ближе к обеденному перерыву Султана разыскала Рахия – переполненная гневом, искренне обиженная на бывшего однокурсника. Она так тараторила, что на

носу подпрыгивали толстые линзы очков. Из потока её слов Султан с трудом выхватывал отдельные фразы: «когда-то учились вместе», «получали диплом», «никогда не ссорились», «поставил в затруднительное положение».

– Рахия, я прошу у тебя прощения, действительно, я очень виноват перед тобой, – пытался оправдаться Султан. – Знаешь, стремясь достичь какой-то цели, человек не продумывает до конца последствий. Ему и в голову не приходит, что на этом пути он может причинить горе невинному человеку...

– Как этот список оказался у тебя? – не переставала удивляться Рахия. – Не понимаю!

– Сам не понимаю... прости, пожалуйста!..

– Ох, пропала моя головушка!

– Подожди, я попробую что-нибудь сделать для тебя. Что сказал твой босс?

– Нашёл меня! Поставил на колени... Он боится выхода материала в печать и своего разоблачения! Боится тебя...

– Пусть не боится, скажи, что я никогда не опубликую статью!

– Это правда?

– Самая что ни на есть настоящая! Мужчины не говорят дважды!

– Не показала бы тебе список, ты ничего не узнал бы! Зачем только я тебя пригласила к себе, зачем?!

– Ты хорошо знаешь почему. Мне надо помочь односельчанке с поступлением...

Тут ожил сотовый телефон Султана. Как удивительно! Звонили из приёмной ректора! Раздался голос секретарши. Но на этот раз почему-то звучавший доверительно и ласково:

– Журналист Султан Абдуллин?

– Да, я.

– Азгар Шамович хочет с вами поговорить. Сможете уделить минутку?

– С превеликим удовольствием...

Ректор тоже сменил тон на родственный и дружелюбный. Обращался к журналисту запросто, на «ты».

– Султан... как настроение?

– Хорошо... Ваше как? – ответил Султан, думая про себя: «Старый лис! Что, подпалили тебе хвост, задницу припекает?»

– Ты на работе?

– Да. Вот и Рахилия Фаттаховна со мной!

– Разве она с тобой?! – Сделал вид, что ничего не знает, хотя сам послал подчинённую на разведку.

– Да, вот сидит передо мной! – заверил его Султан.

– Хорошо. Я хочу сказать: вопрос решён. Ваша девушка поступит в этом году!

– Спасибо!

– Её ведь Пакиза зовут?

– Да.

– Странное имя...

– Да, странноватое, – согласился Султан.

– Все необходимые распоряжения я сделал. В один из приездов привезёте документы и характеристики девушки!

– Хорошо, Азгар Шамович, принесу!

– Скажи ей, – засмеялся ректор, – чтобы она хорошо подготовилась к экзаменам.

– Непременно, хотя она уже давно готова.

– Ладно, до свидания!

– Всего доброго!

– Не забудь похвалить наш институт! Ведь ты и сам в нём учился... ха-ха...

– Напишу, иншалла...

Султан не мог скрыть радости и был готов расцеловать

Рахилю. Но та не разделила его восторга и, будучи прямолинейной, искренней женщиной, тут же предупредила:

– Напрасно радуешься! Принять-то её примут, но учиться всё равно не дадут! У нас не приживаются те, кто нахрапом пролезает в список. Не только ей житься не дадут, но и мне! Вот увидишь! Меня скоро выгонят, я уже знаю это...

– Почему?

– За то, что не смогла уберечь список!

– Знамя он, что ли, чтобы его беречь?

Ему не хотелось верить словам однокурсницы. В те минуты он упивался своей маленькой победой и с нетерпением ждал её ухода. Когда та, наконец, выговорилась и исчезла, Султан без промедления позвонил девушке:

– Красавица моя, твоя судьба решена!

– Неужели, Султан-абый?!

– Тебя берут учиться на бюджетный...

3

Предложный падеж

– Моему ребёнку не дали места в общежитии...

Спустя пять месяцев, в конце августа, в редакционном кабинете Султана вновь сидела односельчанка Талия-ханум, всё в том же бело-красном платье, похожем на чувашскую рубаху, так же краем платка вытирала слёзы.

– Дорогой, не найдёшь ли ей место, где можно остановиться?

И глаза у этой тётушки остались такими же – с хитринкой, чуть ли не издёвка в них мелькала. Но на этот раз Султан решился оказать ей сопротивление:

– Кажется, в городе живёт твоя старшая дочь.

– Живёт... да... но она собирается разводиться с мужем,

– продолжила давить на жалость Талия-ханум. – Наш зять оказался далёко не таким пушистым, каким выглядел поначалу: ревнивый, к тому же пьяница! Дважды дочке ломал нос, если в третий раз сломает, что тогда? К тому же... Пакиза сама не хочет у них жить... Ведь она у нас особенная, похожа на отца, – нелюдима, сама себе хозяйка...

– Так рассталась старшая дочь с мужем или нет? – стоял на своём Султан. Мало того что он устроил ее дочь в институт, так этот шайтан в юбке хочет взвалить на его плечи ещё одну непосильную ношу? Наверное, когда придёт время выдавать свою младшую дочь замуж, она попросит его быть сватом!

– Они на грани развода... Дом не наш, зять. Половину отсудим и продадим. Убьявление уже дали...

Разумеется, Султан более сочувствовал зятю. И не только из мужской солидарности – Талия-ханум месяц назад в полной мере показала свою алчность. В благодарность за поступление дочери в институт, она прислала Султану из деревни овцу. Подарок ждал его во дворе зятя, тогда ещё вполне для неё «пушистого». Но овца оказалась такой худой и маленькой, что Султан предпочёл не связываться с закланием животного – после разделки должно было получиться десять килограммов мяса, не больше. Сам зять, показав её Султану, в отчаянии воскликнул: «Бр-рат, они такие! Про отца сказать не могу, а вот мать... поедом меня ест!» На следующий день он пригласил Султана на шашлык, но, когда тот приехал, шашлык уже съели – набежали друзья, родственники. Тогда зять быстро сгонял в магазин и принёс готовое маринованное мясо. В итоге Султан угостился магазинным шашлыком из свинины, а не из халяльной деревенской баранины...

– Хорошо, я подумаю... – неожиданно для себя самого произнёс Султан.

– Когда решится вопрос?

– Я знаком с одним человеком, – сказал Султан. – У него есть свободная квартира, не бог весть какая шикарная...

– Ладно, милый, какая бы ни была... лишь бы крыша над головой...

– Сам он человек состоятельный, живёт в трёхкомнатной квартире. А студию держит пустой.

– Так и хорошо... если пустая!

– Я все же сначала поговорю с ним, если он даст разрешение, твоя дочь поселится там.

– А какова будет цена? В деревне нет работы, живём на пенсию бабушки...

– Не волнуйтесь, это не будет слишком дорого...

***

Квартира, которую имел в виду Султан, действительно пустовала. Её хозяйина звали Маннур. Он был поистине незаурядной личностью, напрочь лишённой каких-либо комплексов. Когда он впервые появился в редакции газеты, сразу прошёл в кабинет главного редактора и прямо сказал: «Если обо мне хорошо напишете, денег не пожалею, заплачу сполна!» Это была огромная ответственность – опубликовать статью о человеке, имеющем сомнительную репутацию. Поэтому редактор согласился с большой неохотой и не сразу. Но на дворе стояли девяностые – смутное время: зарплата не выплачивалась, тиражи падали. В итоге главный редактор направил этого нахала к Султану.

Маннур ворвался в его кабинет как метеорит: не только стремительно двигался, но и весь сверкал – блеск излучали модный костюм, толстая золотая цепь на шее, часы на запястье и массивные печатки на пальцах рук. Комичным это показное великолепие не казалось,

несмотря на низкорослость и коренастость Маннура, а также его ранние залысины. Чтобы скрыть этот недостаток, он сбрасывал волосы под ноль. Уже с порога этот молодой человек обратился к Султану настолько легко и искренне, что сразу внушил безграничное доверие к себе.

– Друг мой, давай покинем эту тесную комнату и побеседуем в шикарном кафе!

Маннур каким-то образом почувствовал, что Султан замотался и не успел пообедать, но как?.. Более того, уже в кафе он угадал его вкусовые предпочтения – заказал лагман, люля-кебаб и губадию. С ним было легко, весело и приятно. Хотя сразу было видно: новый знакомый любит приврать, да и мошенничество ему не чуждо, зато он из тех, кто не останавливается на полпути и не теряет. Маннур без церемоний пообещал денежное вознаграждение и самому Султану, помимо денег, предназначенных главному редактору. Предложил солидную по тем временам сумму – тридцать тысяч рублей. Султан не заставил себя долго упрашивать. К чему ломать комедию и поддерживать миф о неподкупности журналистов? Ничто человеческое акулам пера не чуждо, порой и они дают слабину, поступаясь убеждениями. Есть и те, кто в погоне за доходами вполне сознательно преследует чиновников угрозой разоблачения. «Если не я, то кто-то другой всё равно напишет, а так хоть жену порадую!» – решил Султан. Рамиле действительно давно было пора купить новую дублёнку. Причем, турецкую...

Статья про Маннура, молодого перспективного предпринимателя, вышла на первой полосе газеты, разумеется, с эффектным фотопортретом. И тут же в редакцию посыпались возмущённые звонки: почему восхваляете афериста? Даже пара анонимных писем пришла с угрозами. К счастью, всё довольно быстро

затихло, и жена Султана могла спокойно щеголять в новой турецкой дублёрке. Судя по всему, рука у Султана оказалась лёгкой, потому что после выхода статьи дела его пошли в гору. Он приобрёл трёхкомнатную квартиру на набережной Казанки и новый «Лексус», а свою однушку на улице Лево-Булачной не задумываясь передал Султану в безвозмездное пользование.

С подарком тот тоже угадал, ведь Булак был любимой городской достопримечательностью Султана. Обратила на неё его внимание, разумеется, Назира: «Это же кусочек Санкт-Петербурга в нашей Казани!» Вдвоём они исходили Булак вдоль – по улицам Право– и Лево-Булачной, и поперёк – по шести мостам, перекинутым через канал. Ложкинский, Лебедевский, Романовский, Дегтярёвский, Батурицкий, Булачный – Султан хорошо запомнил их названия. Сидя с подругой на задернованных склонах канала, он любовался подсвеченными фонтанами и воскрешал в воображении картины прошлого: представлял Булак глубоким и судоходным – как по нему плывут гружёные баржи приезжих купцов, на берегах стоят склады и мельницы, подвозятся на лодках товары. Для обоих стало открытием то, что протока, по сути, является границей русского и татарского мира: православные церкви стоят по правую сторону от неё, а мечети – по левую.

Поначалу эту квартиру Султан задумал сделать салоном, где собирались бы творческие люди: журналисты, писатели, актёры и певцы. Но постепенно она превратилась если не в логово разврата, то уж точно в лав-отель: друзья то и дело просили у Султана ключи от квартиры, чтобы привести туда очередную подружку. Об этом, конечно же, не знали ни его опостылевшая жена, ни простодушный отец, который изредка ночевал там во время приездов в Казань. Султан давно хотел

покончить с этим бардаком и потому был рад поводу в лице студентки-односельчанки...

Разумеется, прежде чем заселить девушку в квартиру, следовало осмотреть ее. Ведь кто только не заходил туда в отсутствие временного обладателя, кто только не ночевал! В идеале, конечно, наведение порядка следовало бы начать с подъезда. Это было мрачное пространство, испещрённое паутиной грязных проводов. Из-за узких запылённых окон там даже в дневное время царил полумрак. Подняться на второй этаж Султану обычно помогала половинчатая покраска стен – место стыковки их крашеной части с побелённой резко выделялось. Вот и на этот раз ему пришлось внимательно смотреть под ноги, чтобы не расквасить нос и заодно удивляться тому, что ступени выкрашены по краям коричневой краской, то есть там, где человек не ходит. Возможно, советские маляры воспроизводили в тесных подъездах ковровые дорожки на лестницах, создавая таким образом некое подобие уюта? Не меньшее удивление на крошечной лестничной площадке вызывали двери, обитые дерматином. С какой целью это делалось: для красоты? звукоизоляции?.. А может, для того, чтобы служить котам когтеточкой? Все были потрескавшимися и потрёпанными снизу, открывались внутрь, чтобы, открываясь одновременно, они не мешали друг другу.

Султан прошёл в квартиру, не снимая обуви. Со вздохом, в свете одного загоревшегося плафона китайской люстры, оглядел мерзость запустения. Маннур в своё время хотел привести жилище в порядок, даже успел кое-что сделать: на полы уложил щитовой паркет, но не отлакировал. Поэтому он выглядел чёрным от въевшейся грязи с отпечатками женских каблуков, подошв мужских ботинок и даже сапог. Потолок был обклеен потолочной плиткой с довольно изящным растительным

орнаментом, но несколько квадратиков отклеилось и держалось на честном слове. Мебель тоже представляла собой печальное зрелище. Несколько дверей «стенки» сорвалось с петель, на других отломились ручки. В углу красовался громоздкий ламповый телевизор с выпуклым экраном, который словно кричал: «Смотрите, я ещё жив!» Полутороспальная кровать стояла перекошенная у стены на трёх ножках, четвертая валялась тут же, на прикроватном коврикe, покрытом толстым слоем пыли. Словом, Маннур почему-то не захотел или не смог здесь жить, потому и бросил ремонт на полпути.

Султан, планировавший сделать в квартире генеральную уборку, нашел в себе силы лишь на то, чтобы отнести в мусорное ведро несколько «ночных колпачков», обнаруженных под кроватью. «Что это я так стараюсь?! – подумал он. – Придёт и сама всё помое! Она же деревенская девушка!»

4

Дательный падеж

На следующее утро Султан позвонил в деревню матери Пакизы: мол, квартира есть, пусть приезжает! Талия-ханум обрадовалась. Но не прошло и получаса, как она ему позвонила:

– Мой ребёнок... живет у моей дочери... Не перевезёшь ли ты оттуда её вещи? Нанять такси будет очень дорого, а ты ведь вроде на машине...

Султану следовало бы закричать: «Эта женщина села мне на голову! С меня довольно!» Но вслух он не сказал ни слова. Послушно поехал на окраину города и, погрузив весь скарб девушки, одежду и чемоданы, в машину, перевёз на Булак. По пути отметил про себя, что девушка изменилась. Сестра придела её в красивую красную блузку, фирменные джинсы, ее

волосы были коротко подстрижены. И не скажешь, что это та самая деревенская несмеяна, которую он встретил на автовокзале! И все же природная застенчивость еще не выветрилась из неё и сквозила в каждом поступке и шаге девушки. Казалось, она сковывала свободу Пакизы, лишала ее воли к действию. Да, ей ещё меняться и меняться, расти и расти! Но для этого нужно время...

Про квартиру девушка ничего не сказала: ни хорошее, ни плохое. Только протянула Султану деньги, совершенно ему не нужные. Султан слегка побранил её и не взял. Не торопясь рассказал квартирантке, где что лежит. Перед отъездом протянул ей на прощание руку...

– Султан-абый, – сказала девочка, – мама велела вас спросить...

– Спрашивай.

– Сколько мы должны за квартиру в месяц?

– Кто это «мы»?

– Отец... мама... семья... Я пока нигде не работаю, так что за квартиру будут платить родители...

– Я сам с мамой поговорю! – Султан посмотрел на девушку с невольным восхищением. Ему захотелось обнять её и приласкать, но он позволил себя лишь погладить её по голове. – В первые месяцы можно не платить...

Пакиза опустила голову и отвела глаза. Султан не сразу заметил, что она плачет! На длинных чёрных ресницах повисли две-три слезинки...

– Сестрёнка, что с тобой?

– Султан-абый, мне так неудобно перед вами, – сказала девушка, вытирая слёзы. – Сколько добра вы для меня сделали, времени не пожалели. Мы же вам никто, только односельчане. Мама, всё это было для мамы! Она у нас такая... упрямая, дерзкая! Не упускает случая, чтобы в кого-нибудь не вцепиться. И скупая до невозможности:

ведь она даже этого барашка с плачем отдала вам. В семье не отец голова, а она... только слово матери закон, и никто не может ей возразить. И вы тоже не могли ей возразить, и вы выполнили то, что она просила. Но напрасно... всё напрасно...

– «Напрасно»?! Почему? – Султан удивился тому, как девушка стремительно взрослела и уже выражала готовность отвечать не только за себя, но и за других.

– У меня теперь к этому институту душа не лежит. Потому что я попала туда не своими силами, мне в этом помогли. Кого-то вычеркнули из списка и вместо этого вписали меня...

– Да, согласен, невозможно попасть в список, не вычеркнув кого-то. Это закон, моя дорогая, суровый закон жизни.

– Вот поэтому... меня и беспокоит совесть. Кто-то из-за меня не смог поступить...

– А ты видела этого человека?

– Видела...

– Видела! – снова удивился Султан. – Кто же это?

– Абитуриентка. Я... я заняла именно её место. Она стояла в фойе и плакала перед большим стендом со списком поступивших... Красивая, обаятельная девушка...

– Ошибаешься! – поднял голос Султан. – Ты заняла не её место, а своё...

– Нет, нет, это была она, – сказала Пакиза. – Она должна была поступить именно на тот факультет, на котором я буду учиться... на бюджет... Плакала, обиженная и расстроенная: «Как мне теперь жить? Как вернуться в деревню? Представьте, сколько мы заплатили... Отец продал двух быков и одну корову, когда не хватило... взял кредит... Стыдно мне... стыдно перед отцом...» Мне было так жалко эту девушку...

– Ты в своём уме? Несешь всякий вздор!
– А я не выдержала... подошла к ней и сказала...
– Что?
– Знаешь, вместо тебя я поступила, без денег, мой брат был знаком с ректором!
– Ты дура, что ли?!
– Да! Дура.
– А что она ответила?
– Сразу перестала плакать... Покраснела, насупилась... Потом сказала мне со злобой: «Чтобы ты сдохла! Век тебе учёбы не видать!»

Поначалу Султан воспринял слова девушки как полнейшую чушь, а потом понял, что далее не в силах продолжать разговор стоя. Он усадил девушку за дубовый стол – единственный предмет мебелировки в комнате молодого хозяина, прочно стоявший на четырёх ногах, – и пристально посмотрел на неё. В душе закипала нешуточная злость: выходит, зря он ходил? Зря тратил своё время?

– Сестричка... – прошипел Султан (так гусак иногда шипит на чужих людей!) – ...почему ты не сказала этого раньше?! В конце концов, я бегал не по своей воле, а только потому, что вы просили. Пойми, добиться этого было непросто, и мне, как и тебе, пришлось перешагнуть через себя. Это ваша благодарность?!

Султан хотел ещё что-то сказать, но, к счастью, вовремя остановился. Он думал, что обидел девушку своей резкостью, но нет, она не обиделась, более того – сидела с высоко поднятой головой, с гордым видом. Вместо того чтобы быстро попрощаться и уйти, Султан ударился в какие-то ненужные увещевания:

– Ты понимаешь, что жизнь по своей сути это полная мерзость. Теперь нет смысла сидеть, проливая слезы и жалея кого-то! В этом мире невозможно подняться

наверх, не наступив на чью-то голову, понимаешь?! Так издревле устроен этот мир, так оно было и так будет. Только мы с тобой не в силах сейчас это изменить. Если ты можешь урвать то, что тебе нужно, очень хорошо, потому что, если ты не урвёшь заранее, это что-то может быть захвачено другими. Жизнь – это борьба, сестрёнка, жестокая борьба. Никогда не падай духом, будь решительной, будь смелой, умей поставить себя перед людьми! Пока ты будешь щёлкать клювом, другие обгонят тебя и исчезнут на горизонте. Они пойдут вперёд, а ты останешься позади. Наше время – не для слёз и угрызений совести, сестрёнка, это очень плохое, злое, дикое время...

«Не делай добра – не получишь зла!» – с таким выводом Султан покинул квартиру на берегу канала. В этом он уже давно был убеждён, однако оставался неисправимым альтруистом. Таким образом, кто был виноват? Он сам! Почему? Потому что такова его фитра – первозданное естество, которое всегда стремится только к добру.

5

Местный падеж

Султан раз в месяц заходил в книжный магазин на улице Баумана, поскольку следил за новинками Казанского книжного издательства. Кроме того, ему нравилось спускаться вниз по крутой железной лестнице в цокольный этаж старинного здания, шутить с продавщицами, которые при виде его расплывались в улыбке: «О, наш постоянный покупатель! Добро пожаловать».

Однако в этот раз на Султана никто не обратил внимания – все женщины были заняты respectableм мужчиной, одетым в сугубо деловом стиле. Костюм,

сидевший на нём как влитой, однотонная рубашка из хлопчатобумажной ткани, галстук – до середины ременной пряжки, «оксфорды» с округлым мыском, – всё сочеталось по цвету между собой и отличалось благородной сдержанностью. Поэтому Султан не сразу узнал в этом денди Маннура: куда делось показное великолепие, цепи и печатки? – лишь часы Rolex скромно поблескивают на запястье. Но более интересен был другой вопрос: какими ветрами занесло сюда этого баловня судьбы?

Спросить Султан не успел, потому что Маннур первым обратился к нему:

– Друг, тебя можно поздравить!

– С чем?

– У тебя появилась молодая женщина!

– Какая ещё «молодая женщина»? – Султан воспринял это как шутку.

– Классная девушка, шэ-э-п! – протянул Маннур. – Вчера зашёл в квартиру на Булаке...

– Ах да... понял...

– Дверь открыла молодая красавица. Зарделась от смущения... Квартира неузнаваема, везде порядок, чистота!

– Ты уж меня прости, без спросу впустил туда студентку, нашу деревенскую девчонку. Она в институт поступила недавно, – сказал в своё оправдание Султан. – Если хочешь, через месяц попрошу её исчезнуть...

– Нет, ты что, я не против! Иначе куда денешь свою любовницу? Я больше беспокоюсь об этом... хи-хи...

– Она ещё молода для этой роли... в любовницы не годится...

Желая быстрее свернуть разговор, Султан схватил с полки первый попавшийся сборник стихов. На касе увидел стопку из семи-восьми книг, отобранных

Маннуром, – самых разнообразных: по экономике, истории, юриспруденции. Рассматривать их ему было некогда – истекал час бесплатной парковки у торгового центра «Кольцо». Оказалось, машина друга тоже находится там, но он, в отличие от Султана, никуда не спешит.

– Всегда оплачиваю парковку с запасом, – объяснил он по дороге. – У меня нет экстрасенсорных способностей, чтобы знать, сколько мой железный конь будет там стоять. А то, что он полчаса пробудет на парковке, а я оплачу пять часов – меня не волнует. Переплата вернётся на баланс личного кабинета.

– Мы люди исполнительные, платить не отказываемся, – разгорячился Султан. – Однако с оплатой большая проблема. Наличные не принимают вообще, а по карте – терминалы на парковке через раз работают. Только с помощью приложения или эсэмэс. Случайно не ту цифру нажал, и оплатил парковку несуществующему автомобилю. А потом жди штраф.

Султан готов был ещё долго рассуждать о том, что в городском хозяйстве устроено вразрез со здравым смыслом и логикой, но Маннур вновь завёл разговор про Пакизу.

– А мне девочка очень понравилась. Слушай, в ней есть наивность, нечто первозданное... слова не подбираю... чистота, что ли?

– Искренностью мы это называем. И не только это... Если хочешь знать, в её душе есть вера в человека... Впрочем, для подростков это характерно, особенно из сельской местности. Жаль, недолго она продержится... такие быстро теряют первозданную свежесть...

На площади Тукая друзья спустились в подземный переход и вынырнули у здания с гигантским золотистым кольцом, парящим под углом к фасаду. Большинство

казанцев считали сооружение уродливым, но Султан не разделял этого мнения – ему нравилась неуклюжая имитация классики: колонны, арки, башенка, обилие стекла и пестрота вывесок. Вместе с тем он сознавал, что времена изменились: всё яркое сменилось на спокойное, приглушённое и натуральное – это было заметно и по смене внешнего облика друга.

Мужчины обогнули торговый центр и прошли на стоянку. Там Маннур помог Султану отправить эсэмэску, чтобы тот ещё два часа побыл с ним в центре города, после чего пригласил в свою иномарку; справа от приборной панели открыл бардачок. Там лежали пивные банки, солёная рыба, чипсы, пакеты с кириешками и даже бутылка коньяка. Одну из пивных банок Маннур протянул товарищу, другую аккуратно открыл сам, предварительно постучав по её краям. Султан бросил на него предостерегающий взгляд: мол, ты же за рулём.

– Моё безалкогольное! – пояснил он и, закурив, вернулся к прежней теме: – Классная девушка! Эх, в Сергач бы её сейчас отвёз... Мама, радуйся! Невестку тебе нашёл, благослови, сказал бы... Не даст благословения? Даст! Потому что знает, хорошо знает, что не приведу ей бесстыжую стерву! Кроткие, терпеливые невестки – штучный товар!

– Скажешь тоже! У тебя и без того девушек хватает!

– Хватает, друг мой, хватает, – согласился он. – По обе стороны от меня, как крылья, висят две топ-модели: одна блондинка, другая брюнетка... Да такие тугие да красивые просто кровь с молоком!

– Не очень-то ты ласков с ними.

– Ну... ведь я же не до такой степени дурак. Всё понимаю. Если бы я был продавцом мороженого на перекрёстке или дворником, они бы не посмотрели в мою сторону. Только мои деньги мешают им спать

по ночам. Только это. Даже в постели могут сказать: «Нурик, проходит август, что ты собираешься мне подарить на осень?» Это разъедает душу. Ух, не люблю этих стервятников!

– Хе! И в то же время не можешь без них обойтись.

Попытка Султана открыть банку с пивом завершилась неудачей – он тянул алюминиевое колечко вверх вместо того, чтобы давить на него, и в конце концов оторвал. Но Маннур не замечал его мучений и продолжал рассуждать о своём:

– Да, я не могу назвать их глупыми. В понимании жизни они намного превосходят меня. Я всё ещё учусь у них... Но с ними нельзя разговаривать искренне... вот как с тобой... Каждый раз, когда встречаемся, ты поражаешь меня своими открытиями. Есть что-нибудь новенькое?..

– Есть! – сказал Султан, надавив пальцем на крышку – в лицо ему брызнула пена. – Открыл!

– Расскажи.

– Пиво открыл... Впрочем, философская идея тоже есть.

– Не тяни!

– Список. Это ещё не продумано до конца...

Султан залпом выпил пиво и, смяв банку, хотел выбросить её в окно, но Маннур схватил его за руку и переложил банку в пакет. Брови Султана от удивления взлетели вверх: прежде он не замечал за другом такой щепетильности.

– В общем, есть два разных списка, – начал Султан, – один белый, другой чёрный. В первый вошли счастливики, в другой – неудачники. По-видимому, этот список сам Бог опускает с небес. То есть помечает людей. Здесь, несомненно, присутствует мистика, поэтому моей идее нельзя доверять безоговорочно. Пока это так... фикция, выдумка...

– Нет-нет, идея интересная! – Глаза его заблестели.

– Всё началось с девушки, которая поселилась в твоей квартире. Её не включили в предварительный список поступающих. А я изловчился и включил! Хотел, чтобы она была счастлива. Ради неё мне пришлось вступить в конфликт с ректором. Но сегодня, будучи студенткой, она не испытывает счастья. Именно после этого события и родилась моя идея.

– Слушай, великая мысль! – оживился тот. – Какой-то смысл здесь лежит. Давай прогуляемся, заодно банки культурно выкинем.

Пройтись решили по пешеходной улице Петербургской, которая начиналась у торгового центра «Кольцо». Султан считал её одним из самых неуютных уголков Казани: пустыри, где ещё ничего не построили на месте снесённых домов; ни одного деревца – только фальшивые мостики, перекинутые через условный поток воды – мощёный волнами булыжник; по центру – стилизованные под старину фонари и гранитные двухсторонние скамейки. На одну из них, с подлокотниками, украшенными грифонами, друзья присели, чтобы продолжить разговор.

Султан бросил взгляд на ротонду «Казанский метрополитен», расположенную неподалеку. Она была выполнена скорее в восточном стиле и никак не соответствовала духу северной столицы. Султан вспомнил, что внутри неё хранится капсула с посланием президента республики к потомкам – тоже, наверное, список чего-то: славных имён или героических деяний...

– Помнишь, перед выпасом стада хозяева ставили метки на овцах? – продолжил изложение своей идеи Султан. – Протыкали им левое или правое ухо и пропускали через отверстие ленту. Каждый хозяин использовал ленту определённого цвета, чтобы не путаться, когда стадо вернётся. Счастливых людей тоже

можно узнать в толпе, если смотреть внимательно. Они всегда довольны жизнью и собой, высокомерны, считают себя выше других. А самое главное, с их сытых, сияющих лиц никогда не сходит счастливая улыбка. Нет-нет, время от времени они ожесточаются, как разъярённый жеребец, и способны затоптать любого, кто попадётся под ноги: мол, кто вы и кто я? на какой вершине пребываю я и на каком днище очутился ты?..

– И что с того? – засомневался Маннур. – Был у меня родственник Фарих-абый... Всю жизнь ему везло. Сначала пахал на складе, затем перешёл на комсомольскую работу, вступил в партию, стал секретарём райкома. Жил довольно безбедно, получал большие льготы, а после выхода на пенсию, как все... взял да и помер!

– Твой родственник был человеком советской номенклатуры. Не следует путать номенклатуру со списком.

– Разве это не одно и то же?

– Наверное, какое-то сходство есть. Те и другие всю жизнь как сыр в масле катаются. Всё идёт гладко; сидят на хороших местах, некоторые даже в министерском кресле. Но те, кого народ называет «Алланың кашка тэкәсе», никогда не прилагают усилий к достижению успеха и не ломают голову над карьерой, им всё даётся легко и просто. Разве что иногда на их лица набежит тень, но тут же сменится счастливой улыбкой... А кто-то всю жизнь прогибается, старается, пыхтит в поте лица. Но, увы, ничего не получается. Аллес капут. В результате... такие либо спиваются, либо, боже упаси, совершают грех самоубийства. В этом весь парадокс, мой друг... силы неравны...

– А смысл в чём?

– В том, что они не вошли в список... список счастливых...

– Лимит, значит, есть, – засмеялся Маннур. – Ясен пень, список не может вместить всех. А этот, который памятник, вошёл туда?

Он указал на бюст Льва Гумилёва, установленный на постаменте, окружённом чугунными цепями и шарами, в самом начале Петербургской.

– Не могу сказать... – Султан задумался.

Судьба знаменитого историка не укладывалась в идею списка: вроде сын двух великих поэтов, но рано потерял отца, для матери всю жизнь был пятым колесом в телеге; в университет поступить не давали из-за дворянского происхождения, и он работал где придётся, даже чернорабочим в трамвайном депо. Потом, когда удалось поступить, начались аресты и ссылки. Но в итоге Гумилёв всё-таки стал знаменитым учёным! Похоже, восстановил своё имя в списке Отца небесного. Потому что красуется в центре Казани вместо Петра Первого. Ведь когда улица ещё называлась Свердлова, в планах было установить здесь бюст императору всероссийскому. Спасибо местным властям, настояли на Гумилёве и выбили на пьедестале его слова: «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы»...

Султан не успел додумать мысль до конца, потому что его друг задал очередной вопрос:

– А меня куда поместишь?

– Исходя из твоего нынешнего статуса?.. В первый список.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой тот. – Войду ли я туда?

– Почему бы и нет. Ты – авторитетный человек! Крепко стоишь на ногах, купаешься в деньгах. Возглавляешь большую организацию. С двух сторон тебя подпирают красивые топ-модели. Не жизнь, а рай в окружении гурий!

Султан сказал это без особой уверенности, потому что увидел, как потемнело лицо Маннура – философская забава неожиданно обернулась для него душевным раздраем. Это ничуть не радовало.

– Вот ты в своём интервью отлакировал меня до блеска, а ведь я и на четверть не соответствую написанному тобой! – воскликнул он.

– В этом случае ты никак не можешь на меня обидеться! – возразил Султан. – Я сознавал, что попытки раскрыть тебя будут тщетными и не задавал острых вопросов. Вообще не люблю брать интервью у чиновников и известных личностей... Они волнуются за свою репутацию и отвечают шаблонно. Искренности добиться невозможно... Поэтому в большинстве случаев разговор вращается только вокруг производства...

– Согласен... И всё же ты до сих пор не знаешь, кто я.

– Кто?

– Очень злой, очень подлый человек!

– Хе... ты не удивил меня. Потому что так может сказать о себе каждый.

– Нет, это суцая правда. Чтобы достичь своей цели, я ни перед чем не остановлюсь, если нужно, продам и друга, и даже родную мать!

Мимо с грохотом промчались два юных скейтбордиста.

– Прогуляемся до фонтана? – предложил Султан.

Он надеялся вернуть друга к привычной роли неунывающего весельчака и по дороге без умолку трещал обо всём, что попадалось в поле зрения: об отелях и ресторанах, о корабельных пушках и якорях, о вёсельной галере «Тверь», на которой императрица Екатерина путешествовала по Волге. Но Маннур ни на что не обращал внимания, даже на любителей танго, танцующих прямо на брусчатке под чарующую музыку.

– Можно подумать, легко стать руководителем! – с жаром доказывал он то ли Султану, то ли самому себе. – Не какой-то мелочью, а генеральным директором большой компании. Что, меня там ждали?.. Встретили с распростёртыми объятиями?..

Султан начал тяготиться его обществом и ускорил шаг, чтобы быстрее добраться до фонтана. Там по краям восьмиметровой чаши бьют небольшие струйки, а в центре – одна мощная струя создаёт подобие полусферы, словно гейзер, выходящий из-под земли. Глядишь, и вернётся душевное равновесие к обоим.

– Рассказывай, – предложил Султан, усаживаясь на широкую гранитную скамью. – Что ты имел в виду под продажей друга и родной матери?

– Ты говоришь так, будто собрался брать у меня ещё одно интервью! – улыбнулся Маннур. – Эх, встретиться бы нам лет десять назад, когда я только приехал в Казань в никуда. Сменил семь или восемь работ, отовсюду выгоняли. Потому что не любил перед кем-то гнуть поясницу, не считал нужным сдерживать свой язык. Чего в итоге добился? – после очередного увольнения полгода не выходил из запоя. Сопли на кулак наматывал и не вылезал из пивнушек. Батманыча помнишь?

– Твой бывший шеф?

– Да, он подобрал меня на заблёванном асфальте и взял в свою фирму инженером. Проникся ко мне доверием, хотя кто я ему? Ни родственник, ни друг. Выделил мне персональную машину – иномарку, хотя и старую. А я залил в мотор вместо антифриза тосол, на фуфло нарвался, и испортил машину. Но шеф тут же меня простил. Любил меня! По-отцовски, понимаешь?! Потому что я умею красиво петь, соловьём заливаюсь. Могу преданно смотреть в глаза и затуманивать разум.

Батманыч был наивен, очень наивен, хоть и прошёл партийную школу.

Султан поёжился и бросил взгляд на ротонду, напоминавшую чернильницу, – копию купола Казанского собора в Санкт-Петербурге. Она производила жуткое впечатление, потому что увлекала взгляд под землю, на сто метров вглубь: казалось, под ротондой-чернильницей спрятано грандиозное сооружение – стены с колоннадами и портиками, статуи апостолов и ангелов... «Вот и этот баловень судьбы скрывает под блестящей оболочкой бездну, – подумал Султан. – Только в ней вместо ангелов бушуют демоны...»

– Вскоре Батманыч назначил меня своим заместителем, – продолжил он свою исповедь. – Предоставил квартиру. Ту самую, на берегу Булака, куда заселилась твоя студентка. После этого я пошёл в гору. Большие премии, загранпоездки, раболепие подчиненных! Но дела не всегда идут гладко. Один серьёзный проект я запарол. Лично. У организации возникли огромные проблемы, заказы сократились, зарплата рабочих снизилась. Батманыч на собрании отругал меня как собаку. Прилюдно! И хотя он был прав, внутри у меня родилась такая злоба, что я никак не мог об этом забыть. Было ясно: когда-нибудь она выплеснется мезтью. И она выплеснулась, выплеснулась с очень громким выхлопом! – когда наши акции выкупили конкуренты, то есть москвичи.

– Вспомнил Тукая! – усмехнулся Султан. – Он когда-то писал: «если москвичи схватят за воротник».

– Москвичи очень продвинутые ребята, – подтвердил Маннур, – для них на первом месте работа, бизнес, прибыль. Большинство специалистов – молодняк, получивший образование за границей.

– А про наших татар что скажешь? – спросил Султан.

– Скажу, что чем выше они успевают подняться, тем больше теряют голову. Кто-то пускается во все тяжкие – меняет жену, бросает семью, у кого-то срывает крышу от собственной значимости – хамят всем подряд: «Я начальник, ты дурак». Банально, конечно. Вот увидишь, скоро московские инвесторы нас с потрохами купят. И земли, и дома на земле. По частям, по крупицам, по спискам. Но для меня, наоборот, приезд москвичей был более чем позитивным. Батманыч притих. Большие дяди наверху потеряли к нему интерес, он стал для них не особо нужен. И я понял: наконец-то тикает моё время!

– А дожидаться выхода шефа на пенсию было не вариант?

– Ждать пять лет?! Ты в своём уме? Я строил планы, как чемпион по шахматам: обдумывал ходы и выходы. Подсидеть Батманыча, свалить этого опытного упрямого зубра было сложно: крадёт, но подчищает спереди и сзади. Старый волк! Но он всё равно попал в мою ловушку, бедняга!

«Вот так всегда, – с горечью подумал Султан, – наивно ждёшь, что большой человек лучше тебя по всем статьям, а в основе его поступков лежит банальная тяга к деньгам и власти. Чего тогда ждать от таких, как деревенская Талия...»

– Жалеешь Батманыча?.. – заметил подавленность собеседника Маннур и с каким-то садистским удовольствием продолжил: – Я дождался корпоратива... Восьмое марта, обильно накрыт стол, приглашены певцы, все на расслабоне. Я как первый зам во главе стола сижу рядом с шефом и усердно подливаю ему водку... Знаю, что он с неё дуреет. Когда довёл шефа до нужной кондиции, он сам попросил меня отвести его в свой кабинет. А мне только этого и надо было. Там я достал из сейфа коньяк и налил ему ещё. Шеф отключился.

Полностью потерял лицо: волосы взъерошены, галстук съехал набок, костюм измазан салатом. Я затащил его на стол и сфотографировал в nepотребном виде. А на следующий день отправил эти фотографии в Москву, хозяевам фирмы. Я, конечно, не думал, что это будет иметь какой-то эффект. Веришь – нет, через неделю комиссия примчалась! Шум, гам, тарарам, проверка! У шефа глаза побелели от ярости. «Кто отправил моё фото в Москву?» – спрашивает меня. «Айн момент, абый, – говорю, – выясним». А сам быстрее к членам комиссии: трусь среди них и масла в огонь подливаю... Проверка длилась недолго. На другой день я озвучил на собрании обвинительный акт из четырнадцати пунктов! Читаю, а у самого за трибуной дрожат колени...

– Чем закончилось? – спросил Султан морщась.

– В тот день Батманьча отправили в больницу с инфарктом. – На лице Маннура заиграла вызывающая улыбка. – Самое интересное – после собрания ко мне подошёл один работяга и, знаешь, что сказал?

– Я бы никогда не пошёл с тобой в разведку?..

– Да. Эти слова, мой друг, до сих пор звучат в ушах и не дают покоя душе. Ведь я не желал бывшему шефу ничего плохого, всего лишь боролся за кресло, старался ради собственной выгоды...

– Стал ли ты в результате счастливым?

– Нет, не получилось! – отрезал Маннур. – Спросишь почему. Потому что в белый список я насильно втянул себя сам. Да, москвичи поставили меня директором. Коллектив это решение поддержал. Снаружи. А внутри всё не так. Единства не чувствую, любви нет... Чем всё закончится, знает только Аллах!

– Ошибаешься, ты по праву занял место в списке! – покривил душой Султан, сам не зная зачем.

– Понимай, как хочешь, это уже твоя работа...

Друзья, не сговариваясь, поднялись со скамьи, но вместе прошли не более десяти метров. Маннур предложил прогуляться по Петербургской дальше – до ресторанного комплекса «Туган авылым», но Султан отказался и отправился на автостоянку один.

По дороге размышлял о себе любимом: сам-то он кто? для чего живет? на какой ступени общества стоит? внизу или наверху? Да, он не беден, но при этом не может похвастаться слишком большим достатком. Получается, не внизу и не наверху – где-то посередине. Да, именно так, что называется «сойдёт по серенькой жизни». Но даже это никто не подал ему в хрустальной посуде. Приходилось всячески доказывать свою состоятельность. Помощи ни от кого не ждал и достиг всего своим упорством, расторопностью, жизнелюбием. Учился, служил в армии, создал семью. Если бы не напрягался так, жизнь не наладилась бы.

О теории списков Султан старался не рассуждать. После общения с Маннуром он усомнился в своём открытии. «Пустая вещь, вздор, ментальные отходы!» – думал он. Мир – вещь очень сложная, широкая и глубокая. Понятно, что втискивать жизнь в рамки какого-то вымышленного списка – не совсем правильно. Даже если всех записать, расставить по ранжиру и определить на полки и в списки, всё равно не удержаться на них. Будут падать с полок. Ведь жизнь – это живой непредсказуемый процесс.

6

Винительный падеж

Султану захотелось выпить: не просто залить за воротник, а именно напиться: в зюю, в стельку... нет, в драбадан. Чтоб голова была пустой, как барабан! Вообще-то, он не был любителем горячительных напитков. Мог

употребить в хорошей компании, но устроить «драбадан-барабан» одному, да еще в дешёвой забегаловке...

Впрочем, желание напиться могло быть всего лишь поводом завернуть по пути к дому на улицу Халева. Султан любил эту небольшую улочку за дух романтического капитализма. Предпринимательский энтузиазм здесь бурлил, как в лихие девяностые: по одной стороне улочки непрерывной силикатно-кирпичной лентой тянулись гаражи, оборудованные в авто- и шиномонтажные мастерские, на другой – причудливо тасовались продуктовые ларьки, шаурмячные и пивнушки. Здесь Султану хорошо мечталось об абсолютной свободе, большом достатке, заграничных путешествиях и... открытии собственной газеты.

Бар «На бровях» подходил для этой цели как нельзя лучше. Султан купил у барменши с мощными толстыми руками сто граммов водки, два бутерброда и устроился в уголке за высоким круглым столиком. Он исподлобья осмотрел зал – не угрожает ли его спокойствию какой-нибудь посетитель, желающий затеять пьяный разговор по душам, и тупо уставился на плазменный телевизор, подвешенный над барной стойкой: водка и закуска куплены, так что отступать некуда.

Султан уже совсем было расслабился и приготовился мечтать о своей газете, как его кто-то окликнул. Вот те на! – это был Фердинанд, зять Талии! Тот самый, который угощал его свиным шашлыком. Тогда он выглядел довольно прилично, а сейчас весь скукожился и густо зарос щетиной. Фердинанд поприветствовал Султана взмахом руки и улыбкой, до того жалкой, что Султан насторожился. А зять между тем уже подхватил свой пластиковый стакан с водкой и направился в его сторону.

– Мы с женой на развод подали, быр-р-рат, – плаксиво пожаловался он. – Нет никакого житья! Не думал, что

деревенские девчонки могут быть такими стервами. Сначала эта колхозница снимала у нас комнату. Мама впустила её в дом, моя мама! На мою голову! Колхозница училась в кулинарном и целый год жила у нас. Само собой, обратила на себя моё внимание. Ошибся я, ой, ошибся! Ведь у меня была Салима. Вместе росли, учились в одной школе. Слухи про мою измену до неё быстро дошли. От обиды она вышла замуж за первого встречного и уехала в Самару. Знаешь, что сказала на прощание? «Вот увидишь, эта колхозница тебя до нитки разденет!»

Можно подумать, Султан сам не задумывался о разводе. Особенно после вчерашнего скандала, который жена устроила ему из-за «письма счастья», прилетевшего в почтовый ящик от «гибонов». Угораздило же припарковать машину в неполюженном месте – на обочине перед ночным клубом. В результате Султану пришлось объяснять Рамиле, что он там делал, с кем развлекался и сколько денег потратил на «свою дохлятину». Но рассказывать об этом знакомым... – Султан никогда не опускался до такой пошлости.

Приняв молчание визави за сочувствие, Фердинанд продолжил:

– После отъезда Салимы колхозница недолго жила у нас, увязалась за подругой в Москву. Работала в каком-то магазине. По её словам! А сама наверняка мела подолом! Не прошло двух-трёх месяцев, как вернулась. Вот с таким пузом! «Твой ребёнок, – говорит. – Если не женишься, подам в суд!» Мать от слова «суд» дар речи потеряла. Ездилa мне по ушам, ездилa и вынудилa жениться. К великой радости тётчи...

– Талии-ханум? – уточнил Султан.

– Это не ханум! Это чума болотная! Как они похожи с дочерью! Одна оскорбляет меня здесь, в городе, другая

унижает своего мужа там, в деревне. Одна шайка, каруче!

– Сколько лет живёте вместе?

– Лет десять, наверное.

– Будь всё настолько плохо, вы бы не смогли жить вместе так долго, верно?

– Не секрет, сначала жили неплохо, – сказал Фердинанд, слегка заикаясь, ему показалось, что Султан встал на защиту «колхозницы». – Жена изменилась после рождения второго ребёнка. Хотя не изменилась, она изначально была такой! К сожалению. Сначала придиралась к моей маме. Начались склоки. Ты видел, мы живём в частном доме. Кухня и четыре комнаты. Так жена на трёх поставила замок и маму, которая всю жизнь была хозяйкой в своём доме, туда не пускала. От обиды мать через полгода переехала к брату, в коттедж. Потом колхозница принялась меня сживать со свету. День и ночь крик, мордобой. К себе не подпускает. Ведь иногда даже по таким стервам начинаешь скучать, мужчине нужна ласка, сам знаешь! А я не люблю ходить налево из чувства мести...

– А она ходит?

– Кто знает. Поймана не была. Последнее время вообще не разговаривает со мной. Только всё записывает на бумагу. Пунктуально пишет, полный список, перечень! У неё хватит терпения на это, а у меня нет. Я проиграл, слышишь, проиграл! Она победила меня. Поэтому и пью в этом проклятом месте. Всё горит внутри, надо тушить!

Зять, ударив кулаком в грудь, отправился к барменше за новой порцией водки. Самое время было незаметно исчезнуть, но Султану хотелось кое-что для себя прояснить: если родная сестра оказалась исчадием ада, то какова в этом случае Пакиза? Не нависла ли опасность над Маннуром, да и над его квартирой заодно?

Пришлось несколько раз спросить зятя: «Что скажешь о Пакизе?» – пока тот не переключился с жены-злодейки на свояченицу.

– Брат, я её плохо знаю, – промямлил Фердинанд. – В девичестве они все тише воды, ниже травы. Пакиза, знаешь ли, похожа на отца. А он – спокойный. Всю жизнь терпел... Но всё равно, в том-то и дело...

– В чём именно?

– Все они одна кровь, одна шайка...

– Да, кровь – великое дело... – подтвердил Султан. – Наследственность определяет всё...

– Как племенной крупный рогатый скот... – хихикнул Фердинанд. – Я ветеринар... давайте познакомимся...

Он резко опьянел, потому что не закусывал. Находиться рядом с ним становилось опасно: того и гляди вырубится, а потом тащи его бесчувственное тело до машины и вези на другой конец города. Кстати, на чём везти, ведь после своих ста граммов Султан был лишён возможности сесть за руль?..

Но более всего его желание немедленно покинуть бар объяснялось потребностью увидеть Пакизу – проникнуть рентгеновским взглядом девушке под кожу и вытащить из неё всю подноготную: такая ли она чистая и наивная, какой хочет казаться? Может, для неё всё это – лишь средство завоевать столицу, найти богатого «папика»... или просто «обеспечуна»?..

Султан вручил Фердинанду свою визитку и этим твёрдым кусочком картона словно отрезал его от себя. На пороге бара не долго думая вызвал такси. Он и до этого заезжал к студентке, но всякий раз ненадолго: что-то починить, забрать или, наоборот, передать в деревню, – и всегда заранее предупреждал о своём появлении. Впервые нагрнул неожиданно, чему она нисколько не удивилась.

Это было более чем странно, ведь он застал ее практически в неглиже – зелёном шёлковом халате, похожем на пеньюар. Тонкая ткань не скрывала очертаний стройного тела девушки, а её белую полную грудь, разойдясь в глубоком вырезе, и вовсе выставила напоказ. Султан окинул её испытующим взглядом с головы до пят и отпустил фривольный комплимент:

– Если бы я был моложе, приударил бы за такой красоткой.

Как ни странно, девушка, прежде красневшая по малейшему поводу, не смутилась, более того – дала ответ, который смутил самого Султана:

– Я бы не возражала.

– Не сердись, – неожиданно для самого себя начал оправдываться он. – Ворвался как снег на голову...

– А я знала, что вы придёте!

– Как? Откуда?

– Видела во сне...

Подтверждением правдивости Пакизы была трапеза, подготовленная к приходу гостя. На кухонном столе Султана ждали сковорода с ароматным пловом, корейский морковный салат и... бутылка бугульминского бальзама.

– Султан-абый, мы же до сих пор не обмыли моё поступление! – улыбнулась девушка, тепло, непринуждённо и как-то по-домашнему. – Я хочу поблагодарить вас, ведь если бы не вы, разве я сейчас училась бы в вузе, о котором мечтала. Разве жила бы в центре нашей Казани. Спасибо вам!

– Скажи спасибо себе...

Султан понаблюдал за попытками девушки наполнить рюмки бальзамом и устыдился своих подозрений: она была неподдельно беспомощной и искренней. Более того, казалась Султану родным, близким по духу человеком. Он взял бутылку из её дрожащих рук и

сам разлил тёмно-бордовую жидкость... Выпить рюмку полностью девушка не смогла – не осилила даже половину. Зато Султан залпом наложил бальзам на старые дрожжи и тут же почувствовал непреодолимое желание излить душу.

– Сейчас все продаётся и покупается, – посетовал он. – В советское время дела устраивались иначе. Не скажу, что не было блата, взяток, кумовства, но не в таких масштабах. Молодежи всё-таки давали возможность испытать знания, полученные в школе. А сейчас, как видишь, этого нет. Ну, хорошо, устроили родители своих детей в вуз. Пропихнули за деньги. Что дальше? Ребёнок всё равно толком не учится, одно мучение для отца с матерью. За сдачу каждого экзамена приходится платить. А он потрошит кошелек несчастных родителей, да ещё и нос задирает: «Предки пробашляют!»

Девушка, подперев ладошкой щеку, слушала его с большим вниманием и не сразу осмелилась прервать его:

– Время, видимо, такое, – философски заметила она. – Но обижаться на него нельзя. Ведь современность – это мы и есть. Вы, я, они...

– Не имею ничего общего с современностью! – возразил Султан, несколько уязвлённый мудростью юного создания. – Недавно вёл практические занятия на факультете журналистики. Смотрю: большинство студентов – мажоры. Подъезжают к универу на дорогих иномарках. Сравниваю со своей колымагой и невольно смеюсь. Ничего им не надо, ничего не интересует. Только в телефон тыкать горазды. На одном занятии я не выдержал: «Ребята, девочки, ну-ка, выключили айфоны, заткнулись и слушаем меня, а кто не согласен, того я сейчас провожу из аудитории пинком под зад!» Они мгновенно притихли. Объяснил им: «Вы, наверное, думаете, если ваши отцы платят деньги педагогам, о них

можно ноги вытирать? Да, эти деньги, может быть, кто-то и положил в карман, но до меня они вряд ли дойдут!» Только так я смог их морально подавить. Хотя потом всё же бросил эти курсы. Потому что понял – бессмысленно всё... Журналистика стала не нужна, как старая печатная машинка...

Султан сам испугался своего неожиданного вывода, но его горечь весьма кстати подсластила Пакиза – поставила на стол тарелки с восточными лакомствами и заварила чай с душицей...

– Мама прислала? – спросил Султан.

– Нет, летом сама собирала в поле.

– Твоя мама...

– Да?

– Что за человек?

– Мама... – Она смешалась: говорить полуправду девушка не умела, а рассказать всё, как есть, ей не позволяла совесть.

– Любит ли она тебя?

Султан на первый взгляд задал простой вопрос, но для девушки он оказался довольно сложным. Она покраснела и потупилась, чтобы спрятать выступившие на глазах слёзы.

– Знаете, что... – сказала она, преодолев стеснение, – с самого рождения меня одолевает одна мысль: кто я такая? До сих пор не удалось найти ответ на этот вопрос. У меня есть два брата и одна сестра. Сестру вы знаете... Оба брата нефтяники. Живут в достатке. Мама их безумно любит. Они постоянно присылают ей деньги, гостинцы. А я... случаются вещи, о которых неудобно говорить... вы же мужчина...

– Хочешь, я сам скажу! – Султан налил себе ещё бальзаму, и от второй рюмки в нём возникло очередное непреодолимое желание – закурить.

Где-то в прихожей должны были лежать сигареты Маннура. Султан нашёл их на одной из полок и, вернувшись на кухню, подошёл к открытой форточке.

– Ты же последыш в семье, не правда ли? – продолжил он свой жестокий допрос.

– Да.

– На сколько лет младше своей сестры?

– На шесть.

– Вероятно, твоя мама не хотела тебя рожать. У неё уже были два сына и дочь. А твоё появление на свет стало лишним. Думаю, она даже хотела от тебя избавиться, но было слишком поздно. Вот почему твоя мать не смогла тебя полюбить...

– Откуда вы это знаете?

– Опыт, голубушка, жизненный опыт. Горький опыт. Пойми, вершин творчества нельзя покорить без жертв!

– Зато меня папа любит! – по-детски наивно и одновременно с надрывом заявила Пакиза.

– Да, серую ворону, наверное, тоже должен кто-то любить, – сказал Султан мягко, без намерения обидеть.

По её реакции он понял, что снова попал в точку.

– Вы правы... – призналась она. – Когда училась в школе, меня так и звали – вороной, правда белой. Училась я отлично, но уважением одноклассников не пользовалась. Знаете, если тебя не любит мать, окружающие это чувствуют и от презрения или ужаса держатся подальше... Это всего лишь моё мнение, я могу ошибаться. Многие списывали у меня задания и контрольные, но потом я это прекратила. Вовсе не из принципиальности, нет, просто чуть-чуть открылись глаза на мир. Оказывается, одноклассники про меня говорили: Пакиза даёт списывать, чтобы с ней дружили. С тех пор я отгородилась от всех: ни в какие группы не вступала, ни перед кем не заискивала, не ходила на

дискотеки и вечеринки. Получив аттестат, я даже не пришла на выпускной. Не могла, как другие, веселиться и встречать рассвет у костра...

Тут Султан вспомнил про Список – идею, которую совсем недавно похоронил.

– Твоя мама, как мне кажется, очень практичный человек, – начал рассуждать он, – я бы даже сказал, корыстолюбивый. Искренности от неё не дождёшься, постоянно манипулирует. Всё взвешивает и рассчитывает. Наверняка страдает тем, что китайцы называют болезнью красных глаз, – то есть завидует богатым людям, даже родственникам. Ещё до замужества она наверняка составила в своей голове список будущих детей: трёх достаточно – будут в старости опорой и поддержкой, а вот четвёртый уже ни к чему! Зачем ей лишние рты? После сорока надо и для себя пожить. Но нет... в плане твоей матери произошёл сбой! В жизни не все идет по плану. Бог привёл тебя в этот мир! Думаю, не зря. Хотя бы для того, чтобы разрушить пустые мечты твоей матери. Чтобы она поняла – человек рождён искать смысл жизни, а не гнаться за материальным достатком...

На лице девушки выразилось смятение, Султан думал, что причиной тому его пронизательность и в ожидании благодарности подбодрил её:

– Не скрывай, скажи... – подбодрил её Султан

– Вы такой чуткий человек! – выдавила из себя она.

Султан, улыбаясь, пожал плечами: мол, профессия журналиста такая, требует чуткости.

– Вы мне сегодня не понравились! – внезапно выпалила Пакиза.

– Почему?

– Сразу как вошли...

– Не понял...

– Вы так на меня посмотрели... будто проверяли. Не

знаю... смогу ли объяснить... Будто я не заслуживаю вашей заботы и вашего внимания...

– Ты ещё более чуткая, чем я, сестра. Действительно так...

– признался Султан. – Не скрою, в душе были сомнения в отношении тебя. Не такая ли ты, как твоя сестра...

– Как сестра?! – удивилась девушка.

– Я видел сегодня Фердинанда...

– Зятя? Он в последнее время не просыхает.

– Фердинанд мне многое рассказал. Как думаешь, можно доверять этому человеку?

– Честно говоря, я ничего не могу сказать. Грех вмешиваться в чужую жизнь со своими оценками. Сестра – мать двоих детей, а мамы, по-моему, могут быть не только добрыми, но и злыми, а при необходимости даже жестокими.

– Вот как!

– Нет, не только так. Прежде всего нужно поставить на ноги детей. Думаю, из-за этого мамы становятся суровыми. Я и сама ребёнок, который доставил маме большие трудности...

– Каким образом?

– Сразу после рождения...

– Ты тяжело заболела?

– Нет, я не заболела, наоборот, после моего рождения мама сама заболела. У неё разошлись тазовые кости, и ноги отказали. Она пролежала в постели более полугода. Я мало что помню, когда мне было три-четыре года, мама уже ходила. Она не любит об этом вспоминать! Ведь с тех пор у неё осталась утиная походка...

– Да... я заметил... ходит враскачку.

– Когда пришло время выбрать мне имя, она не проявила к этому никакого интереса. Сказала: «Мне всё равно, согласна на любое». Поэтому меня назвали в честь недавно умершей бабушки, со стороны отца.

– Красивое имя... древнее... Оно, кажется, означает чистоту...

– Лучше бы назвали каким-нибудь современным...
Ох!

Она прикрыла ладонями грудь, она только сейчас спохватилась, что не успела переодеться. Метнувшись в комнату, девушка минут через пять вернулась в мешковатом свитере и просторных джинсах – одежде непонятно для кого сшитой: то ли для парней, то ли для девушек. Султан не стал критиковать «унисекс», столь популярный среди молодёжи, но в душе остро ощутил поколенческую пропасть, разделяющую его, старого гриба, с ней. Пора было сворачивать разговор, тем более жена прислала уже вторую эсэмэску со строгим «Ты где?».

– Не расстраивайся, – сказал Султан, вставая, – что бы мы ни говорили о твоей матери, сердце у неё за тебя болит. Сколько она ходила, звонила, хлопотала...

– Да, я добьюсь её любви! – повеселела Пакиза. – Когда она обезножела, её отвезли к знахарке, и та, знаете, что сказала: «Сестрёнка, ты должна была заболеть после первого ребёнка, но почему-то беда случилась только сейчас. Так что эта малышка – не обычное дитя, она тебе покажет кое-что, когда вырастет!»

– Что же ты собираешься показать? – улыбнулся Султан.

– Не знаю, – сказала она, – я просто хочу порадовать маму...

– Умница! – Султан погладил девушку по голове.

Он хотел добавить, что завидует ей, потому что и сам хотел бы радовать мать, даже на руках её носить, но, к сожалению, потерял её слишком рано. Однако позвонила потерявшая терпение Рамиля, и Султан решительно направился к входной двери.

Творительный падеж

«Осевое бревно минарета подрубили» – первое, что подумал Султан, когда ответственный секретаря газеты ушёл в отпуск. Казалось, в отсутствие этого буквоеда и конформиста работа если не всего медиахолдинга, то уж газеты точно, пойдёт вразнос. Ведь теперь некому будет спускать на тормозах сумасбродные идеи Султана. Он поймал себя на мысли, что его, в принципе, всё устраивало: и то, что хромой, как Мефистофель, красавец верой и правдой служит главному редактору, не пускает на страницы газеты материалы, вызывающие общественный резонанс, и ждёт, когда в других изданиях будут опубликованы смелые разоблачения, после чего разрешит своим журналистам взяться за тему «второй свежести». Всё это позволяло Султану с чистой совестью чувствовать себя бунтарём, в глубине души наслаждаясь неизменным течением жизни.

Беспощадный суд Султана над самим собой прервало появление Арифуллина. Судя по всему, у деда или отца главреда была фамилия Гарифуллин, но из-за ошибки работника загса, лишилась буквы «г» – то есть твёрдого взрывного звучания. А кем может быть человек с фамилией Арифуллин – только бесхребетным, колеблющимся вместе с линией партии...

– Султан Гарипович!.. – начал он приказным тоном, но осёкся и перешёл на непринуждённый, чуть ли не дружеский: – Надо взять интервью у доктора наук Тефкелева.

– «Тефкелева»? Про такого учёного не слышал...

– Он генетик, у него есть интересные научные открытия, но, главное, – он настоящий татарский учёный, сейчас таких очень мало, они штучный товар.

– Он сам попросил об интервью?

– Сказал, что купит пятьдесят экземпляров газеты на свои деньги, – сказал тот, многозначительно округляя глаза. – Что ни говори, а распространение газеты сейчас на первом месте. В общем, не написать об этом уважаемом человеке нельзя...

– Почему я? Ведь у нас есть отдел науки и культуры...
– Султан кочевряжился более по привычке, а на самом деле был рад заданию – хотелось побыстрее уйти от бесплодных мыслей.

– Молодежь не потянет, а ты опытный журналист, – умастил его похвалой главред, – не один десяток випов разговорил. Вот визитка Тефкелева, позвони сегодня же.

Едва за ним закрылась дверь, как Султан набрал телефон доктора наук и, приятно удивившись его бодрому голосу, опрометчиво договорился о встрече в тот же день, на пятнадцать часов. Затем он открыл поисковик и вбил туда слово «генетика». Получив в ответ кучу ссылок, начал по очереди открывать каждую из них: «Ученые рассчитывают генетические расстояния, по которым далее строится дендограмма...»; «Участки ДНК относятся к сателлитной или некодирующей ДНК...»; «Для этногеномики и этногеографии народ – однозначно детерминированная система» – было ясно, что ничего не ясно и подготовиться к интервью быстро не удастся.

Султан уже собирался перезвонить доктору наук с просьбой перенести встречу, но в кабинет без стука ворвался Фердинанд. Вид его был не то что жалок, как в баре «На бровях», а устрашающ – волосы всклокочены, глаза зловеще блестят, левая нога подволакивается... В руках Фердинанд держал клочья бумаги, исписанные ровным, явно женским почерком.

– Видишь?! – закричал он с порога.

– Вижу, не слепой!

– Не меня, а это! – незваный гость бросил на рабочий стол журналиста листы, судя по рваным краям, вырванные из тетради или блокнота.

– Братан, – призвал к спокойствию Султан, – вообще-то, принято здороваться, когда заходишь в помещение...

– Здравсьте...

– Здравствуй! Что это?

– Дневник колхозницы...

– «Дневник»?

– Вот, удалось вырвать три страницы! Попробуй прочитать, что она написала! Не просто написала, а запланировала!

– У меня нет ни времени, ни желания читать, объясни!

– Объясняю! – воскликнул Фердинанд. – Она построила план... План «Барбаросса»! Сначала продать мой дом в посёлке, потом на эти деньги купить трёхкомнатную квартиру, поближе к центру города, после чего, наконец, с Фердинандом... то есть со мной, расстаться... понимаешь?

– Нет, не понимаю...

– Чего тут не понять! – рассердился визитёр. – Здесь не нужно быть семи пядей во лбу. Нынешним домом колхозница пока не владеет, потому что это собственность, приобретённая мной ещё до женитьбы. Продав дом и переехав со мной в квартиру, она становится совладельцем жилплощади. После этого развод и раздел недвижимого имущества. Оба ребёнка остаются у матери, а отцу обламывается лишь малая часть... малосемейка площадью пятнадцать квадратных метров... понимаешь?..

– Теперь понимаю.

– Видишь, какие планы строит эта мерзкая женщина! Она хочет приехать из деревни и меня, казанского джигита, оставить на улице! Нет! Она ещё не знает, кто

я! Детей ей не отдам! Воспитывать их будем с мамой...
А колхозница отправится назад в свою деревню!

– Воспитывайте, – пожал плечами Султан, – мне-то что... Почему ты прибежал с этой макулатурой ко мне?

– Ты же... с её сестрой и матерью...

– Они мне не родственники и не друзья, понимаешь?

– Понимаю... только...

Султан, собрав разбросанные по столу листы бумаги, едва не швырнул их в лицо безумца, но внезапно зацепился краем глаза за строки на одном из них. Он прочитал запись сначала про себя, а затем уже вслух. «Почему Аллах наделил меня именно этим мужчиной? Я же человек тонкий, мечтательный, ранимый и всё принимаю близко к сердцу. А муж мне достался грубый, скупой на ласковое слово. К тому же обидчивый и вспыльчивый. Он слишком высокого мнения о себе. Думает, что может всё, и постоянно совершает неоправданные глупости. Меня никогда не слушает и не признаётся в ошибках. О любой мелочи его приходится умолять, как чужого. Я не видела, чтобы он добровольно, засучив рукава, трудился по дому с удовольствием. Почему я не рассталась с ним сразу?»

– Хватит! – прервал Фердинанд.

– «Почему я не вернулась к родителям?»

– Не читай, не надо...

– Что, правда глаза колет?

– Правда не в этом, а в том, что она разработала план и собирается оставить меня без жилья... поэтому вышла за меня замуж...

– Брат, слушай меня! Ты бы лучше разобрался сам с собой! Возможно, жена любит тебя, стремится сохранить семью... А ты до сих пор её не понимаешь и понапрасну с ума сходишь...

– Та-а-к! – злобно протянул гость. – Защищаешь, значит...

– Я?..

– Защищаешь, защищаешь! Я знаю почему... потому что вы все из одной деревни, одна банда... я понял вас...

– А ну-ка вали отсюда! – рявкнул Султан. – Что бы ноги твоей здесь больше не было!

Фердинанд неохотно сделал шаг к двери, но потом, словно подтверждая написанное женой, взъерепенился:

– Если не выйду, то что?

– Сейчас увидишь, казанский джигит! – Султан схватил его за грудки и, притянув к себе, приготовился атаковать головой: прижал к груди подбородок, напряг шею, осел на ногах, а затем резко вытолкнул тело. Этому убойному приёму его научили сослуживцы во время службы в армии. Однако он с тех пор подзабыл, что удар нужно наносить не макушкой, а тем местом надо лбом, где начинают расти волосы, поэтому у самого из глаз искры посыпались.

– Проваливай отсюда! – взревел Султан.

Фердинанд, зажимая рукой нос, проворно бросился к двери.

До встречи с профессором оставалось всего ничего, а сосредоточиться было невозможно – голова гудела от удара. Пришлось Султану позвонить Назире, которая работала этажом выше, с просьбой накидать несколько вопросов на заданную тему. Подруга никогда не отказывала ему в помощи, однако на этот раз готовности не выразила, более того, её ответ был странен: «После зухр-намаза». Впрочем, Султан не придал этому особого значения: подумаешь, решила с какой-то коллегой прочитать молитву из корпоративной солидарности – в татарских редакциях не возбранялось отгораживать шкафами молельные уголки.

Однако всё оказалось намного серьезнее. Когда Назира принесла вопросы, Султан не сразу её узнал:

голова покрыта платком, тело – длинным, в пол, унылым платьем. Если она приняла ислам из соображений «Моё тело – моё дело!», желая спрятать излишнюю худобу, то добилась противоположного – стала походить на засушенного мотылька.

– Ассаламу алейкум, – поприветствовала она мужчину, как и положено правоверной, не поднимая взора.

Ошеломлённый Султан не посмел спросить, с чем связана столь разительная перемена во внешнем облике подруги. Зато он в полной мере осознал, что хиджаб в переводе с арабского означает «преграда».

Пробежав глазами вопросы, Султан зачитал вслух один из них: «Научна ли брошюра, выпущенная при участии министра образования Татарстана, в которой русские и татарские девочки делятся по способности прыгать в высоту и длину, набирать вес и рост?» Он надеялся, что Назира не выдержит и отпустит колкое замечание в адрес министра, но она лишь сдержанно попрощалась: «Да укажет вам Аллах правильный путь!»

На встречу с профессором Султан поехал в подавленном настроении, размышляя о роли своей ушедшей жёнушки в решении Назиры порвать с ним. Не будь этого, подруга наверняка шла бы сейчас рядом и, тараторя, рассказывала о достопримечательностях улицы Лобачевского, в том числе и о величественном здании, где располагался филиал Академии наук. Султан знал о нём лишь то, что в двадцатые годы здесь располагался Татрабфак, где читал лекции по истории соратник Ленина Адоратский, выступал нарком просвещения Луначарский и учился поэт-герой Муса Джалиль. Но и до этого, в девятнадцатом веке, в этих стенах кипела какая-то жизнь.

Доктор наук, больше похожий на поэта, – с редкими кудрявыми волосами, зачёсанными назад, встретил его

радушно. Пригласил к столу, где были разложены его научные труды. Однако разговор вначале не заладился, потому что Султан приступил к интервью с дурацкого вопроса про брошюру, где сравнивались прыжки русских и татарских девочек. Тефкелев посмотрел на него с разочарованием, как на непрофессионала, который не удосужился подготовиться к беседе.

– В задачу генетиков не входит возведение барьеров между народами, – сказал учёный снисходительным тоном. – К тому же не такая это простая проблема – просчитать чистокровного татарина. Итоги более чем столетнего изучения антропологического типа татар отмечают их расовую неоднородность.

После этого, желая выразить пренебрежение к собеседнику, Тефкелев перешёл на птичий язык:

– Основной характеристикой генофонда народа является частота встречаемости отдельных аллелей полиморфных участков ДНК. Высокий полиморфизм генетических маркеров, скорость мутаций позволяют воссоздать процессы заселения территорий, оценить время расхождения субпопуляций, установить степень метисации. И определить вклад отдельных компонентов в структуру генофонда изучаемой популяции.

Султан был взбешён.

– То есть, с вашей точки зрения, при создании брачных союзов не надо стремиться к чистоте генотипа?

От внимания учёного не ускользнуло то, каким тоном был задан этот вопрос – злобным. Но он, казалось, даже был рад тому, что расшевелил журналиста.

– К вашему сведению, в нашей лаборатории был проведен анализ ДНК, выделенной из костных останков, обнаруженных в захоронениях на территории Поволжья, – торжествующе доложил профессор. – Анализ позволил определить вклад европеоидного и монголоидного

компонентов в генофонде древних татар. К вашему сведению, они стоят ближе к европейским популяциям. А в целом данные указывают на большую генетическую неоднородность татарского народа, это объясняется интенсивными процессами метисации в древности и в настоящее время.

– Опять метисация! – возмутился Султан. – Вы ещё скажите, что полукровки более талантливы...

– Да, и имеют большую приспособляемость к условиям окружающей среды! – снисходительно улыбнулся тот. – При выборе спутника жизни мы должны опираться на чувства, а не на генотип. Ведь без этого не будет генетического разнообразия.

– Неужели, вы, известный ученый, желаете ассимиляции своего народа? – искренне изумился Султан.

– Я?

– Да, вы!

– Я служу российской науке, – отчеканил Тефкелев, делая акцент на каждом слове. – А значит, мой труд – выражает моё уважение ко всем народам, населяющим нашу страну...

– Поймите, я не отрицаю ни одного из ваших научных трудов, не имею права это делать, – не на шутку разволновался Султан. – Но речь идёт о судьбе нашего татарского народа...

– Не понимаю, почему вы связываете мои научные изыскания с национальным вопросом!

– Увы, нашу газету не читают люди других национальностей! И я не представляю, как воспримут ваши заявления подписчики.

– Тогда почему ваш редактор попросил меня об интервью, если читателям это неинтересно?

– Вы же сами этого хотели! – выпалил Султан.

– А вы не хотели этого, не так ли? – ничуть не смутился учёный.

– Что?

– Взять у меня интервью...

– Нет... не хотел. Впрочем, обидеть вас тоже не планировал...

– Откуда у вас такие амбиции, скажите на милость! – рассердился старик. – Может быть, вы возомнили себя великим журналистом. А ведь если вдуматься, мусор – татарская журналистика, мусор! Я просмотрел ваши номера за последние месяцы. Никакого сравнения с московскими газетами. Расстояние, как между небом и землёй! Нет глубокого анализа, глубоких суждений. Скользите по поверхности...

– Тут вы действительно правы, – спокойно согласился Султан, – глубокие аналитические статьи в нашей периодической печати появляются довольно редко, честно говоря, их практически нет. Очевидно, это связано с оплатой...

– Не только с этим, – так же спокойно возразил доктор наук, – скорее, зависит от желания работать, сделать своё издание информационно привлекательным. А вам лень по-настоящему серьёзно углубиться в тему, облечь её исследование в яркую публицистическую форму. Вы даже элементарно подготовиться к интервью не в состоянии...

Султан виновато вздохнул.

– А об интервью я попросил, потому что хотел запустить исследование генных повреждений населения нефтяных районов республики, – признался Тефкелев. – Но министерство экологии программу не поддержало – она показалась дорогой.

– Какова стоимость одного анализа? – Султан проверил, исправно ли записывает беседу диктофон и на всякий случай достал блокнот, чтобы делать пометки.

– Из расчёта судебной экспертизы. Три тысячи рублей, – ответил тот и, пригладив кудри, добавил: – Между прочим, моя деятельность начиналась с рядового исследования причин гипертонической болезни. Я применил метод полимеразной цепной реакции для гипертонической болезни и выявил около тридцати мутаций в генах, ответственных за синтез белков, регулирующих давление. Кстати, у русских такие мутации встречаются чаще, чем у татар...

Взаимопонимание было налажено, и последующие два часа учёный и журналист провели с пользой для себя, неспешно беседуя. На прощание Тэфкелев попросил Султана при подготовке интервью к печати обойтись без гуманитарно-исторических фантазий и мифотворчества. Султан пообещал, хотя ему тяжело было принять за основу национального самоопределения анализы крови, слюны и пота.

В конце недели интервью «выстрелило»: получило много читательских отзывов и было отмечено руководством медиахолдинга, вследствие чего Арифуллин расщедрился на повышенный гонорар. Успех заставил Султана отбросить мысли о бесперспективности журналистики, более того, поверить, что в его силах возродить газету и сделать её популярной, как в начале девяностых. Для этого у него было всё необходимое: умение слушать и слышать, способность разбираться в сложных вопросах, а затем понятно излагать их суть рядовым читателям.

8

Лишительный падеж

Султан с головой ушёл в работу: мониторил сайты, связывался с пресс-службами и отслеживал городские события; каждую неделю писал около десяти новостей и два-три больших материала, а ещё занимался чтением

редакционной почты, посещал пресс-конференции и выезжал «в поля» с целью добыть эксклюзив.

Изредка Султан звонил Пакизе и дежурно спрашивал, как дела, а потом и на это не стало хватать времени. Он просто вспоминал её и мысленно желал добра. Его безмятежность в один из вечеров развеял звонок Талии, которая плачущим голосом сообщила: «От моего ребёнка нет вестей, телефон молчит, жива ли она?» Немедленно выяснить, где ее дочь, как того требовала односельчанка, он наотрез отказался, но пообещал проведать студентку ранним утром. «Если у тебя пропал ребёнок, надо бросать все дела и бежать впереди паровоза на его поиски!» – проворчал Султан, набирая номер девушки, её телефон действительно был «вне зоны действия сети».

Утром Пакиза открыла дверь не сразу, только когда Султан уже начал нервничать и приготовился воспользоваться своим ключом. Судя по мокрым волосам и махровому халату, она принимала душ. Невольно залюбовавшись её сияющей свежестью, Султан не сразу заметил, как изменилась прихожая: новые обои, дорогие духи на полке, шкаф-купе вместо настенной вешалки.

– Мама тебя потеряла, дитя моё, – сказал Султан, с изумлением осматривая обстановку.

– Только что поставила телефон на зарядку, – ушла Пакиза от ответа и юркнула на кухню.

– Кофе хотите? – донеслось оттуда.

– Кофе?

– Американо, эспрессо...

– С молоком.

– Хорошо.

Раздался звук кофемашины. Султан не стал спрашивать, откуда у неё это дорогое приобретение и прошёл в комнату. Там он, в первую очередь, удивился исчезновению

лампового телевизора – новости наступающего дня изливались из небольшого плазменного экрана, красующегося в нише белой глянцевой стенки. Кровать тоже была новая – что немаловажно для спокойствия Султана, односпальная. Он обрадовался бы всем этим новшествам, если бы Маннур поставил его о них в известность, да и она, в принципе, могла бы поделиться новостями: дескать, хозяин квартиры заботится обо мне, благоустраивает квартиру. Получается, обоим есть что скрывать?..

Внимание Султана привлекла толстая тетрадь, лежащая на столе. Сначала он подумал, что это студенческие конспекты, но тетрадь оказалась органайзером. На открытой странице он увидел длинный список покупок: майонез, колбаса, торт, лапша, маме – чебоксарский трикотаж, кастрюля среднего размера, папе – полкило гвоздей, саморезы, молоток... «Это всё можно купить в районном центре, – подумал Султан. – Зачем нагружать, как ишака, родную дочь?»

Из кухни появилась Пакиза с подносом. Голова её была обмотана полотенцем на манер тюрбана. Султан молча взял с подноса чашку и, добавив в кофе ложку мёда, долго его размешивал. Девушка, тоже молча, мелкими глотками пила свой американо...

– В деревню собираешься? – спросил он, наконец.

– Откуда вы узнали? А, список... да! – улыбнулась Пакиза. – Планирую завтра... после четвёртой пары ...

– Денег хватает? – поинтересовался Султан.

– Да, мама прислала...

– Хорошо, если мама... Ты как будто что-то скрываешь.

– Н-нет, – Пакиза отвела взгляд. – Просто... я не разговаривала с мамой пару дней.

– Что ещё у вас случилось?

– Ничего...

– И всё же...

– Жизнь сестры пошла прахом... зять продолжает чудить...

– Я выгнал его взащей из своего рабочего кабинета...

– Мама на меня давит... Говорит, поезжай туда, защити свою сестру...

– Интересно...

– А что я ему объясню? Я сама ещё ребёнок, подросток. Они взрослые люди и сами должны разобраться. Я пыталась объяснить это маме, но она обиделась. Мол, я равнодушна к судьбе сестры, настоящие родственники должны помогать друг другу. Всё верно... но как? Если бы нужно было помыть полы, помочь по хозяйству, я бы сломя голову побежала...

– Всё верно, – сказал Султан, – ты ничего не можешь сделать. Конфликт между ними зашёл очень далеко...

– Не кончится, думаете?

– Да, это может длиться годами, потому что причин много. А главная, знаешь, в чём? – Султан решил предложить девушке нестандартное, без скидок на возраст, объяснение: – Смотри, у нескольких поколений белых американцев тридцать процентов афроамериканских генов... Это, кстати, приписывают эффекту телегонии, который программирует качество будущего потомства во время первого полового акта. – Султан по-отцовски строго посмотрел на девушку и продолжил: – А у якутов большое содержание антигена, который считается европеоидным, то есть якуты больше арийцы, чем русские...

– Ба! – удивилась Пакиза. – Откуда вы всё это знаете?

– Ничего удивительного, сестрёнка, это моя профессия, – скромно улыбнулся Султан, умолчав про знакомство с Тефкелевым. – Информация витает повсюду, её нужно брать и обрабатывать сразу, на бегу.

– Замечательно!

– А теперь представь, сколько всего в нас, татарах, намешано. Хазары, кипчаки, марийцы и, чем чёрт не шутит, славяне... Вот наши гены и пляшут рэп. Поэтому свою вторую половинку найти трудно, и лада в семьях нет... Единственный выход – учиться искать компромисс...

Снова воцарилось молчание. Пакиза собиралась с силами, чтобы открыть истинную причину своего подавленного состояния.

– Мне кажется, Маннур-абый хочет выгнать меня из квартиры... – проговорила она, наконец, едва слышно.

Султан почувствовал облегчение – девушка ничего не собиралась от него утаивать. Её странная догадка была основана на том, что Маннур вот уже вторую неделю под тем или иным предлогом появлялся в квартире: то ему было необходимо проверить сантехнику, то найти какие-то нужные бумаги, а сам в её отсутствие привозил новую мебель и бытовую технику. Девушка не могла этому противиться, сознавая, что живёт здесь на птичьих правах.

Дать объяснение поведению своего друга Султан не успел, так как послышался звук открываемой двери, а вслед за тем игривый баритон Маннура:

– Красавица, ты дома?

Увидев Султана, он переменялся в лице и тут же сделал ему знак кивком головы: мол, будь добр, исчезни. Пакиза, в свою очередь, умоляюще расширила глаза – мимикой попросила Султана не покидать её. Он не знал, как выпутаться из этой щекотливой ситуации. Ведь у Маннура могли быть серьёзные намерения в отношении девушки, в сентябре он говорил о своём желании познакомить её со своей матерью. В таком случае непорядочно было стоять у него на пути –

пусть устраивает судьбу: и свою, и этой, пока мало приспособленной к жизни, девушки.

Тут, на счастье Султана, позвонили с работы. Захлёбываясь от возбуждения, ответсекретарь, вернувшийся из отпуска, сообщил: ужасное преступление! ЧП республиканского масштаба – в селе таком-то убит ветеран войны! Султан ужаснулся не только чудовищному злодеянию, но и тому, как стремительно журналистика становилась циничной – во все её поры проник так называемый хайп. Читателей нужно развлекать, щекотать им нервы разными ужасами, иначе проиграешь в конкурентной борьбе другим изданиям... «Хочешь написать что-нибудь бомбическое, сейчас же выезжай с фотографом, главный даёт машину! – поторопил его секретарь. «Хорошо, выезжаю...» – отрапортовал Султан, но, прежде чем уйти, обнял девушку, тем самым давая понять Маннуру, что она под его неусыпным покровительством.

Через полтора часа Султан прибыл на место, где было не по-деревенски шумно и многолюдно. Там уже стояли служебные машины следователей и полицейских, участковый обходил один дом за другим – опрашивал жильцов в надежде узнать детали трагедии. Султан, вооружившись диктофоном, отправился по его следам. Выяснилось, что перед смертью погибшего пытали: нанесли несколько ножевых ранений в шею и руки, а в завершение нанесли фатальный удар бутылкой по голове, хотя ветеран раскрыл грабителям место тайника с двумя миллионами. Он получал хорошую пенсию, хранил деньги дома, и об этом знали все односельчане, в том числе и почтальон, который раз в месяц привозил наличные. Возникло подозрение, что именно с его помощью убийцы – пара бывших «сидельцев» – составили список «богатеньких» стариков. «Опять этот

список! Опять этот вечный код!» – подумал Султан, сожалея, что не сможет использовать эту мысль в будущем репортаже.

Домой он вернулся ближе к полуночи. Жена, непрерывно пожевывая, встретила его ласково и сноровисто накрыла на стол. В последнее время их отношения улучшились, – Назира навсегда исчезла из жизни Султана. Надо думать, не без участия Рамили, но Султан не стал этого выяснять, предпочтя пойти на компромисс с супругой. Пусть она не интересуется его работой, не задала ему ни одного вопроса о командировке, зато в доме порядок и в детской мирно спят ухоженные дети – на этом спасибо. Султан поблагодарил Рамилю за сытный ужин и поспешил к компьютеру. Перед глазами как наяву предстал истекающий кровью ветеран, и журналист занёс пальцы над клавиатурой, чтобы описать, как всё происходило и что пришлось пережить несчастному. Он не успел напечатать даже одного абзаца, как от Пакизы пришло короткое сообщение: «Абый, мне плохо». Выяснив, что девушка находится на автовокзале, Султан попытался незаметно уйти из дома, но чуткая, как удав, жена всё-таки успела настигнуть его на пороге и выкрикнуть вслед: «Опять побежал к своей вертихвостке, позабыв про всё на свете, пропади ты пропадом!»

***

В пустом зале ожидания Пакиза нашлась сразу, она спала на скамье автовокзала, положив под голову толстый шерстяной свитер. Когда Султан присел рядом, Пакиза мгновенно встрепенулась и прильнула к нему. Со стороны он был похож на любящего отца, отыскавшего после долгой разлуки блудную дочь.

– Почему ты здесь? – спросил её Султан. – Ты же завтра собиралась в деревню.

– Я боюсь возвращаться в квартиру...

– Кого боишься, Маннура?

– Да... Он меня испугал.

Выяснилось, что после ухода Султана Маннур предложил ей отправиться в деревню вдвоём. Мол, намного комфортнее и безопаснее ехать с ним, чем на автобусе или, боже упаси, на попутках. Когда Пакиза попросила не смеяться над ней, он якобы сказал: «Как я могу над тобой смеяться! Я не имею на это никакого права! Ведь для меня ты самый дорогой человек, богиня, пророк в женском обличье!» После этого он предложил Пакизе поехать с ним в Сергач. Дескать, такой чистой девушке, как она, не пристало жить в распутном мегаполисе. Маннур даже встал перед ней на колени и протянул завещание на квартиру. Оказывается, он не случайно появлялся на Булаке: сантехника и документы были только предлогом, на самом деле он искал паспортные данные квартирантки. Он уверял ее, что скоро умрёт и перед этим хочет сделать доброе дело чистому безгрешному человеку...

– Мда-а, – протянул Султан, – он меня ошеломил! Если он собрался умирать, зачем везти тебя в Сергач... Ладно, поехали, я тебя на вокзале не оставлю!

– Нет, я туда не вернусь!

– Стоп! Хочешь, я позвоню ему сейчас!

– Не надо! Он подумает, что я на него пожаловалась!

– Пакиза! – призвал её Султан к спокойствию. – Нельзя так паниковать! Надо же где-то ночевать, жить!

– Нет! – наотрез отказалась девушка. – Нельзя стать счастливым, завладев чужим имуществом. Я бессовестно поселилась в чужой квартире и ничего хорошего из этого не вышло... Как только приеду из деревни, я уеду оттуда, перееду...

– Куда?

– В общежитие... Попрошусь до весны в комнату подруги, буду спать на раскладушке, а там видно будет. Мне не важно, где жить... лишь бы было где ночевать, а заниматься можно в читальном зале.

– Не упрямясь, сестрёнка, не пытайся назло дяде Маннуру оставить себя без крыши над головой. Как-нибудь найдём выход из положения...

Попытка Султана успокоить девушку, внушить доверие к его разумным доводам не возымела успеха. Она опрометью бросилась к дверям, и Султан не успел предотвратить её безумную выходку. Она пнула цилиндрическую поворотную урну у входа, и та, накренившись, высыпала на поверхность обледеневшей лужи разноцветный мусор: окурки, целлофановые пакеты, обёртки от мороженого.

– Пакиза! Что ты делаешь! – воскликнул Султан. – Совсем с ума сошла?

– Да, а что! Ха-ха-ха! – безумствовала девушка. – Я сейчас чувствую себя революционеркой! Я хочу разрушить этот мерзкий, двуличный мир!

– Почему?

– Он был создан неправильно... в нём нет чести... нет правды... кто-то живёт в сказочно красивых дворцах, проводит жизнь в развлечениях, а кому-то не то что сидеть, стоять негде, жить негде...

Султан силой затащил девушку в полутёмный сквер. И очень своевременно, так как на них свирепо посмотрел мужчина в пиксельной форме, следивший за порядком на вокзале. Усадив её на скамейку, Султан крепко сжал её и не уменьшал хватку до тех пор, пока девушка не обмякла. Из её глаз потекли крупные слёзы...

– Не плачь, а то завтра мама увидит твои опухшие глаза и начнёт переживать, снова позвонит мне...

– Переживать... как бы не так... а если и начнёт

переживать, то не за меня, а из-за того, как будет выглядеть в глазах соседей. «Мой ребёнок, моего ребёнка, моему ребёнку, моим ребёнком...» Хватит! Я много её слушала! Много трудилась, угождала ей! Спасибо не слышала... потому что нет любви! Не будь меня, она сейчас жила бы в своё удовольствие. Не было бы ни хлопот, ни расходов... ха... не надо ни учить, ни кормить, ни выдавать замуж...

– Понимаю я тебя, сестрёнка, понимаю, ты права, но нельзя унывать, ты уже родилась, ты есть, надо как-то жить, несмотря ни на что...

– А я не хочу жить... ни капельки...

Султан испытывал противоречивые мысли и чувства. Как могла тихая, кроткая девушка так быстро измениться? За минуту, за мгновение! Значит, Пакиза не такой спокойный, уравновешенный человек, как он думал. А может, эти странные поступки объясняются обстоятельствами, а не характером?.. Вроде бы она нашла тихую гавань в уютной квартире, отданной в её распоряжение Маннуром и Султаном. Но вдруг вспыхнула «буря», и она, как утлая лодочка под порывами холодного ветра, сорвалась с привязи. Если бы Маннур искренне хотел облагодетельствовать девушку, то написал бы дарственную, которая обратной силы не имеет: отозвать её, как завещание, не получится. То есть он манипулировал девушкой, покупал её благосклонность ничтожной, по сути, бумажкой. Чистосердечной девушке не нужно было знать юридических тонкостей, чтобы почувствовать это...

Очередному предложению вернуться в квартиру на Булаке она подчинилась безропотно: слёзы иссякли, эмоции выгорели. К тому же Султан убедил её, что в это время присутствие хозяина в квартире маловероятно. Где он в данное время – пришлось умолчать: скорее всего,

утешается в объятиях раскрепощённой длинноногой подружки.

Как и предполагалось, квартира была пуста. Но Султану, который спешил домой, не столько к жене и детям, сколько к компьютеру, не удалось освободиться.

– Султан-абый, – попросила девушка, – пожалуйста, не оставляйте меня одну...

– Маннур не такой уж страшный человек.

– Нет, нет, – возразила девушка, – взгляд у него стылый, безжалостный. Поэтому он глаза всегда отводит. Не хочет выдавать себя...

– Договаривай.

– Он и сам не догадывается, что скатывается вниз, падает в пропасть... Самое печальное – он никому не доверяет. Опереться не на кого – так ему кажется. Может быть, он искал эту опору во мне, но что я, вчерашняя школьница, могу ему дать?..

– Согласен...

– Он сам виноват... сам... утратил доверие к людям, а если потерял доверие, то вернуть его очень трудно...

Вроде бы она говорила правильные и мудрые вещи, но измученный Султан был уже не в состоянии её внимательно слушать. «Интересно выходит, девочка! – упрекнул он её про себя. – То, что дома меня ждут жена и собственные дети, тебе в голову не приходит!» Султан даже не пытался позвонить Рамиле, потому что был уверен – разразится скандал! Хорошо, пусть случится, но только завтра, а не сейчас, в этой критической ситуации!

– А может, ты так сделаешь, – схитрил он, – в замке есть блокиратор! Если ты нажмёшь на него, никто не сможет открыть дверь, даже ключом...

– А балкон? А окно?

– Туда не полезет, – улыбнулся он, – не каскадёр...

– От такого человека можно ожидать чего угодно...

Султан устало опустил в кресло и, закрыв глаза, вытянул ноги. Девушка принесла ему чашку кофе, но взбодриться ему это не помогло...

– Мне так стыдно, Султан-абый, – продолжила изливать душу Пакиза, – не спрашивайте почему, пожалуйста! Я до сих пор в шоке от своего поступка на вокзале, самой за себя стыдно... Билляхи...

– Честно говоря, ты сегодня открылась мне совершенно с другой стороны, – пробормотал Султан, не открывая глаз.

– Да, я такая! – повысила голос девушка. В её тоне не прозвучало горделивости и самолюбования, она лишь констатировала факт. — На первый взгляд «типа тихоня»... Но если меня вывести из себя, я могу неожиданно развернуться на сто восемьдесят градусов! Даже сама не сознавая как! Во мне просыпается какой-то «зверь»... и он начинает всё ломать и крушить. До основания! Я только потом понимаю, что натворила! Мне так стыдно сейчас за эту урну... ужас...

– Я не виню тебя, – успокоил её Султан, – Такое бесчинство может учинить кто угодно. Аффектом называется это состояние, если хочешь знать... В такой ситуации мозг не может контролировать себя, человек впадает в бешенство, его захлёстывают эмоции, словом, он выбывает из игры. Причём, такое экстремальное состояние не зависит от должности или образования, по нему нельзя дать человеку истинную оценку....

– Нет, – возразила девушка, – я не могу с вами согласиться! После такой ужасной дикости меня никак нельзя оправдать... Мне очень стыдно. Сегодня я очень низко упала в ваших глазах... ниже плинтуса...

В Султানে, уставшем выслушивать бесконечные причитания девушки, постепенно закипала ярость. Видимо, все люди так устроены, стоит к ним отнестись

по-доброму, они начинают этим злоупотреблять, и даже она здесь не исключение.

– Хватит убиваться, – остановил он девушку, – твоей вины здесь нет. Если бы Маннур не пришёл, ты бы не потеряла самообладания и твой день прошёл бы по-другому... Так что благослови прошедший день и забудь о нём... забудь как страшный сон...

– Может, я слишком сурово отнеслась к хозяину? Ведь я с малых лет была горячкой и даже не попыталась узнать его как следует...

– Пакиза...

– Да...

– У меня глаза слипаются... не сердись... А твой Маннур поступил как медведь в посудной лавке. Завтра я встречу с ним и поговорю...

– Да-да, вы устали... извините... умолкаю...

9

Счётный падеж

Султана разбудил телефонный звонок. Ответственный секретарь газеты доложил, что его разыскивает Арифуллин, после обеда он ждёт его в редакции по вопросу, который имеет к творческой части коллектива непосредственное отношение.

Было довольно рано, но Пакиза уже ушла, не разбудив Султана, вероятно, отправилась в институт, а оттуда сразу в деревню, так как пакеты с гостинцами для родителей тоже отсутствовали.

У Султана было достаточно времени, поэтому сначала он решил принять душ. Тугие горячие струи накрыли его тело тёплой волной и смыли остатки сна вместе с воспоминаниями о вчерашнем кровавом событии. Он расслабленно смотрел на капли, стекающие по стене, выложенной кафельной плиткой, пока внезапно

его не охватило жуткое чувство – показалось, кто-то расхаживает по квартире. Султан быстро закрыл кран, но не услышал посторонних звуков. Он схватил с вешалки банное полотенце и, не вытираясь, обмотал его вокруг бедер. На цыпочках обошёл зал, прошёл на кухню, но ничего подозрительного не обнаружил.

Сделал себе двойной эспрессо и выпил его безо всякого удовольствия: по-прежнему чудилось чьё-то недоброе присутствие. «Нервы, что ли, не в порядке...» – в смятении вырвалось у Султана. Ситуация более-менее прояснилась, когда он, схватив кожаную барсетку с документами, собрался покинуть квартиру. Входная дверь оказалась полуоткрытой. Пакиза не могла допустить такую оплошность, она никогда не забывала перед уходом запереть дверь! Султан присмотрелся к придверному коврику – на нём были грязные следы мужских ботинок. «Маннур, больше некому! – мелькнула мысль. – Он хозяин, и у него есть ключ...» Но почему он ушёл, не заперев дверь, было непонятно... Султан хотел позвонить Маннуру, но это оказалось излишним, так как в телефоне его ждало сообщение: «Жду около трёх богатырей».

Тремя богатырями в народе называлась скульптурная группа, установленная в сквере «Интернационал» на улице, которая тянулась параллельно Булаку. Когда-то здесь шумел Сенной базар, воспетый Тукаем, – средоточие торговой жизни Старо-Татарской слободы. Султан уже давно, под влиянием Назиры, не связывал с этим местом пасторальных картин старо-татарского быта – зная, что сюда стекались бесчисленные повозки, приносящие с собою море нечистот.

Сквер и сейчас выглядел бы довольно уныло, если бы не лёгкий ноябрьский туман, укутавший увечные тополя, похожие на гигантские ёршики для мытья посуды, и трёх

гипсовых атлетов в его центре: они не изнемогали под тяжестью земного шара, как атланты, а шутя-играючи держали его над головами в вытянутых мускулистых руках.

Маннур ждал Султана на скамейке рядом с «богатырями» и казался частью композиции – четвёртым атлетом, которого согнали с постамента, исключив из числа властелинов земного шара. При встрече друзья обычно шагали навстречу друг другу, широко раскинув руки, и обнимались. Но на этот раз Маннур не встал и лишь сдержанно кивнул. Султан ответил тем же и присел рядом, что заставило того немедленно отодвинуться подальше, чуть ли не на другой конец скамейки. Оба не торопились начинать разговор. Султан рассматривал светло-коричневый ковёр из высушенных растений и опавшей листвы, находил в нём оттенки и нюансы: сухостой не казался ему безжизненным – кое-где остались самые закалённые цветы и зелёная травка.

Первым прервал молчание Маннур.

– Вижу, обиделся на меня?! – сказал он, искоса поглядывая на Султана холодным взглядом. – Ну... почему молчишь?

– Что я должен сказать?

– Будто не знаешь.

– Когда я был в душе, почувствовал, что ты зашёл в квартиру...

– А ты догадался, зачем я зашёл?

– Нет! – воскликнул Султан. – Этого я как раз и не понял!

Маннур открыл золотой портсигар и закурил, не как прежде – ради баловства, а иступлённо, глубоко затягиваясь.

– Обижаться вы горазды! – заявил он тоном, в котором

вызов мешался с обидой. – Я пришёл извиниться перед Пакизой, а её нет дома, только ты... там...

– Да, она поехала в институт, потом в деревню...

– Я понял, – чувственные полные губы друга натянулись в ухмылке, – только я не понимаю, что ты делал ночью рядом с ней...

– Она сама меня попросила быть рядом...

– Влюбилась в тебя, что ли? Или ты в неё?

– Нет, – заговорил Султан как можно серьёзнее, – между мной и девочкой-подростком ничего не может быть. Просто они из нашей деревни...

– Кто «они»?

– Маннур, ты же знаешь всё! Мать – Талия-апа и сама девушка! Я же объяснял тебе это один раз! Как я помог им.

– Ну, ладно-ладно, – уже более спокойно сказал Маннур. – Даже если вы влюблены взаимно, я не возражаю!

– Спасибо, – иронически заметил Султан, после чего серьёзно добавил: – Ты приютил девочку в своей квартире. Но всё-таки не надо было так её пугать! Ведь она ещё ребёнок! Боится всего! И в институт поступить было нелегко! Знаешь... оставь её, дружище, оставь!

– Я её не испугал, а сделал ей предложение руки и сердца, если хочешь знать. Да, по-человечески я не смог этого сделать, вышло по-дурацки. Вот и пришёл извиниться, но так и не смог встретиться.

– Я думаю...

– Да?

– Да ладно! – махнул рукой Султан. – Замнём для ясности...

– Нет, нет, договаривай, не скрывай...

– Если ты ещё раз явишься так же по-дурацки, она убежит из твоей квартиры на край света. Она уже

спряталась на автовокзале, я еле-еле вытащил её оттуда глубокой ночью... устал до полного изнеможения... Вот и пришлось мне с ней ночевать...

– Ай-ай, какое самопожертвование! – в свою очередь сыронизировал тот. – Небось, всю ночь меня ругали?

– Нет, мы тебя не ругали. Я вообще вырубился раньше нее, прямо в кресле. Был утомлён...

– А какое у вас есть право меня ругать! – Лицо Маннура исказила неприкрытая злоба. – Знаешь почему? Твоему сельскому быдлу... студентке то есть... я предоставил бесплатную квартиру, а тебе самому, вспомни, сколько добра я сделал... помог со строительством дачи, дал взаймы денег на ремонт машины...

– Слушай, Маннур! – Султан встал и посмотрел на часы. – Я спешу на работу! А из всего сделанного для меня, друг мой, составь перечень и напиши список! Жду!

– Хоу! – рассмеялся Маннур. – Какие мы смелые, а! Стой, не спеши! Работа не убежит! Мир тоже однодневный! Если хочешь знать, я сделал этой девушке искреннее предложение...

– Не сомневаюсь... но этот ребёнок сейчас не готов к этому... Разве тебе не хватает доступных длинноногих красоток?

– Ты меня совсем не понимаешь, друг! Ведь речь идёт не о гулянке-мулянке, а о том, чтобы утешить старость моей матушки! Ты прекрасно знаешь, что для жизни длинные ноги дело десятое, мне нужна надёжная чистая девушка, которая будет мне ровней...

– Похоже, ты ошибся в адресе, друг!

– Не я, а ты ошибаешься, – поправил его Маннур. – Скажу так: с Пакизой мы очень близкие люди. Мы оба несчастны... Например, она говорит, что я не имею права занимать кресло директора, а она не должна была класть в свою сумку студенческий билет... Ха, разве не

ты приложил к этому руку? Не ты силой заставил внести её фамилию в список, составленный другим человеком?..

Султану был неприятно удивлён тем, что в его отсутствие Пакиза вела с Маннуром откровенные разговоры, даже что-то похожее на ревность ворохнулось в душе, но виду он не подал. По правде говоря, Султан сегодня совершенно не узнавал своего друга: казалось, что-то сильно мучило его, прежде поражавшего жизнелюбием, упивавшегося каждым мгновением своего существования.

– Да, я включил её сам... поднял шум...

– Зр-р-ря!.. – сказал Маннур так резко, будто давно таил это слово, как разящий кинжал за пазухой. – Ты протолкнул её туда! Добром это не закончится... Спросишь почему, да потому, пойми, это – не твой список, а список, составленный ректором, владельцем вуза...

– Не имеет значения, кем он составлен! Какие только списки не составляются на этом земном шаре! Составляются сотнями, тысячами в день...

– Наверное, так... однако не один лишь ректор его составлял, если хочешь знать, и подписывал...

– Кто же ещё?

– Сатана...

– Что...

– Это его работа...

– Ты и ей об этом сказал?

– Пришлось объяснить деревенской девочке...

– Не надо было...

– Почему?

– Она слишком чувствительна... Ты можешь подтолкнуть её к рискованному шагу... Я боюсь за неё... Она и без того постоянно мучается от угрызений совести...

– Сегодня мучается, завтра забывает, не так ли?

– Нет, она не забывает и не забудет! Ведь она одна в этом мире, очень одинока. Чтобы твёрдо стоять на ногах, нужно приложить к этому духовные усилия, на которые она не способна. Думаю, для тебя не будет открытием, что духовные каноны жизни изменились до неузнаваемости. Низкий и высокий... это с некоторых пор синонимы, в наши дни особенно... Жизнь трагически рушится, мой друг, мир перевернулся, он давно не на своём месте, и мы уже не стремимся к какой-то божественной высоте, к прекрасному, а душой и телом погружены в трясину обыденности...

– Что-то тебя понесло не в ту степь! – остановил его Маннур. – Но всё же, хотя теория, которую ты придумал, похожа на утопию, в ней есть какое-то зерно. Список... В это слово вложен какой-то жизненный смысл! Что-то близкое к правде, лично я в этом уже убедился...

– Дело не в списке, друг мой, список всего лишь... фикция... ему не нужно поклоняться. Все зависит от самого человека, только он может решить свою судьбу. Но для этого ему нужно быть свободолюбивым, преодолеть узость мышления и избегать беспочвенных фантазий. Держись поближе к солнцу и получишь достаточно света...

– Я уже далёк от солнца, давно окружён смертью...

– Ты?!

– Да, господин хороший, именно я... Ты, как всякий образованный человек, наверняка читал «Остров сокровищ» Стивенсона ...

– Хм... смотрел кино в молодые годы.

– Там пираты доставляют штурману Билли Бонсу чёрную метку. Почему? Пираты охотятся за картой острова, где спрятаны сокровища. Со мной, друг, сегодня произошло то же самое. Батманых до сих пор не дает мне

покоя, хочет лишить меня кресла. Я знаю, что моё место, в особенности мой доход не дают ему и его окружению покоя, он всё ещё полон амбиций и жаждет отомстить мне. Когда человек стареет, он начинает археологические раскопки своей личной истории, чтобы составить из отдельных фактов легенду о себе любимом. С этим не поспоришь. Вот Батманыч и прислал мне своих пиратов, то есть бандитов. Только что провёл с ними пару часов в ресторане «Булгар». Они потребовали, чтобы я уволился и освободил место для родственника Батманыча...

– Да брось ты! – удивился Султан. – А если не уйдёшь?

– Кирдык! – Рассмеялся Маннур, сверкнув ровными белыми зубами. Только смех его был каким-то нервным, неестественным и дурацким. Потом он немного помолчал и в задумчивости еле-еле слышно выдавил из себя: – Прощай... может, больше и не увидимся...

Пока Султан собирался спросить у него что-то ещё, Маннур плавным и в то же время твёрдым шагом направился... разумеется, не в сторону троллейбусной остановки, а к своей иномарке, которая стояла у входа в сквер и где его ждал личный водитель. Через две секунды от машины и след простыл! Султан тоже не стал терять времени и, подойдя к обочине дороги, остановил такси...

Как оказалось, он мчался навстречу своей мечте. На планёрке Арифуллин сообщил о смене редакционного курса – отныне упор должен был делаться на освещении актуальных тем, вызывающих интерес у общества. То, что это предлагалось в целях привлечения рекламодателей, Султан от радости пропустил мимо ушей, а при оглашении базовых расценок на размещение статейных и новостных материалов и вовсе задремал, до того вымотался, что даже потерял интерес к идее списка и не вертел её так и сяк, прилагая к редакционному прайслисту.

Вечером Султана ждала другая новость, уже неприятная! Перед ним – мужем, который неизвестно где шляется всю ночь, – жена поставила жёсткий ультиматум: либо он во всём признаётся и извинится, либо пусть, в конце концов, собирает вещи и вообще уходит из дома! После этого Рамиля подаст на развод, а квартиру, принадлежащую Султану, разделит по суду. Умудрённый опытом журналист выбрал второе. Собрал в кожаный чемодан серого цвета всё самое необходимое, в основном привезённое из Финляндии (где принимал участие в Днях татарской культуры!), и, не раздумывая, ушёл из дома. Дети не плакали, потому что ничего не понимали...

Разумеется, Султан вернулся в квартиру Маннура. Здесь он не собирался останавливаться надолго – лишь до возвращения Пакизы из деревни, которая должна была приехать через три дня. Поэтому у него имелось достаточно времени, чтобы подыскать себе другую квартиру для проживания, он никуда не торопился. Пытался писать, реализуя грандиозную программу обновления газеты, но не писалось – не осталось ни сил, ни вдохновения. Жена, дети и предстоящий развод ни на минуту не выходили из головы. Он был удивлен тому, что столь внезапно ушёл из дома и легко решился на расставание. Очевидно, это был ещё не настоящий развод, а только первые шаги к нему, своего рода репетиция. Да, он это хорошо понимал. Но в то же время совершенно не понимал другого. Ведь оба женились по любви, и он, и его жена. А куда делась эта любовь? В данном случае характеры не совпали, у того и другого они были разные, что в общем-то и посторонние люди замечали. Да, семейная жизнь и, соответственно, человек, которого вы выбираете в спутники жизни,

никогда не могут быть идеальными. Да, с точки зрения умственного развития они с Рамилёй стоят на разных уровнях. Да, они оба люди разных профессий! Но что из этого?! В конце концов, это ещё не повод расстаться. Самое удручающее – нет любви, пылкого чувства! Хотя, возможно, можно жить и без этого, без всепоглощающей любви, но главное – нет взаимного уважения и взаимопонимания. А кто в этом виноват? Куда он смотрел, когда женился? Почему он не сел и хорошенько не подумал, кем должна быть его избранница, почему как следует не представил себе будущую жену? Что ему стоило написать в столбик её благородные качества, рядом, в другой столбик, отрицательные и сравнить? В итоге не смог прийти к нужному выводу. На первый взгляд, это кажется смешным. Одно оправдание, что глаза любви всегда слепы, хорошие стороны человека они преувеличивают, а плохие преуменьшают, порой до полного их исчезновения. Недостатки всплывают только тогда, когда начинаешь вместе жить. Нет, всё-таки надо было посидеть и подумать, чтобы прийти к твёрдому бесспорному мнению! Поспешил, очень сильно поспешил!

Мысли Султана крутились вокруг таких, беспощадных в своей безысходности, доводов и, кажется, не собирались заканчиваться. Но обвинять только женщину – недостойно мужчины, и Султан это прекрасно понимал. Обязательно нужно что-то решить. Его беспокоило пока только одно: ни в коем случае нельзя оставлять детей без отца, нельзя делать их сиротами. Они обязательно должны гордиться тем, что у них есть отец, который не собирается их бросать!

Султан написал заявление на административный неоплачиваемый отпуск и залёг на дно – почти не выходил из дома, перестав различать день и ночь, вечер

и утро. Однажды он уснул, забыв выключить маленький японский телевизор, который вещал в нише глянцевої стенки. Проснулся на рассвете – и сразу уставился на экран, где плыли кадры чёрно-белого документального фильма! Сто раз виденного им фильма! Вот крупным планом показан вождь народов Иосиф Сталин: на широком письменном столе чёрной ручкой правит важный документ, поступивший из секретариата, в данном случае пишет список. Он теребит усы, вычеркивает какие-то фамилии и добавляет другие. Всё решает он: кого удостоить ордена, а кого лишит почётного звания, кому даровать жизнь, а кому уготовить смерть!..

Султан в раздражении переключил канал и услышал новость про взрыв бомбы на самарском рынке. Десять погибших, пятьдесят девять – раненых. На экране появился список их фамилий и пополз вверх. Султан не стал досматривать, кто, по данным следственных органов, является организатором теракта, а кто исполнителем преступления. Он заведомо знал, что вразумительного объяснения не услышит, и предпочёл выключить зомбоящик.

Водка может временно облегчить душевную рану, но не может полностью её исцелить. Отчаяние Султана, с лёгкостью покинувшего дом и жену, продолжалось довольно долго. Если бы в выходной день из деревни не приехала Пакиза, неизвестно, чем бы его хандра закончилась. Девушка сначала была очень удивлена, увидев всеильного, в её представлении, мужчину в таком состоянии, но потом всё поняла и поспешила на помощь. Её поддержка была, конечно, по-ребячески бесхитростной – говорить благоглупости, давать бесполезные советы...

– Султан-абый, – внушала она, – я вас понимаю, вы

говорите, что нет любви, нет влечения, но из-за этого не стоит ломать семью. Думаю, надо набраться терпения, может быть... ради единения, ради детей...

– Согласен, – отвечал Султан сокрушённо, – безусловно, детей нельзя бросать, они наше будущее... И всё же я ушёл не насовсем, да, это временно, только для того, чтобы образумить мою птичку, мою маленькую женщину... Кстати... я же ушёл не по своей воле, меня выгнали. Хотя жена не имела на это никакого права, квартира всё-таки моя. Почему-то мне не хочется падать ей в ноги, моля о прощении, признавать её правоту тоже...

– Надо уметь прощать людей... в том числе и близкого человека... Взять хотя бы моих родителей, отец и мама всю жизнь живут как кошка с собакой. Тем не менее, мой отец – мудрый человек, он вовремя идёт на уступки...

– Умный человек твой отец, у меня такого ума пока нет, – засмеялся Султан и слегка коснулся плеча Пакизы. – Я здесь не останусь, не волнуйся, квартиру уже нашёл, переёду скоро...

Едва он это произнёс, как у него внезапно возникло странное желание найти Маннура. Султан удивился резкой смене своего настроения, но без промедления набрал номер друга. Как он ни старался, выйти с ним на связь не удалось: телефон не отвечал: то ли разрядился, то ли был намеренно выключен. Между тем, Султан хорошо знал, что, когда Маннур спит (а в последнее время он, по его собственному признанию, спал плохо из-за потери душевного спокойствия!), он держит телефон рядом. Возможно, он был сильно пьян и просто-напросто забыл телефон в машине, то есть слишком далеко, чтобы слышать звонки... В любом случае молчание друга казалось подозрительным. Именно в этот момент Султану почудилось, что откуда-то из бездны чья-то тёмная тень спешит сообщить ему некую зловещую весть

Он прошёл на кухню, где у плиты крутилась Пакиза, выпекая блины.

– Может, позвонишь ты? – предложил ей Султан.

– Кому? – спросила она.

– Маннуру! На твой номер он откликнется...

– Я его занесла в чёрный список!

– Почему?

– Он мне надоел своими звонками...

– Следовательно... этот человек теперь для тебя не существует?..

– Да, я вычеркнула его из списка своей жизни...

– Ха! Здорово сказала! Всё-таки попробуй дозвониться со своего телефона!

– Хорошо, сейчас...

Взяв прихватку, она сняла с плиты турку, в которой готовила кофе, и схватила телефон. Разблокировав Маннура и сделав звонок, услышала прерывистые гудки...

– Не отвечает, – сказала девушка, – может, позже попробовать?

– Не знаю, – пробормотал Султан, – что-то там не так... или...

Тут он (нутром почуяв!) потянулся к пульту телевизора и лишился дара речи, увидев на экране окровавленное тело друга. Эти кадры были кульминационным сюжетом криминальной хроники на телеканале «Эфир». Султан пропустил начало кровавого репортажа, успел посмотреть только половину. По рассказу комментатора, в элитном жилом комплексе на улице Куйбышева киллеры организовали покушение на Маннура. Хозяин квартиры оказал сопротивление нападавшим, поскольку тоже был вооружён. Из видеосюжета следовало, что он был тяжело ранен, бандиты скрылись, а в квартире, где взорвали дверь, следователи проводили осмотр. Один

неприглядный юноша, косоглазый и длинноволосый, поднёс к лицу обессилевшего Маннура микрофон, но тот уже терял сознание и не произнёс ни слова. Вскоре страшный сюжет закончился, сменившись другим, менее драматичным. Султан выключил телевизор. Пакиза, боясь вымолвить слово, замерла, прислонившись к стене...

– Да, – вздохнул измученный Султан, – слова друга сбылись...

– Какие... слова?

– Он говорил, что его не оставят в покое, так и получилось! Стреляли! Хорошо, что хоть выжил... в этой передрыге...

– Что же теперь будет? – испуганно отозвалась девушка.

– Теперь придётся подождать и самому повидаться с ним. Посмотрев сюжет по телевизору, не получится сделать выводы... Но твои слова сбылись, сестрёнка, в полной мере. По-юношески безрассудные поступки едва не вычеркнули его из списка жизни. Бог пока сохранил его, но не знаю, как он будет жить... дальше...

Султан нашёл своего друга (три дня спустя!) в одноместной палате республиканской больницы. Он сильно ошибся, думая, что увидит его в истощённом, подавленном состоянии, Маннур встретил своего друга безмятежной улыбкой и даже шутивным смехом. Подушка, под которой лежало несколько книг, возвышалась, как гора, что придавало ему вид царя этой горы.

– Привет, друг! – улыбнулся он при виде Султана, но так и остался на кровати в положении полулёжа. – Не сердись, не могу встретить объятиями, плечо повреждено пулей.

– Привет! – поздоровался Султан на расстоянии. – Я потрясён твоей живучестью!

– Как?! – Он удивился. – Неужели ты думал, что я способен умереть?!

– Нет, не думал... Тебя показали по «Эфиру» три дня назад, ты лежал в крови...

– Ерунда. Всего одна пуля задела... Она прошла сквозь плечо. Видимо, я перепачкался кровью от страха. Потом... просто прикинулся смертельно раненым человеком, который языком ворочать не может. Ну, так надо было! Я же артист... разве не знаешь?

– Ладно, очень хорошо, если так...

– Садись! Не стой!

Султан сел на единственный в палате стул, широко раздвинув ноги. Поводов для разговора (особенно вопросов!) было много, но оба почему-то долго не могли начать общение. Султану казалось, что тот немного играет – изображает из себя человека, сохранившего самообладание вопреки покушению на его жизнь, однако чувствовалось: глубоко внутри он тяжело переживает это ужасное событие.

– Следствие идёт? – спросил Султан. – Как же так получилось? Кто в тебя стрелял?

– Ты, кажется, сейчас задаешь мне глупые вопросы, – сказал он задумчиво, – ведь известно, кто всё это устроил, мой бывший шеф, он нанял киллера... так получается...

– Думаю, бывшего арестуют...

– Мечтать не вредно. Ха... во-первых, он до сих пор водит дружбу с вышестоящими! Во-вторых, думаю, дело раздуть не будут и быстро закроют. Почему, спросишь, они не могли поймать наёмных убийц, пытавшихся меня убить? Сам знаешь, не найдя исполнителей, не найдёшь и заказчика. Не думаю, что они выйдут на его след, даже зная, что это он. Что ж, я и сам не хочу, чтобы они копали это дело, пусть оно закроется как можно скорее...

– Почему?! – вырвалось у Султана. – Надо идти до конца! Если хочешь, давай привлечём журналистов!

– Нет, нет, нельзя, на этот раз уже не надо. Я уже предчувствовал, что так получится. Ведь приехали, предупредили...

– Так и есть! Расскажи об этом следователю и объясни...

– Друг! – остановил его Маннур запрещающим жестом здоровой руки – Дело, знаешь, в чем! Дело в человечности... Я всё прекрасно понимаю, чувствую свою вину... большую вину... Он взял меня на работу, поднял меня, ведь я был никем в то время. Но потом я его сокрушил, уничтожил, наплевал на сделанное мне добро. Он наконец-то понял, кто я, и настроил против меня своих знакомых и друзей по бизнесу. Итак, я попал в их чёрный список. А чёрный список, сам знаешь, это уже приговор, предвестник смерти. Вот это кровавое событие и есть скорбный результат, друг мой! Ему не стоило идти по этому пути, но, очевидно, он не мог найти другого. Пока меня только припугнули, они убили бы меня, если бы захотели. Ведь стреляли не в голову, не в тело, а только в плечо. Если бы целились по-настоящему, я бы сейчас не лежал в кровати этой больницы и не читал книгу...

– Пожалуй, это так... что теперь делать?

– Я уезжаю из Казани, друг...

– Уезжаешь? Куда?

– На свою родину... В Сергач... Кресло освобождаю. Нашёл себе замену... и даже успел его подготовить к должностным обязанностям. Он устроит обе стороны. Полезный человек и для меня, и для них. Так что я пока не потеряю свои акции. За эту жизнь я уже накопил немалое богатство... квартира, прочее имущество... В Сергаче давно открыл один сервисный центр, две автомойки. Так что... не бойся... я не повержен окончательно, дружище...

– Хорошо, – еле слышно проговорил Султан, – я рад за тебя, но я теряю друга, и это плохо...

– Не потеряешь, не волнуйся, – успокоил он его, – даст бог, свидимся.

– Что делать с Пакизой?

– Не понял...

– Неужели продашь квартиру на Булаке? Девушку нужно будет выселить оттуда...

– Не надо, пусть живёт... я пока не собираюсь продавать эту квартиру.

– Нехорошо, если сам уедешь отсюда...

– Я не думаю, что она продержится в институте долго!

– Султан от этих слов съёжился и не находил, что на них ответить. – Жаль... она может повторить мою судьбу...

– Тьфу на тебя!

– Нет, нет, успокойся! – рассмеялся тот. – На неё никто не нападёт, потому что у неё нет ни врагов, ни богатства, как у меня. Её отторгнет система. Ты же привёл её без разрешения ректора. Она не должна была там учиться.

– Друг мой, – вздохнул Султан, – не говори ей, пожалуйста, этих слов...

– Не горячись, дружок, не горячись... это сущая правда! Ты её туда устроил насильно. А теперь послушай, что тебе Маннур скажет! Её там не будут учить, а будут щемить со всех сторон! Почему спросишь, потому что её нет в списке. Сколько раз я уже говорил: наши судьбы с девочкой похожи, невероятно похожи! С одной стороны, мы несчастны, но с другой – счастливы! Потому что мы не из тех, кто пропадёт в миллионном городе, просто нас надо направить на правильный путь, помочь с вхождением в нужную колею. А для этого необходимо попасть в священный список, который нам написал Бог... и на который ты облизываешься...

– Список, – улыбнулся Султан и взволнованно поднялся со стула, – ты всё ещё веришь в это?! Я уже давно разуверился, ведь это выдумка, фикция, фантазия! В жизни нет такой вещи, как список, и не может быть! Забудь про него...

– Я бы и забыл, но жизнь не даёт забыть, друг мой, жизнь... Кстати, я вижу, ты уже собрался уходить, так вот перед отъездом хочу задать тебе один вопрос...

– Я весь внимание...

– За эти два-три дня, пока я тут валялся, успел прочитать немало татарских книг. И Атласи, и Исхаки... Получил удовольствие... Вот скажи мне, ты же теоретик, чёрт возьми! Я на этой земле родился татарин, живу как татарин, стараюсь, по крайней мере, соответствовать... Скажи, моя принадлежность к нации определяется списком, данным свыше?!

Султан ещё раз удивился тому, что, придя в больницу к человеку, едва избежавшему смерти, он погрузился с ним в совершенно отвлечённые темы. Очевидно, он задал этот странный вопрос не зря. Также Султан хорошо понимал, что дружба, начавшаяся случайно, постепенно угасает, и пришло время расстаться. Он ответил ему как человек, привыкший всем своим словам придавать толику игривости, но в то же время серьёзный и законопослушный.

– Понятие нации намного выше, чем, скажем, письменного списка, составленного простым народом, такой священный и божественный список ниспослан только с небес и гласит: «Ты татарин! У тебя на лбу отметина!»

– Со штрих-кодом, верно?! – рассмеялся тот и так же серьёзно в упор посмотрел на Султана. – Здорово сказал, друг, здорово, в будущем из тебя выйдет отличный депутат! Вот увидишь...

Ждательный падеж

Как ни удивительно, предсказание, сделанное старым другом Маннуром, весной начало сбываться. Его, покинувшего столицу по известным причинам, конечно, нельзя было назвать пророком, да он ни в коей мере и не претендовал на святость. Оставалось лишь одно – счесть его джинном, существом, сотворенным из адского пламени. Иначе как он мог предвидеть, что у Пакизы неожиданно возникнут проблемы?..

Да, девушку начали топить. Сознательно. Целенаправленно. Султан об этом ничего не знал, потому что, устав от холостяцкой жизни, вновь вернулся в семью и с головой окунулся в работу. Когда он нашёл время, чтобы заглянуть в квартиру на Булаке, то обнаружил Пакизу в состоянии предельного отчаяния. Увидев Султана, она заплакала.

– А ну-ка, выкладывай всё без утайки, что случилось? – успокоил он девушку. – Не скрывай, говори правду!

– Дело в том... я не могу сдать экзамены, один по философии... второй зачёт...

– Почему? Ведь ты хорошо закрыла первый семестр?

– В том-то всё и дело, нельзя сказать, что я плохо знаю предмет, уж четвёрку-то точно заслуживаю. Но ясно одно: он специально меня топит...

– Кто?

– Профессор...

– А имя у него есть?

– Есть... Факсютин... У нас его в шутку называют Копейка...

– «Копейка»? Почему?

– Он ездит на «копейке», и в институт приезжает на ней...

– Понял...

– Дважды пробовала сдать. Правильно ответила на все вопросы, сама не знаю как... А он сказал, чтобы я снова пришла. Повертел в руках зачётку и вернул мне. У меня остался только один экзамен, только один не закрыла...

– Зачёт тоже у него?

– Нет... зачёт я как-нибудь сдам... Но не знаю, что делать с этим экзаменом... тут полный тупик! Султан-абый... ничего не надо... Я уйду из этого учебного заведения... уеду...

– Хорошо, уедешь, – сказал он с напускной шутливостью, – ты мне скажи, что это за профессор? Тот самый Копейка... Он что, пристаёт к тебе?

– Не поняла...

– То есть проявляет интерес, который парни проявляют к девушкам... Может, предлагает познакомиться поближе?

– Нет... хотя вроде бы он пытался меня куда-то пригласить...

– Куда?

– В кафе... он сказал название... я не запомнила.

– Придётся пойти!

– Фу! Не хватало мне туда идти.

– Мне придётся пойти! Чтобы всё понять об этом человеке. – уточнил Султан. – Что означают его выкрутасы? Положил ли он на тебя глаз? Или всё же собрался выгнать из института по указанию сверху?

– Ничего не могу сказать, отказываюсь понимать...

– Вот я и хочу понять вместо тебя...

К поискам Копейки Султан приступил с холодной головой. Не имело смысла в порыве ярости врываться на кафедру философии и устраивать скандал. Как в прошлый раз, с ректором, кавалерийский наскок не прошёл бы. Необходимо было осторожно выяснить, что из себя представляет данный профессор – что это

за фрукт, что за научный червь, а может, и два в одном – червь во фрукте...

Султан решил, что лучшим местом для сбора сведений будет институтская столовая – там студенты не столько едят, сколько общаются и отдыхают душой. Он эту столовую хорошо помнил – когда-то здесь готовили комплексные обеды, очень дешёвые, а если хотелось ещё дешевле, имелась возможность заполнить желудок бесплатным кипятком и хлебом с горчицей. Впрочем, и тем и другим насытиться было невозможно. Через час живот начинал урчать и просить чего-то более калорийного.

Войдя в столовую, Султан обнаружил, что на линии раздачи остались привычные ещё двадцать лет назад блюда: салат из капусты с морковью, запеканка, макароны с мясной поджаркой, компот из сухофруктов. Но вместе с тем ассортимент был облагорожен заимствованиями из меню кафе и ресторанов. В списке, занимающем два листа, появились пицца, салат «Цезарь», жульен... Султан не стал дочитывать до конца, не захотел надевать очки и выглядеть старше своих лет.

Терпеливо отстояв очередь, он купил всего лишь стакан чая и сочень с творожной начинкой, чтобы был повод подсесть к кому-то за стол, не вызывая подозрений. После беглого осмотра зала ему приглянулись два парня, которые о чем-то с жаром разговаривали, забыв о еде. Но стоило Султану подойти к ним и сесть рядом, как оба, словно по команде, замолчали и, придвинув к себе подносы с комплексным обедом, энергично заработали челюстями.

– Эх, гулять так гулять! – пошутил Султан, выложив на стол свою скудную трапезу.

Парни даже не посмотрели в его сторону.

– Как дела, ребята? – спросил Султан, направив

взгляд на одного из них – того, кто показался ему более добродушным.

– Хорошо, – ответил он.

– Кое-что хотел у тебя спросить...

– Что именно хотите спросить? – вклинился в разговор второй и недоверчиво посмотрел на Султана.

– Вы знаете человека по фамилии Факсютин?

– Копейку, что ли? – усмехнулись оба. – Ещё бы не знать, самый популярный препода в институте.

– Почему?

– Он каждый год меняет «копейку»! – сказал добродушный.

– Откуда вы знаете?

– В прошлом году машина была красного цвета, в этом уже жёлтого.

– Может, Факсютин красит машину?

– Нет, не красит! – возразил недоверчивый. – И машины, и номера другие.

– Выходит, дядя живёт от зарплаты до зарплаты?

– Как бы не так! – возразил добродушный.

– Он, что ли, продаёт эти машины каждый год? – не отставал Султан.

– И продаёт, и дарит! – развеселился добродушный, не замечая, что его друг нервно ёрзает на стуле. – Мариец с параллельного курса всё лето работал у Копейки на даче, а тот за это расплатился с ним старой «копейкой»...

– Шикарная у него дача?

– Не то слово...

– Где она, не знаешь?

– Не знаем! – грубо отрезал недоверчивый.

– Хорошо, узнаем, – сказал Султан, бросив презрительный взгляд в его сторону.

– А почему он вас так интересуется? – спросил

добродушный. – Вы, дяденька, случайно, не из следственных органов?

– Нет, не бойтесь, – успокоил он его, – я журналист.

– Хотите про Копейку писать?! – Оба оторопело уставились на Султана.

– Нет, стрелять! – Султан резко поднялся, оставив рядом с подносами парней недоеденный сочень.

«Копейку» Факсютина Султан нашёл перед институтом без труда. Среди припаркованных иномарок народный автомобиль цвета «охра золотистая» выглядел бедным родственником, которому дозволили здесь приютиться исключительно из милости. А ведь когда-то ВАЗ-2101 ошеломлял европейским лоском, внешним видом, удобством посадки и управления – короче, всем... Для большинства советских людей с зарплатой сто двадцать рублей «копейка» была мечтой, в том числе и для преподавателей высших учебных заведений... Что, если Факсютин лет двадцать тому назад мечтал об этой машине, будучи аспирантом, и для него сейчас владеть этим ретро-автомобилем всё равно что «сказку сделать былью». Возможно, профессор так же не в силах расстаться с цветным телевизором «Рубин», настенными шерстяными коврами и коллекцией грампластинок, а к Пакизе он придирается исключительно из принципиальности?..

Сомнения заставили Султана обратиться к ещё одному студенту, который спешил в сторону троллейбусной остановки. На вопрос: «Скажи, это машина Факсютина?» – парень скорчил дурацкую рожу и ускорил шаг. Это разозлило Султана ещё больше. Вернее, к нему вернулась одержимость, с которой он год назад решил сделать счастливой девочку, в общем-то совершенно ему постороннюю: мчался туда, куда ему указывала её мать, выполнял то, что та от него нахально требовала. Он ни разу не ответил ей отказом и даже в мыслях не допускал

бросить Пакизу одну на жизненном ветру. И ведь не жалко ему было тратить время, не страшно потерять семью, работу, самого себя, наконец...

И вот у Султана снова нет ни своей воли, ни своих дел, ни своих желаний. Только машина своя – в которой он сидит неподвижно, как гвоздь, вколоченный в доску по самую шляпку, и не сводит глаз с дверей института – ждёт, когда появится какой-то злосчастный Факсютин. Что это – донкихотство или обострённое чувство землячества? А может, невозможная любовь к Пакизе, в которой он сам себе боится признаться?..

Ждать пришлось довольно долго: сгустились сумерки, скопление машин перед институтом поредело. Остались только чёрный джип, возвышающийся подобно скале, и жёлтая «копейка», нелепая на его фоне, как молодящаяся старушка. Её номер уже невозможно было разглядеть, но Султан предусмотрительно его запомнил, хотя и не собирался преследовать Факсютина – планировал разобраться здесь, не отходя от «копейки».

Наконец философ показался на крыльце, причём в сопровождении немолодой женщины «Что за страсть к антиквариату!» – подумал Султан. Но тот церемонно раскланялся со спутницей, приподняв шляпу, и стало ясно, что это не жена и не любовница, а, вероятно, коллега. Вслед за тем Султана удивило, с какой поспешностью профессор снял очки в толстой роговой оправе и сунул их в карман плаща. Не означало ли это, что он носит очки только для фасона, чтобы прикинуться чудаковатым интеллигентом, эдаким вечным студентом Шуриком?..

От внимания Султана странным образом ускользнуло, как он открыл дверь «копейки» и сел за руль, положив рядом кожаный портфель. Лишь когда тот лихо развернулся, Султан вздрогнул от того, что не успел

выйти из своего укрытия и задать профессору каверзные вопросы. Теперь оставалось лишь следовать за негодяем. Получилось смешно: жигули гнались за жигулями – «двенашка» за «единичкой»...

Султан приготовился долго петлять по улицам города, сначала по освещенным рекламными огнями, потом по зловеще тёмным и, наконец, притормозить на окраине перед какой-нибудь обветшалой «хрущёвкой». Но его ожидания не оправдались – машина профессора свернула к Аметьевской горе, которая в недавнем прошлом была деревней в центре города (новостройки обошли её стороной), а ныне – элитным коттеджным посёлком. Старые деревянные дома здесь ещё оставались, но преобладали коттеджи, самые разнообразные – похожие и на средневековые замки, и на древнерусские терема. Тот, к которому подъехала «копейка» Факсютина, выделялся классическим стилем. Это было «дворянское гнездо» – с портиком, колоннами, балюстрадами, рельефным орнаментом карниза. Султан, выйдя из своей машины, невольно залюбовался постройкой через кованые пролеты забора и не заметил, как хозяин дома открыл рулонные ворота гаража. Тем сильнее изумился Султан, когда увидел там сияющий бумер – какого-то необыкновенно тёплого цвета, с бронзовым эффектом.

«Тварь!» – от негодования у Султана перехватило дыхание. Он ворвался в гараж, когда тот, загнав туда «копейку», уже собирался закрывать ворота. От испуга профессор чуть не выронил пульт, однако быстро взял себя в руки и пристально посмотрел на злобное лицо незнакомца. По выражению глаз профессора было ясно – он догадался, кто перед ним. Без сомнения, личность скандального журналиста, посягнувшего на святое – отлаженный денежный конвейер, ректор обсуждал в узком кругу своих поделльников.

– Кто вы? Что вам нужно? – взревел Факсютин басом, удивительным для такого тщедушного человека, казалось, в грудной клетке у него вместо легких были установлены органнне трубы.

Он мигом выхватил из внутреннего кармана плаща мобильный телефон, но на кнопки нажимать не стал, а просто приложил его к уху, делая вид, что держит ситуацию под контролем.

– Это моя частная территория! Прямо сейчас уходите отсюда! Иначе вызову полицию! – пророкотал он.

– Вот ты как заговорил, философ, а? Привет! – возвысил голос Султан. – Что, не узнал? Или делаешь вид, что не узнаешь?!

– Уходите! Я закрываю гараж! – пригрозил хозяин, хотя и сам зашёл в гараж, чтобы загородить собой капот бумера.

– Закрывай!

– Выходите отсюда!

– Это не твой гараж, куркуль, а народный! – взорвался Султан. – Здесь каждый кирпич пропитан слезами и потом несчастных родителей, у которых ваша шайка вымогала деньги за поступление своих детей! Ты ходишь по этим слезам. А по утрам пьёшь кофе из этих слёз... Скажи! Кто тебе велел?

– Кто велел?.. Что?..

– До сих пор не понимаешь? – Султан схватил философа за грудки и притянул к себе с такой силой, что едва не ударился лбом о его подбородок. – Кто велел завалить мою односельчанку на экзамене и выжить её из института? Ректор? Скажи!

Факсютин пытался вырваться из крепких рук Султана и беспрерывно трепыхался, но, поняв, что это бесполезно, обмяк и успокоился. За сохранность иномарки ему волноваться не приходилось – Султан

не собирался её ни крушить, ни угонять, а собственная безопасность волновала профессора меньше. Тем не менее, тайну преследования Пакизы он не собирался раскрывать, прекрасно понимая, что если продаст шефа, то и ему не поздоровится.

Но Султану и без того было всё ясно.

– Скажи, собачья душа! Скажи своему хозяину... если вы выгоните мою сестрёнку из института, то я позабочусь о вашей шайке, понимаете, я вам устрою весёлую жизнь! Так и передай, что журналист Султан сказал! Твой шеф меня очень хорошо знает, а если забыл, напомню ещё раз! Помните, одна моя статья, опубликованная в газете, и на вас возбудят уголовное дело...

Выхватив у профессора пульт, Султан выбежал из гаража, и с минуту любовался тем, как ползут вниз рулонные ворота. Побледневший философ не сопротивлялся этому самоуправству. Султан этого профессора там заживо замуровал бы, будь на то возможность. Но поскольку таковой не было, оставалось лишь бросить пульт на землю и, смачно на него плюнув, убраться восвояси.

На первый взгляд, авантюра завершилась успехом. Философ не стал мелочиться и на переэкзаменовке написал в зачётке Пакизы «хорошо». По словам девушки, даже не стал задавать вопросов, а только похвалил ее за усердие и смышлённость. Тем не менее удовлетворения Султан не чувствовал, потому что Пакиза лишила его... не благодарности, нет, в этом Султан не нуждался, а возможности разделить с ней ликование по поводу закрытой сессии. После переэкзаменовки девушка стала неузнаваема: замкнулась и стала похожа на какую-то адскую птицу, летящую в бездонную тьму... Она оставляла без ответа настойчивые вопросы Султана о причинах такой перемены.

Беда не замедлила себя долго ждать. За день-два до начала каникул и возвращения к родителям Пакиза выкинула фортель почище, чем с мусорной урной на автовокзале. Когда она ему позвонила и попросила приехать на перекресток улиц Мусы Джалиля и Тази Гиззата, он сразу почувствовал недоброе, потому что там располагался Лебедевский мост – первый каменный мост через Булак. В народе его прозвали «Мостом слёз». По одной из версий, по этому мосту казанцы провожали уходящих на войну солдат.

Он нашёл там девушку в полубессознательном состоянии в машине такси, на заднем сидении «Соляриса». Водителем, который её туда перенёс, оказался татарин из Арска, так что Султану не составило труда поговорить с ним откровенно. Он поверил каждому слову таксиста, потому что, несмотря на плутоватый вид, в нем чувствовалась недюжинная цельная натура.

– Знаете, – рассказал водитель, – в случившемся есть, наверное, и моя вина, может, слишком с большой скоростью ехал и испугал её... Тем не менее... хочу вам сказать... Кто вы ей, отец, или?..

– Односельчанин...

– Так вот, я хотел сказать вам...

– А ещё я журналист... Султан Абдуллин...

– Читаю вашу газету, – широко улыбнулся таксист, – ваши статьи тоже...

– Ближе к делу.

– Ну да... хочу сказать... всё ли в порядке у этой девушки с головой?

– Она здорова!

– Вы на меня не сердитесь, но я вам скажу...

– Скажи, брат, не тяни!

– Она сама хотела броситься под машину, понимаете?..

– Сама?!

– Да, да, – настоял водитель, – я ведь видел её за сто метров до того, она стояла напротив «зебры». Затем резко сорвалась и подошла к остановке. Как вы думаете, почему она ушла?.. Вот почему! Если бы она бросилась под машину на «зебре», значит, виноват был бы в первую очередь водитель. Она не захотела меня подставлять. Только когда я проезжал мимо остановки, она рванулась вперёд под колёса...

– И?!

– Но тут же передумала, отскочила назад... как уже догадываетесь, упала головой на поребрик...

Всех деталей происшествия Султану выяснить не удалось, потому что Пакиза помахала рукой из окна машины. Оказалось, её состояние резко ухудшилось. Она жаловалась на тошноту...

– Едем в больницу? – предложил Султан.

– Нет, забери домой! – не согласилась она.

Султан с помощью водителя перенёс её в свою «двенашку», и там она потеряла сознание.

Талии он сообщил о случившемся только после того, как скорая увезла ее дочь в больницу и стал известен предварительный диагноз.

– Талия-апа...

– Слушаю, голубчик...

– Вынужден сообщить плохие новости...

– Мой ребёнок!..

– Да... дочь ваша находится в реанимации, у нее сотрясение мозга...

– Она в сознании?

– Нет, к сожалению... тем не менее, надеемся...

– Эх ты, – укорила его женщина, – не смог сберечь моего ребёнка...

Вот так, в итоге Султан оказался во всём виноват. Удивляться не приходилось: нельзя причинять добро,

лезть в чужую судьбу даже с благими намерениями – иначе придётся отвечать за всё...

Султан безропотно проглотил эту обиду, больше волнуясь за состояние пострадавшей, – она не приходила в сознание два дня. Поскольку к ней не пропускали, Султан, оставив медсестре свой номер телефона, с нетерпением ждал вестей. Наконец, медсестра сообщила, что она пришла в себя. Разумеется, окрылённый Султан немедля побежал в больницу, но его туда опять-таки не пустили, передав, что пострадавшая хочет видеть у себя только двух человек: мать и сестру. Султан не обиделся, но так и не понял, по какой причине Пакиза не захотела его видеть. Объяснил тем, что стесняется синяков под глазами, которые неизбежно наливаются вокруг глаз после черепно-мозговых травм.

Через три дня он снова попытался навестить её, но Пакизу уже перевезли из Казани в районную больницу. Султан звонил ей, сначала со своего телефона, потом с чужого, но ответа в том и другом случае не дождался. И тогда уже в его душе родилась обида: не столько на девушку, сколько на Талию. Уж она-то, взрослая женщина, могла бы соблюсти приличия и сообщить Султану новости, понимая, как он волнуется за её дочь, но нет – предпочла унизить его пренебрежением: мол, больше не нуждаемся в твоих услугах, мавр сделал своё дело... Султан уверился в своём выводе, когда заглянул в квартиру на Булаке и обнаружил, что вещей девушки там не осталось, увезли всё, вплоть до зубной щётки и домашних тапочек.

С того дня он практически ежедневно успокаивал себя мыслью: никуда не денутся, найдут, когда он им понадобится, а если не найдут, ещё лучше – будет меньше хлопот. В глубине души, конечно, надеялся на то, что летние каникулы пройдут, студентка встанет

на ноги и вернётся в Казань, после чего всё будет по-прежнему...

Однако она не вернулась. В августе ему позвонила однокурсница Рахилия и не без злорадства сообщила шокирующую весть: Пакиза забрала документы и попрощалась с институтом!

11

Превратительный падеж

В жизни Султана началась болтанка, как в салоне машины, на большой скорости попавшей в колею. Всё началось с того, что он решился написать заявление об увольнении по собственному желанию, поскольку Арифуллин только на словах пообещал сменить содержание газеты, а на самом деле занимался только рекламой, и ответственный секретарь был ему в том верным помощником. В итоге Султан, вылетев из привычной колеи, серьёзно застрял в бытовой рутине, словно на снежной обочине, где без помощников не обойтись. А их-то как раз и не было – Маннур уехал в Сергач, мудрая Назира по-прежнему отказывалась от общения с ним, а остальные друзья лишь отмахивались: мол, все хорошо, успокойся – или давали бесполезные советы: «Ты же известный журналист, тебя знает вся республика, заяви себя кандидатом в депутаты!» Вняв этим похвалам, Султан испытал лёгкое головокружение от чувства собственной значимости, к тому же вот-вот должна была начаться избирательная кампания в Госсовет. Но более осведомлённые товарищи – те, кто когда-то имел опыт участия в выборах, очень быстро спустили его с небес на землю: «Если ты не вошел в какой-то партийный список, не теряй ни времени, ни денег, будь даже ты поцелованный Богом, даже если наберешь тысячу голосов, не пройдешь в одиночку!»

В итоге безработный журналист махнул рукой на депутатство и совершенно забыл слово «выборы».

Пришлось Султану самому выбираться с обочины жизни, отринув малодушные попытки отыграть назад и встать на старую колею. Наконец, не без помощи Маннура, который замолвил за него словечко перед своим знакомым, Султану удалось устроиться рядовым сотрудником в пресс-службу крупного банка. Больше всего этому радовалась жена, предвкушая, что на семью прольётся золотой дождь. Она тут же бросила работу и с головой окунулась в религию (Султан смутно догадывался, под чьим влиянием). Но её радость длилась недолго, муж смог продержаться в роли банковского служащего не более двух месяцев. Его, свободолюбивого журналиста, там унижало всё: и строгий график работы, и канцелярит, который приходилось использовать при написании текстов, и фальшивая вежливость сослуживцев. После банка Султан устроился в частную газету известного деятеля искусств, где его тоже ждало разочарование. Там он пришёл к убеждению, что человеку нужно быть самим собой, а не чужой тенью – писать по чьей-то прихоти то рекламные, то, наоборот, разоблачительные статьи, да еще неоднократно их исправлять, а порой и полностью переписывать. Через некоторое время Султану посчастливилось открыть свою частную газету, опять-таки при поддержке друга Маннура, а также государственной программы по развитию татарского языка. Он с лёгкостью собрал коллектив из трёх человек, зарегистрировал издание, но хлопоты по его распространению и увеличению тиража истощили его жизненные силы до нервного истощения. Султан угодил в больницу, где пролежал пару месяцев, и за это время коллектив распался. Восстановить газету Султану не удалось.

Так, перебиваясь случайными заработками, Султан волей-неволей очутился в старой привычной колее, – его пригласили на работу в другую государственную газету, и он, не особо задумываясь, ответил согласием. К новой работе он поначалу относился с прохладцей, но постепенно приохотился благодаря письмам простого народа, приходившим в редакцию, они ложились целительным бальзамом на его чувствительную тревожную душу.

С особым вниманием он прочитывал письма юношей и девушек, это позволяло ему воскрешать в воображении Пакизу: где сейчас этот ребенок? выздоровела или нет? – хотя уже удалил из списка контактов её номер телефона. Да, память истончается, и восстановить разорванную эмоциональную связь трудно, тем более, когда другая сторона не предпринимает попыток к сближению. Правда, у Султана оставался номер Талии, но он стеснялся звонить ей, да и не имел особого желания. Вместо этого однажды наведаясь в институт, надеясь, что встретит там Пакизу или сможет что-то узнать о ней. Разумеется, только зря потратил время.

Однажды весной в редакцию пришло письмо, вдвойне интересное для Султана тем, что, будучи написанным от лица молодежи, имело адресантов из его родного района. Послание походило на анонимное: имена и фамилии упоминались, однако подписи отсутствовали. Впрочем, содержание письма позволяло без труда догадаться о том, кто являлся автором. Речь в нём шла о некой женщине по имени Джавида, всю жизнь проработавшей в сельской библиотеке. Она и после выхода на пенсию собиралась трудиться на ниве просвещения, но районное начальство заставило пенсионерку уволиться, а на ее место привело девушку из соседней деревни, которая совсем не знала библиотечного дела, к тому же была вызывающе грубой

и не нашла общий язык с читателями. Сельская молодежь требовала восстановить справедливость.

Султан во что бы то ни стало решил разобраться в этой истории. Что-то безотчётно тянуло его туда. Он не стал дожидаться, когда освободится редакционная машина, тем более сообщать руководству района о своём визите и отправился на своей «двенашке» туда, где разыгралась библиотечная драма. Деревня М. находилась недалеко от родного села Султана, всего в семи-восьми километрах. В школьные годы он ездил туда на спортивные соревнования, в М. и школа была побольше, и спортзал попросторнее. Чуть дальше на карте района значилась деревня З., где когда-то жила первая любовь Султана. Но это поселение пришло в упадок, и его вычеркнули из реестра, то есть из перечня деревень. Да, деревни исчезают, а с их исчезновением и те, кто сохраняют национальное своеобразие и язык. Татарский гений, видимо, не зря предрекал исчезновение татар через двести лет. Что ж, если дела пойдут таким образом, то татар, потерявших язык и веру, в будущем могут вычеркнуть из списка человечества! Султан всю дорогу предавался этим грустным мыслям. И все они вращались вокруг повсеместной распространённости списков. Без них, кажется, не обойтись ни в повседневной жизни, ни в бизнесе. Даже в спорте. Например, на днях один комментатор с канала «Матч» подробно рассказывал о расширенном списке российской футбольной команды. А в газете писали, что один мужчина, за два года потерявший семнадцать родственников и сорок сослуживцев, устроил поминальный обед, на котором огласил перед муллой «грустный список потерь». Тот, в свою очередь, помолился за душу каждого усопшего. Бесконечна череда подобных примеров – бесконечна, как вселенная...

В деревню М. Султан добрался к десяти утра. Библиотека располагалась в доме культуры, в одной из его небольших комнат. Однако к приезду журналиста здание было закрыто. «Клуб открывается вечером», – пояснили Султану две деревенские женщины пенсионного возраста, сидевшие на облезлой скамейке возле клумбы, заросшей барвинком, после чего продолжили перебивать кости какой-то молодой бессовестной «прошмандовке». Султан уловил обрывки их разговора: «только к обеду появится», «учебу бросила», «в своей деревне работы не нашлось», «мать попрекала: нечего сидеть на моей шее».

Султан так внимательно их слушал, что одна из женщин, наконец, догадалась, что перед ними стоит неслучайный прохожий.

– Здравствуйте, – сказала она Султану смущённо.

– День добрый.

– Вы же журналист? Султан... э... э...

– Абдуллин... А вы?

– Я... автор письма... – честно призналась женщина.

– Что ж, давайте поговорим...

– С удовольствием, – сказала Джавида-ханум, – заходите...

Пенсионерка с гордостью вытащила из сумки связку ключей от клуба, с которыми после увольнения не пожелала расстаться. Она провела Султана в помещение библиотеки и усадила за круглый стол, где были разложены свежие газеты и журналы. Вдохнув запах типографской краски и оглядев книжные полки, Султан преисполнился благосклонности к анонимщице. Он любил сельские библиотеки, запах старых потрёпанных книг с пожелтевшими страницами. Здесь всё опровергало расхожую истину «Бег времени остановить невозможно» – оно было остановлено на этих полках, вернее – законсервировано. Корешки книг будто призывали:

«Остановитесь! Не бегите! Читайте!» – чтобы люди задумались, постигли глубокий смысл жизни...

– Выйдя на пенсию, я проработала всего два месяца, меня выгнали, – пожаловалась Джавида-ханум, – я хотела остаться, но привезли девушку из соседней деревни. По знакомству, конечно. Если бы она старалась хорошо работать – другое дело, но никто не собирается этого делать. Я сама приходила в библиотеку в девять, а в шесть возвращалась домой. Если человеку нужна была книга, задерживалась, иногда допоздна, помогала. Проводила много встреч, вечеров...

Затем Джавида-ханум перешла на таинственный шёпот и поведала, что в ситуации замешан «хозяин района». Когда-то он работал председателем колхоза в их деревне и главбухом у него была женщина по имени Талия, редкостная пройдоха – она прикрывала все его грязные делишки. Однажды кто-то написал жалобу на председателя, и в колхоз нагрянули ревизоры. Они пытались отыскать важный документ – амбарную тетрадь, в которой учитывался чёрный нал, но бухгалтерша ее надёжно спрятала. Таким образом, хозяин района был перед Талией в долгу и не смог отказать в просьбе устроить на работу её дочь, которую, по слухам, выгнали из института за неуспеваемость...

Султан едва успел сложить пазлы – связать услышанное с матерью Пакизы и самой Пакизой, как в библиотеке прозвучало приветствие:

– Здравствуй, Султан-абый!

Джавида-ханум от неожиданности вскочила с места и, налетев на складную деревянную стремянку, бросилась в коридор. Громко хлопнула входная дверь.

Султан, медленно поднявшись, подошёл к Пакизе. С улыбкой протянул для сердечного рукопожатия открытые ладони:

– Здравствуй, сестрёнка, куда же ты пропала? – спросил он.

Девушка молча бросила на него испытующий взгляд: дескать, приехал с проверкой? по собственному желанию или по наущению сверху? Султан тоже молчал, удивляясь переменам в её облике. Она старалась выглядеть невозмутимой и бесстрастной, загоняя внутрь отчаяние и страх, но её выдавали нервные суетливые движения рук: когда она сначала вешала сумку на спинку стула, потом наводила порядок на своём рабочем столе. Только положив в ящик стола общую тетрадь (Султан понял, что это дневник!), Пакиза наконец улыбнулась.

– Я хотела забыть вас, – сказала она, – не только вас, но и всю ту бессмысленную студенческую жизнь. Да, я не должна была учиться в этом учебном заведении, наконец, поняла это. Вы запихнули меня туда, вы запутали мою судьбу...

– Ты считаешь, я виноват?

– Нет-нет, извините, вы ни в чём не виноваты. Но разве можно сказать, что наши прошлые деяния были благими?..

– Почему же ты не позвонила мне? – сказал Султан, чувствуя себя нашкодившим учеником, оправдывающимся перед учительницей. – В нужный момент не ответила на мой звонок...

– Да, да, правда, в нужный момент, – подхватила девушка, – в точку попали! Вы же знакомы с моей мамой! Она, знаете, что сказала мне?

– Да...

– Султан-абый нам сейчас не нужен, забудь его.

– И ты... забыла?

– Мама всё же... для меня близкий человек! Словами взрослых нельзя пренебрегать, пропускать их мимо ушей. Подчиняясь воле матери, я постаралась забыть вас...

– Спасибо! – с невольным сарказмом вырвалось у Султана.

То, что юная девушка, когда-то обласканная им, вела себя столь высокомерно, вызывало у журналиста возмущение. Он схватил свою фирменную кепку, лежавшую на столе, и, забыв о целях командировки, бросился к выходу.

– Пойдите! – Эти слова настигли Султана на пороге. – Сегодня во сне я увидела страшного огнедышащего дракона с семью рогами, потом он превратился в огромного козла с двумя рогами, затем в простого деревенского барана. Этот почему-то оказался бодливым и принялся атаковать меня. Потом чьи-то сильные руки схватили его за рога и отвели от меня беду. Самое удивительное, этим человеком были вы, Султан-абый! Поэтому я проснулась не от страха, а от желания улыбнуться.

– Хотя бы так сумел тебе помочь, – горько пошутил Султан.

К девушке постепенно возвращалась присущая ей искренность.

– Если будете писать о Джавиде-апе, – сменила она тему, – то, пожалуйста, не оскорбляйте её, она ни в чём не виновата. Она хотела остаться на работе. Но её не оставили, потому что меня надо было пристроить. Видите, я снова не на своём месте, снова потеснила другого человека. Это моя судьба, горькая судьба, моя бессмысленная жизнь. Я не стремилась сюда. Это мама решила за меня. Так что я пробуду здесь недолго. Как только поправлюсь, перееду в другое место...

– Ты болеешь?

– Травма, конечно, оставила свой след. Работать в соседней деревне не так-то просто. И далеко, и неудобно, и утомительно. Бывают разные погодные условия...

Недавно я купила в районе велосипед. Старый, на котором каталась в детстве, пришёл в негодность, пылится в старом угольном сарае. Но пока езда на велосипеде доставляет немало хлопот: теряю сознание, кружится голова. Особенно, когда дорога идёт на подъём. Зато радуюсь, когда начинается спуск и не надо прилагать усилий, да ещё ласковый тёплый ветер дует в лицо...

– Сестрёнка, я ничего не собираюсь писать... Прощай, будь здорова...

– Прощайте!

– Забыл спросить... Как поживает муж твоей сестры?..

– Фердинанд...

– Да, живут они вместе или нет?

– Он ушёл к своей первой любви, но долго не задержался и вернулся к сестре. Таким образом, и семья, и дом в целостности и сохранности

– Простила ли сестра зятя?

– Куда же она денется! Надо уметь прощать друг друга...

– Да, терпения и ещё раз терпения требует семейная жизнь. Тем не менее, я очень рад, что они вместе. Помнишь, по моей теории, они не должны были остаться вдвоём. Теория есть теория, а практика, то есть жизнь, всё равно берёт своё, рулит судьбой по-своему... Ладно, до свидания!

– До свидания...

Они попрощались во второй раз. Но Султану, как обычно, прежде чем поставить точку в разговоре, захотелось немного пофилософствовать.

– Вот ты сказала, что твоя жизнь бессмысленна. Действительно, жизнь, прежде всего, должна иметь смысл, а запутанная, пустая жизнь безвкусна и неинтересна. Человеку нужна цель, без неё нельзя.

– Цель у меня одна, Султан-абый, избавиться от бедности!

– «От бедности»? – Он указал рукой на полки с книгами. – Я думаю, что говорить о бедности рядом с такой духовной сокровищницей, таким богатством неприлично, сестрёнка! Ну, ладно, пока.

Султан решительно шагнул к порогу, но и на этот раз не сумел уйти, потому что столкнулся в дверях с невзрачным сухощавым юношей в чёрном костюме. Вошедший с удивлением посмотрел сначала на девушку, потом на журналиста, а затем широко улыбнулся Султану:

– Спасибо вам!

– За что?

– За всё! Пакиза мне рассказала, какой вы хороший человек, настоящий!

Султан, не нуждавшийся в похвале этого сопляка, едва не нагрубил ему и, не удостоив его ответа, поспешил в коридор.

Пакиза догнала Султана и преградила ему путь.

– Парень твой, что ли? – спросил он девушку.

– Да... Сайт его зовут... деревенский парень... Вчера сделал мне предложение...

– Выходишь замуж?

– Выхожу.

– Поздравляю!

– Спасибо!

– Он тебе нравится?

– Да...

– Чем? – насмешливо улыбнулся Султан. – Он же ни рыба, ни мясо.

– Вы хотите, чтобы в моей жизни всё осталось по-прежнему?! – Пакиза не обиделась на Султана, так как была слишком уверена в правильности своего выбора.

– Спросите Вселенную, и Вселенная на всё даст ответ, говорил нам преподаватель психологии в институте.

На одном занятии он предложил девушкам: составьте список, перечислив качества того мужчины, которого видите спутником своей жизни, – список должен быть максимально длинным. Ведь если упустить хотя бы одно из качеств своего будущего мужа, то после женитьбы может не хватить именно его. А это способно негативно отразиться на семейной жизни, спровоцировать неожиданные конфликты...

– Написала?

– Конечно, написала, на нескольких страницах. Прежде всего, я хотела, чтобы будущий муж был человечным и ласковым. Моя мама всегда была строгой ко мне, поэтому я хочу рядом с собой ласкового мужчину. Саит именно такой... он ласковый и добрый...

– Я рад! – мрачно выдавил из себя Султан, чтобы хоть что-то сказать. – Ну, хорошо, будь здорова...

– Прощайте...

– Пока...

– Султан-абый...

– Да?

– Ваш номер телефона не изменился?..

– Тот же самый, да! Не изменился...

***

Не прошло и трех месяцев, как девушка сообщила о своем замужестве. Султан на этот раз искренне поздравил её и даже прислал на свадьбу денежный подарок с намерением внести посильный вклад в будущее молодой семьи. После этого (не прошло и полгода!), когда он уже стал забывать о существовании Пакизы, от неё пришло другое ошеломляющее известие: «Расстались. Поняла, не мой человек. У нас разные характеры и несопоставимые имена. Саид и Пакиза... смешно. Свекровь проклиняет,

а мать обижается. Отец молчит. Мы с подругой уехали в Турцию. Хотелось бы обосноваться там».

Султан вновь обратился к ней с добрыми пожеланиями и на некоторое время вновь был вынужден её забыть. Он погрузился в проблемы семьи; доселе не интересовавшийся тем, в каком классе учатся его дети, начал делать с детьми домашние задания и ходить в школу на родительские собрания. На одном из них Султан был возмущён до глубины души, когда классный руководитель высказала претензии в адрес родителей: якобы они не знают таблицу умножения, не умеют различать гласные и согласные, путают падежные окончания и вообще не способны отличить Париж от Мамадыша на географической карте. Тогда Султан поднялся с места и во всеуслышание просклонял слово «ребёнок»: кто? – ребёнок, именительный падеж, кого? – ребёнка, родительный падеж, кому? – ребенку, дательный падеж, кого? – ребёнка, винительный, кем? – ребёнком, творительный, в ком? – ребёнке, предложный. За ним с удовольствием наблюдали другие родители, присутствующие на собрании, а в конце выступления поощрили аплодисментами.

Через какое-то время сообщения от девушки прекратились, и она окончательно исчезла из поля зрения Султана. Именно тогда он поссорился с женой, на этот раз более чем серьёзно. Дело в том, что он всегда протягивал руку помощи родственникам и знакомым Рамили, а в случае необходимости помогал материально, но впервые отказал, когда жена потребовала разрешить своему племяннику, поступившему в высшее учебное заведение, разрешить проживание в его квартире. Султан этому резко воспротивился, а Рамиля в отместку устроила ему «тихий террор». Они и без того мало разговаривали, потому что общих тем не имелось, а

тут совсем перестала разговаривать. Она днями копила раздражение внутри, а потом, неожиданно взорвавшись безо всякой причины, начинала кричать. От своей религиозной жены, которая пять раз в день молилась, ударяясь лбом об пол, и заучивала наизусть суры из священного Корана, подобного он не ожидал. Разве в Коране написано, что дозволяется кричать на мужа, кормильца семьи?

Не выдержав, Султан вновь собрал «чемодан» и отправился на квартиру Маннура. Она всё ещё пустовала. Глубоко проникнувшись идеей списка и чуть тронутый умом Маннур держался от неё подальше: дескать, я её на свои деньги не покупал, она не моя, мне эту жилплощадь предоставил враг. Периодически он заикался о продаже квартиры, но тянул с этим и никому, кроме Султана, не позволял туда заходить. Как-то в телефонном разговоре тот признался: «Я знаю, что моя любимая туда вернется, ангелы небесные вознамерились исцелить мою душу и даровали встречу с ней!» Султан лишь отчасти поверил словам Маннура, но понял, что тот бережёт квартиру для Пакизы.

Сразу после переезда на Булак Султан испытал душевное облегчение, как будто начал жить заново. Во-первых, он нашёл себе оправдание: «Я расстаюсь только с женой, а детей бросать не собираюсь!» Затем уверил себя, что ещё не стар, ему всего сорок лет, и он обязательно найдёт своё счастье, свою судьбу! После этого написал Пакизе, что ушёл от жены и живёт в той самой однушке, где они когда-то разговаривали по душам, надеялись на лучшее и были родными друг другу людьми. Ответа от девушки не последовало, хотя по голубой метке было ясно, что она открыла Whats'App и прочитала его сообщение.

А потом случилось самое важное – Султану удалось

завершить свою теорию, вернее – понять, что он изобрёл велосипед. Блуждая по просторам интернета, он случайно выяснил, что об идее Списка до него четыреста лет назад догадался протестантский пастор Кальвин. «Безусловное избрание» – так называл он два списка, в которые Бог, ещё до сотворения мира, занёс избранных любимчиков и проклятых изгоев. Первым он обеспечил прощение и спасение, а остальным – греховную жизнь и справедливое наказание. Но справедливое ли, раз всё заранее предопределено? И чем в этом случае являются многочисленные списки, которые пишут в наши дни простые смертные? Хотя бы тот самый список бюджетников, составленный в институте ректором Азгаром Шамовичем при содействии однокурсницы Рахили? Наверное, это зеркальное отражение тех божественных списков или проявление фрактальности природы. Так ветвь повторяет очертания дерева, а прожилки листа, в свою очередь, – ветви.

Султан был горд тем, что сам того не ведая бросил вызов Всевышнему, когда задумал переломить судьбу Пакизы к лучшему. Поэтому в депрессию от своего неутешительного открытия он не впал. Наоборот, взбодрился. Надо плыть по течению, решил Султан, жить одним днём.

Тут из Турции пришло новое сообщение от нее, довольно многословное в отличие от предыдущих. В нём она без церемоний обращалась к Султану на ты: «Лечу из Турции в Казань. Встречай меня в аэропорту. Я хочу жить в Татарстане. Я сейчас ни от кого не завишу, ни от матери, ни от отца, ни от сестры, ни от братьев. К сожалению, не нашла себя на земле турецкого султаната. Я поняла, что мой султанат там, где ты, Султан. Наши имена написаны на небесах. Когда я была

в бессознательном состоянии, ангелы шептали мне это на ухо. Они показали мне небесные врата, которые мало кто видел. Там стояли ты и я... ангелы окрасили врата розовым цветом рассвета. Пойми... я уже давно не девочка-подросток... да, телом и умом я женщина, а душой всё ещё девочка... P.S. Отдельно сообщу время прилёта. Скучаю. Считаю минуты до нашей встречи. Пакиза».

Вот тебе на! Ещё один головняк! С чего эта девочка взяла, что их союз записан на небесах? Это всего лишь галлюцинация пострадавшего от сотрясения мозга?.. Но кончики пальцев Султана уже нажимали привычные кнопки телефона, набирая: «Возвращайся. Встречу».

Короткая эсэмэска, состоящая из двух слов, растворилась в виртуальном пространстве, а на периферии памяти всплыли слова односельчанки: «Мой ребёнок...». Ох! Не возвращается ли прежняя канитель?!

Да, именно так, но уже в другой жизни, при других обстоятельствах.

Перевод Галины Зайнуллиной

КОХАНИЙ

– Все началось с болезни, – начал он свою душещипательную историю. – Как ни странно, именно благодаря ей я обрел огромное счастье, испытал неповторимое чувство любви и познал смертельную тоску.

Давно это было, в эпоху развитого социализма. Для меня – поистине печальное время, тревожное время, исполненное забот время. Мне исполнилось двадцать два: я был молод, но уже серьезно болен. Хорошо помню, как столкнулся с этой напастью и как захворал. Наш дом в деревне был обшит деревянными досками. Отец каждое лето красил его, так поступил и в тот год, по обыкновению доверив работу мне. Я приступил к покраске ранним утром, а когда на дворе стало жарко и душно, снял верхнюю одежду и продолжил махать кистью полураздетым. Вечером небо затянули темные тучи, похолодало. Свежий ветер прошелся по моему голому телу, основательно застудив поясницу.

Забыл сказать, окончив институт и получив диплом, я поселился в райцентре. Меня взяли методистом в дом культуры. Времени мы там зря не теряли, как говорится, окультуривали народ. Впрочем, возвращаясь к Шурале... русские в таких случаях говорят «к нашим баранам», я рассказываю вам не о своей работе, а кое о чем совершенно другом...

Итак, я постоянно болею: настроения нет, самочувствие ни к черту. Время от времени даже думаю о смерти. А кто хочет умереть молодым! Вроде бы мой нефрит не такая уж и опасная болезнь, не смертельная, во всяком случае, но постоянные боли в почках, ломота в пояснице меня очень угнетали.

Я наведалься к Расиху-абый, который работал урологом в районной больнице, спасибо ему – не бросил племянника в трудную минуту. По его словам, хворь оказалась весьма серьезной. Необходимо было длительное лечение. В итоге через несколько дней меня отправили в старую обветшалую больницу – полы в ней прогнили, штукатурка на стенах отвалилась. В одной палате лежали около двадцати человек – на железных кроватях с панцирными сетками, они стояли ровными рядами, как в казарме. «Вот и лежи тут, пока горб не вырастет!» – обреченно подумал я.

Как сейчас, помню двоих. Один – пожилой мужчина, другой – молодой парень. У пожилого случился сердечный приступ, а у молодого – нагнаивалась стопа, начиналась гангрена. Дело дошло до ампутации. Бедняге отрезали левую ногу. Он работал механизатором, и его зацепил тракторный башмак. Ногу, оказавшуюся под машиной весом сто тонн, довольно сильно перемололо, а затем она начала гнить. Парень, конечно, питал надежду отвести беду, сохранить нижнюю конечность, но увы... Он два дня пролежал, ни с кем не разговаривая, лишь тихо скрипел зубами и обливался невидимыми миру слезами. Наверное, только так можно пережить всю горечь того, что в двадцать лет стал инвалидом!..

Мужик с изношенным сердцем скончался утром в реанимации. Больничная палата заполнилась родственниками и друзьями покойного. Видимо, его смерть стала для них неожиданностью. В тот момент моя болезнь превратилась в пустячный вздор рядом с их горем.

Через две недели Расих-абый пригласил меня в свой кабинет.

– Как дела, племяш? – спросил он.

– Хорошо, – сказал я.

– Есть ли прогресс?

– Есть, – сказал я. Соврал, конечно. Честно говоря, не хотелось ставить в неловкое положение своего лечащего врача, да к тому же родственника. Молод я был, уважителен к старшим.

Кстати, отец моего двоюродного брата, Хабибрахман-абый, тоже был медиком. Всю жизнь работал фельдшером в селе Куккузи. Всего-навсего фельдшером, а окрестный народ только его и признавал. В отличие от других, у Хабибрахмана-абый имелся свой собственный метод лечения. Он не пичкал народ химией, а применял лекарственные травы. Было дело, мать, сильно похудевшая после какой-то тяжелой операции, упала в ноги дяде Хабибрахману. Он посмотрел на нее и сказал: «Пожалуй, начнем лечение с лука!» – и повел ее в свой огород. Там мама с удовольствием отведала зеленого лука. И так, раз за разом, она подчистила всю грядку вместе с сорняками. Слава богу, в итоге перестала чахнуть...

Расих-абый тоже был в своем роде замечательным – мягкосердечным, искренним человеком. Круглолицый, улыбчивый. Больные любили его. Ласково взглянув из-под бровей, он мог сказать каждому доброе слово и выразить сочувственное понимание. Согласитесь, порой это имеет бóльшую ценность, чем лечение...

– Вот что, братец ты мой, – сказал Расих-абый с серьезным видом, – чувствую, ты еще не восстановился полностью. Мы тут сделали для тебя все возможное. Но твоя болезнь не из тех, которую можно вылечить здесь, – не районного она масштаба. Поэтому я бы посоветовал тебе лечь в казанскую больницу – специальную, для заболеваний почек, и если ты скажешь, что готов...

– Дядя, – вдруг осмелел я, – ты не можешь дать мне путевку в Трускавец?

– Трускавец?! – удивился Расих-абый. – Нет,

направление туда можно получить только через профсоюз. И это еще не все... по очень великому благу...

– Мне посоветовали этот санаторий, будет ли польза, если я поеду?

– Будет! А знаешь почему?

– Почему, дядя?

– Ты, браток, ошибаешься, если думаешь, что дядя Расих только улыбается да языком треплет! Я хорошо изучил твою болезнь. Ты ведь в свое время сильно болел ангиной, серьезно простудился...

– Мне ее вырезали...

– Что?

– Ангину.

– Где?

– В городе.

– Ангину не вырезают.

– Что-то все-таки вырезали.

– А, гланды. Правильно сделали. Вот эти твои слабые гланды и дали почкам осложнение. У тебя из-за этого воспалились почки, понимаешь?

– Понимаю...

– Как возникает ангина? Ее вызывают бактерии. А они, в свою очередь, оседают на почках в виде песка...

– Не знаю, ел ли я песок...

– Я же не говорю тебе, что ты съел песок! – рассмеялся дядя. – Это бактерии оседают в почках и превращаются в песок. Из-за этого воспаляются почки...

– А... вот оно что... – Я наконец-то начал осознавать причину своей болезни. – Именно из-за этого у меня болят почки, так?

– Так...

– Дядя, с тобой я и сам, кажется, стал профессором...

– А что, я, между прочим, подготовил двух кандидатов наук, одному провел практику, другому написал

диссертацию, – похвастался Расих-абый и добавил: – В Трускавце – чудесная вода, если попить ее всего десять дней, она выгонит из почек весь песок...

– Ведь город Трускавец в Украине?

– Да, в Львовской области...

О том, что в Трускавце есть источник целебной воды, я знал и без дяди. Так что в разговоре с ним опять немного лукавил. Мне о чудо-санатории рассказал сосед по палате, мужчина лет сорока. Он многие годы жил с одной почкой и потому, будучи инвалидом, успел побывать в Трускавце неоднократно, причем, всякий раз по путевке.

– Как же раздобыть путевку, дядя? – воскликнул я.

– Путевку туда ты вряд ли получишь, – дал напоследок совет мой лечащий врач, а по совместительству родственник. – Разве что поедешь дикарем... да, дикарем...

В тот момент предложение отправиться без путевки в незнакомый край, да еще и такой отдаленный по меркам тех лет, не вызвало во мне ни малейшего опасения.

Перед выпиской из больницы я попрощался в палате со всеми, с кем довелось познакомиться. Тракторист, потерявший ногу, уже немного успокоился и смирился со своей горькой судьбой. Я сказал ему: «Не падай духом, друг, надо как-то жить!» А он, ободренный моими словами, ткнул меня в бок: «Буду жить, почему бы и нет! Да еще как буду жить! Вы на своих двух ногах не угонитесь за мной, одноногим!»

В тот момент под кровать мужчины с одной почкой медсестра поставила пустую банку. От этого его пожелтевшее жилистое лицо исказилось гримасой негодования:

– Сколько можно сдавать этот рассол. Утром, вечером, после обеда, после ужина... осточертело! – посетовал он.

– Тебе жалко, что ли? – пошутил кто-то.

– А может, и жалко! – запальчиво выкрикнул тот...

Этот разговор, к счастью, завершился всеобщим смехом. Так что напоследок я смог как следует расспросить беднягу о Трускавце и благополучно исчез из удручающе тоскливого больничного мира. После выписки у меня какое-то время еще было сильное желание поехать на курорт, но его захлестнули текущие жизненные заботы...

* * *

Районный центр, в котором я жил, был одним из скучнейших уголков нашей, необъятной в ту пору, родины: из деревни превратился в село, а до поселка городского типа не дорос. Два больших административных здания да пять-шесть магазинов. Уличных фонарей немного, ночью темно, улицы грязные, осенью и весной «биз бутов», то есть без резиновых сапог, не пройдешь! Почти все госучреждения располагались в старых кирпичных зданиях, в том числе Дворец культуры, где мне каждый день приходилась бывать по работе.

Кстати, меня там, как только приехал, сразу избрали секретарем комсомольской ячейки управления культуры. Я пытался сопротивляться, но моим доводам никто не внял: мол, молодой, обнадеживающий кадр. Денег за руководство ячейкой не обещали, потому что, дескать, это общественная работа. В итоге «молодой и многообещающий кадр» (как они до этого додумались!) весьма холодно отнесся к комсомолу и за год не удосужился провести ни одного заседания. Что уж говорить об отчетно-выборном собрании. Я не смог его подготовить, потому что попросту не знал, к чему подступиться. Собрание провели сами руководители комитета, а мне было очень стыдно за то, что я палец о палец не ударил. После этого на мое место выбрали другого человека. Спасся, бог ты мой!

«Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!» – этот лозунг почему-то наводил на меня смертельную тоску, вместо этого всегда тянуло к творчеству и книгам. Так, повинаясь божественной силе этого притяжения, я однажды открыл дверь районной библиотеки и безнадежно, безмерно влюбился в библиотекаря Галю – девушку с темно-карими глазами и облаком мелких кудряшек на голове.

Эта влюбленность, пожалуй, была тем единственным, чем я походил на своих сверстников. Они активно участвовали в общественной жизни, горели энтузиазмом на комсомольских стройках, пели бодрые песни, прославляя страну Советов, а я сходил с ума по униженным и оскорбленным авторам, которых задвинули в тень. Такие гении, как Дэрдменд, Кандалий, Блок, Клюев, Анненский, Северянин уже тогда были моей духовной опорой. Я приходил за их книгами в библиотеку и дивился кучерявой черноглазой Гале. В моих глазах она была жрицей в Храме духовных сокровищ человечества, но при этом не гнушалась собирать взносы в нашей комсомольской организации. Оказалась многогранной личностью. Как ни странно, мы с ней первое время не подозревали, что наши творческие узы переплетаются с сердечной привязанностью и плотским интересом.

Галя была кряшенкой, то есть татаркой, исповедующей христианство. Добровольно или под принуждением ее предки крестились после захвата Казанского ханства войсками Ивана Грозного, мне было все равно. Больше волновало, почему Галя заинтересовалась мной, ведь Бог не поскупился на ее красоту! Короче, я погрузился в пучину любви всей душой и телом. Что взять с молодости: «То кровь кипит, то сил избыток!» – все равно, кого любить, лишь бы только любить! Молодость – это пора, когда окрыленная душа летит, а тело, ежеминутно

подверженное соблазнам – стоит только подумать о женщине, – возвращает ее на грешную землю.

Когда я увидел Галю в первый раз, в голове сразу возникли наполеоновские планы: если жениться, то только на этой красавице. Завоевание девичьего сердца длилось недолго, как ни крути, не Бородино, но не было и окончательной победы. И тут снова напрашивается сравнение с Наполеоном. То есть Москву-то я покорил, а вот саму Россию завоевать не удалось. Говорят, «каждая любовь неизбежно заканчивается телесной близостью», и, согласно этому распространенному мнению, каждый мужчина стремится обладать не только душой женщины, но и ее телом. Какой-нибудь утонченный эстет скажет, что это всего-навсего мужская распущенность, бесстыдство, неспособность преодолеть свою животную природу, но на самом деле это неизбежный факт, и зависит он, в первую очередь, от человеческого естества, его физиологии. Как будет на латыни «человек прямоходящий»? Homo erectus! То-то же.

Девственная чистота моего библиотекаря вскоре начала опустошать меня. Скромные объятия и поцелуи в щечку надоели. Я сгорал в огне от малейшего прикосновения к Гале, сходил с ума, терял рассудок. Чувствуя это, Галя старалась держать дистанцию, не подпускала слишком близко к себе.

Пришлось познакомиться с ее матерью. Не дома, конечно, а на улице и якобы случайно. Надежда Павловна с первого взгляда поняла, что я за фрукт, если и не в полном объеме, то достаточном, чтобы предостеречь: «Будь осторожна с этим парнем, того и гляди обманет!» Вердикт был оглашен дочери в тот же день. Когда Галя передала мне эти слова, я обиделся и на нее, и на ее суровую мать, но внутренне согласился с невысоким мнением о себе, сказав, что никто не знает настоящей правды...

Впрочем, случившееся не стало поводом отступить от задуманного. Но толку от моей настырности не было. Девушка напоминала мне гибкий ивовый прут! Прилагаешь усилие, и он подается, даже сгибается, но потом все равно распрямляется, возвращаясь в прежнее состояние. Если женщина упрямится, стоит на своем, не говори ей, что ты ее сломишь, заставишь уступить!

В ту пору я жил у Батый-абый. Он был ровесником моего отца, и какое-то время они вместе трудились, а потом их пути разошлись: отец уехал в деревню поднимать колхоз, а Батый-абый обосновался в райцентре. В свое время он занимал высокие посты, дорос до председателя исполкома, но после выхода на пенсию зажил простой спокойной жизнью. Его дети давно обзавелись своими семьями, и теперь дядя Батый со своей старухой коротал век в небольшом деревянном доме на одной из центральных улиц.

Я быстро сблизился с этим человеком, лучезарным, как мне казалось, несмотря на то, что лицо его было испещрено морщинами, и ходил он, слегка сторбившись, а улыбался из-под насупленных бровей. Батый-абый тоже принял меня как своего сына. Я даже посвятил ему стихотворение и отнес его в поэтический кружок, собиравшийся при районной газете. Но ни работники редакции, ни любители поэзии не приняли мой опус. И дело вовсе не в том, что стихотворение оказалось плохим или, наоборот, слишком для них хорошим. Отвержена была личность адресата – Батый-абый. По окончании заседания главный редактор пригласил меня к себе и сказал: «Нечего тебе его воспевать, это не тот человек, которого нахваляют, он многих людей после войны упек в тюрьму!» Я не на шутку испугался. Хотя с самого начала и поверил в услышанное и в то же время не поверил. А потом решил: не все ли мне равно. Мы

с Батый-абый поддерживаем дружеские отношения, уважаем друг друга, а большего мне и не нужно.

Кстати, мы часто спорили с ним. По преимуществу на темы идеологии. Будучи партийцем, Батый-абый хотел, чтобы я тоже вступил в партию. Но я почему-то не стремился в ряды КПСС и очень расстроил его тем, что был исключен из секретариата комсомольской ячейки...

– Ты же поставил преграду на своем пути, сынок! – бранил он меня. – Карьеру так не делают...

– Это еще зачем?! – хорохорился я. – У меня нет стремления делать карьеру...

– Чушь! – возразил дядя. – Тебе это нужно, по молодой дурусти сейчас так говоришь. Посмотри, как парни и девушки твоего возраста наперегонки бегут занимать государственные должности. В будущем они сядут в высокие кресла, поднимаясь все выше и выше. А ты...

– Прячешься в кусты! – ответил я в рифму. Нет, на самом деле строками Хади Такташа: «Мин югарыга табан юл алдым, э син менәлмәден, калдың, югалдың...» – мол, это как раз я иду к свету, к вершине, а другие, кто не со мной, пропадут в неизвестности...

– Шутить неуместно, – сказал дядя Батый, съезживая и без того морщинистое лицо. – Если хочешь подняться наверх, брат, надо сначала вступить в партию.

– Кто же меня возьмет?

– А Батый-абый на что? Помогу, прежние знакомства не закончились...

– Дядя...

– А?

– Ты не рассердишься, если я кое-что скажу?

– Скажи, попробуй... почему нет...

– Партии скоро конец...

– Как это «конец»?..

– Она пройдет, как с белых яблонь дым...

– Эх, мать-перемать! – в сердцах выругался старик. – Не болтай лишнего! Ладно, мне сказал, но, пожалуйста, не говори этого другим! Ты погубишь всех нас...

Когда я начал осторожно объяснять ему, что общество, построенное на ложной и пустой идеологии, никогда не будет иметь будущего, дядя немного задумался и потом сказал:

– Пустая она или ложная, но ты сейчас находишься в этой системе и должен жить по ее законам. А если не захочешь, тебя раздавят, та же система тебя раздавит, пойми. И намотай это себе на ус, сынок: человек, прошедший партийную школу, никогда в жизни не опускается ниже положенного ему уровня, всегда остается наверху...

– Батый-абый! – перебил я пожилого человека; разумеется, поступил нехорошо, но был сыт по горло его нравами. – Есть и другая причина, по которой я не хочу вступать в ряды партии...

– И по какой же?

– Если я женюсь, моя жена тоже должна быть партийной...

– Это еще почему?

– А вдруг жена окажется мещанкой, что тогда? Как мне делать карьеру? Каждый раз, когда я буду подниматься вверх, она будет тянуть меня вниз...

* * *

Как ни крути, а жизнь в съемном жилье была сопряжена с множеством неудобств. Весной и осенью я ночевал на веранде, чтобы не мешать старикам. Ведь случалось задерживаться в клубе до полуночи. Наконец, через полгода, я переселился на Яшьлэр урамы, то есть на улицу Молодежную. Половина двухкомнатной квартиры в двухэтажном панельном доме стала принадлежать мне. Казалось, я очутился в раю, как ни смешно это звучит в

отношении убогой хрущевки. Просто мне, живущему в мире своих грез, было очень приятно остаться наедине с самим собой.

Впрочем, нельзя говорить о моем совершенном одиночестве, потому что одну часть двухкомнатной квартиры, небольшую, занимал я, а в другой проживали два холостяка, оба учителя физики. Один носил имя Айтуган, другой – Айнур. Айтуган был веселым, шустрым и вспыльчивым малым, а Айнур, напротив, спокойным и довольно задумчивым. В общем, они бороздили океан жизни своим курсом, а я своим. Порой при виде их меня охватывала зависть, потому что парни всегда держались вместе, казались одним целым, а я был бирюком и не понимал, что такое коллективизм. От сознания полного одиночества меня спасала мысль о любимой библиотекарше.

О счастье, теперь я мог пригласить Галю себе в гости! Но не на пустое же место, точнее в пустую комнату, ее было приглашать. Поэтому я решил создать в своей каморке немного «уюта». Каждый человек старается украсить свое жилище по-своему, как ему заблагорассудится. Например, художник заполнит свою мастерскую картинами, красками и кистями, а в обители композитора обязательно появится какой-нибудь музыкальный инструмент, возможно, фортепиано или синтезатор. Я же считал себя поэтом: правда, пока не опубликовавшим в печати ни одного стихотворения, поэтом, которого никто нигде ни разу не упомянул, – тем менее большим поэтом. Поэтому я решил поставить в своей комнате небольшой письменный стол. Он был куплен еще на первую зарплату и долго пылился в деревне, на веранде родительского дома. Сразу после получения квартиры я нанял машину и перевез на улицу Молодежную непрременный атрибут писательского труда.

После этого обитель поэта следовало заполнить книгами. В те годы народ интересовался литературой. Многие следовали моде покупать сочинения классиков, потому что они были дефицитом. Знающему человеку хорошую книгу продавали только из-под прилавка, да и то по большому благу. Впрочем, советский народ, увлеченно собиравший книги, с тем же рвением коллекционировал хрусталь и ковры. Что касается меня, то не проходило и дня, чтобы я не зашел в книжный магазин, и таким образом скопил немалое количество первосортной макулатуры. Да, книг было много, но вот красивой полки, чтобы сложить их в одном месте, не нашлось. Озадачившись этим, я принял решение соорудить ее сам. Из дерева. Мастерство мое, конечно, оставляло желать лучшего – в роду ни одного плотника или столяра. В итоге получилось не очень удачно – деревянная полочка, набитая книгами, скособочилась. Я поправил дело единственным доступным мне способом – наклеил рядом изображение полуобнаженной женщины, вырезанное из модного журнала...

Наконец однажды вечером я привел в эту комнату Галю. В тот день нас с ней отправили в соседнюю деревню на обустройство клуба и библиотеки. В глубинке они тогда обычно располагались в одном здании, чтобы в зимнее время обогреть, отопление, а также обслуживание населения обходились недорого. Восемь часов мы провели там. А вечером Галя позвонила маме и сказала, что домой не вернется, так как заночует в деревне. Солгала. Под моим давлением. Наверное, впервые в жизни...

В общем, мы не остались в деревне, а направились ко мне. Девушка поначалу не хотела заходить в квартиру, буквально трепетала от страха: ведь она еще молода и стесняется соседей. Когда мы все же переступили порог, учитель Айнур, отравивший усы и бороду, ставил на

газовую плиту зеленый чайник. Словно ждал нашего прихода. Наспех попив чаю, мы с Галей поскорее проскользнули в мою комнату. Нам было не до еды, важнее было утолить ласками пламя, сжиравшее наши сердца. Правда, мы успели принять меры предосторожности: одежду и обувь не оставили в прихожей, а занесли в комнату. Запершись изнутри, без промедления легли на расправленную кровать. Половодьем нахлынули страсть и нежность – губы слились в поцелуе. Под воздействием сильных флюидов... Короче, я смог, наконец, полностью раздеть своего любимого библиотекаря. И...

В тот момент в нашу квартиру ворвалась мать Гали, Надежда Павловна! Позже выяснилось: она встретила девушек, которые ездили с нами в командировку, и те нас сдали с потрохами. Вот мать и помчалась на улицу Молодежную. От ужаса Галя застыла с раскрытым ртом, с ее губ, похожих на спелые вишни, не успели слететь слова признания в любви ко мне...

– Кто ты? – крикнула мать Айнуру.

– Айнур...

– Где Галя?

– Какая Галя?

– Дочь!

– Э-э-э...

– Что?

– Нет... ее здесь...

Не продал нас Айнур, тысячу спасибо ему.

– Она здесь! Своими глазами видела! Здесь! Вот в той комнате! Откройте, нечестивцы! Откройте прямо сейчас!

Надежда Павловна начала изо всех сил колотить в запертую изнутри дверь. Та едва не рухнула от такого яростного натиска. А мы с Галей боялись даже дышать...

– Может быть... – воскликнул сосед.

– Что?!

– Выпьете чаю, говорю...

– Какого чаю?!

– Вы бы успокоились... – Айнур снова поставил горячий чайник на плиту, чиркнул спичкой и включил газ.

– Как же, успокоишься тут! Где Ильназ?

– Он ушел...

– Куда?

– В клуб... он всегда уходит по вечерам... и сегодня... вот...

– Не в клубе он, голубчик, а здесь! – воскликнула женщина. – В своей комнате! С дочкой моей сейчас кувыркается на кровати! Ведь он погубит мою дочь! Что, нисколько не жалеешь?

– Кого?

– Дочь!

– Мне жаль...

– Вы сговорились!

– Мы вовсе не разговаривали...

– Скажи!

– Что я скажу... чай...

– Он погубит мою дочь!

– Вы не волнуйтесь, он совсем не похож на такого, хороший парень, культурный! – горячо возразил Айнур.

Молодец! Прикрывал меня из последних сил, хотя его дело было сторона. Именно тогда я впервые убедился, какую великую силу представляет собой мужская солидарность.

Тем временем чайник, попыхивая сгустками пара, завел пронзительную песню.

– Может быть... чай...

– Зачем мне чай?!

– У вас, наверное, во рту пересохло...

– Не надо чай! Открой эту комнату!

– Извините, у меня нет ключа от этой комнаты. Даже если бы и был, я не мог бы открыть!

- Почему?
- Согласно конституции... у меня нет права...
- Тьфу! Только бы он вернулся!
- Чай... может быть...

Разъяренная Надежда Павловна, наконец, покинула квартиру. «Спаслись!» – выдохнул я, и Галя тоже вздохнула с облегчением. Но успокаиваться было нельзя, следовало как можно скорее отпустить девочку, прежде чем ее мать вернется домой. Мы быстро оделись и побежали ко входной двери. На ее пороге, держа в руках зеленый чайник, стоял наш спаситель, усатый физик, и его лицо было таким же белым, как у нас...

- Чай... – сказал он и начал лихорадочно смеяться.

***

Ладно, повеселились и будет, пора вернуться к Шурале... то есть к неповторимой любви и смертельной тоске. Бросает меня из крайности в крайность – комедийное и мелодраматичное восприятие жизни. Все потому, что татары в театр ходят только на комедии и мелодрамы. Это я вам как успешный драматург говорю... Стихи-то остались в прошлом.

А может, мне просто грустно о том времени вспоминать? Двадцать два года: я молод, а уже серьезно болен... Любимая девушка отказывает в близости, требуя: «Сначала женись». К тому же надо ехать в Трускавец, да еще «дикарем», однако на это нет денег. Вернее, они есть, но их мало. На зарплату методиста сельского клуба не разъездишься, она едва прикрывает доньшко кармана. Пробовал попросить у отца, но он лишь с раздражением отмахнулся от меня. Уж очень я в его глазах невыгодно отличался от своего образцового старшего брата – председателя колхоза. Он-то меня как раз и выручил: «Держи, братишка, лечись, здоровье

превыше всего!» – и вручил мне четыреста рублей. Для меня это была довольно большая сумма. Никогда не забуду его доброту. Есть ли большее счастье в этом суровом мире, чем иметь старшего брата, который ограждает тебя от житейских невзгод!

Собрав чемоданы, в прохладный апрельский день я отправился в дорогу; предстояло совершить две пересадки, первая из которых была в Москве. Я, как провинциал, дальше Казани никуда не ездивший, мало что запомнил из дорожных впечатлений. Потому что все время думал только о рейсовом автобусе, который ходит из Львова в Трускавец. Тот самый абый с одной почкой дал мне жесткую инструкцию: «Когда выйдешь из самолета, сразу садись в автобус». В львовском аэропорту я так и сделал. На мое счастье, транспорт в сторону курорта ходил исправно, каждый час.

Зато помню, с каким восхищением рассматривал из окна автобуса мелькавшие вдоль дороги красивые благоустроенные деревни, маленькие хутора, аккуратные, выкрашенные в белый цвет хаты! Каждую минуту что-то радовало глаз. Не то что у нас, в Татарстане: полчаса глазеешь в окно автомобиля, и только «степь да степь кругом». Вернее, холмы и перелески. Словом, много необжитого пространства. Надо сказать, вся Россия в то время представляла собой безрадостное зрелище, человек даже в крупном городе не имел возможности вкусно поесть или культурно выпить, да хоть той же выпечки купить. Зато безудержно процветало воровство, и умножались разного рода запреты. А тут, в городе моей мечты – Трускавце, ситуация выглядела совсем другой: на каждом перекрестке – столовая, в каждом переулке – ресторан. И еда, и напитки были так хорошо приготовлены, что аппетит становился неуправляемым. Как-то раз, сильно проголодавшись во время прогулки, я за один присест съел три порции...

Разумеется, все это выяснилось позднее, спустя несколько дней. А в первые минуты пребывания в Трускавце меня ничто не интересовало, кроме жилья, – ни город, ни вода, ни лечение: до наступления ночи нужно было заселиться куда-нибудь – я боялся остаться на улице, не успев найти крышу над головой. Дядюшка с почкой уверял, что владельцы съемного жилья толпами будут стоять на автовокзале и ждать квартирантов. Но в день моего приезда там крутилась только одна маржа. Так татары называют всех русских женщин. Звучит, если честно, пренебрежительно, хотя «маржа» – это искаженное Марья... Так вот, маржу очень быстро, толкаясь локтями, обступили «дикари». В прямом и переносном значении этого слова. Толпе не было никого дела до меня, поэта...

Когда я уже был близок к панике, взгляд упал на мужчину средних лет, который переминался с ноги на ногу в сторонке. Он, сирота трускавецкая, был так неряшливо одет и так зарос щетиной, что не нашлось ни одного желающего переговорить с ним. Я же решительно шагнул в его сторону. «У меня есть хата, – сказал мужчина, – с одной стороны я сам живу, а с другой – постоялец». Я немедля согласился. За квартиру он просил не слишком много, к тому же радовало, что комната с отдельным входом и ты в ней сам себе хозяин!

Хата, которую нахваливал чудак, назвавшийся запросто – Колей, оказалась на окраине города. Туда нам пришлось добираться на автобусе. Как и обещал хозяин, она разделялась на две части. Моя половина, с небольшой печкой в углу, оказалась просторной и чистой. Там все было без затей: массивный шкаф для одежды, большая железная кровать, маленькая тумбочка, одно зеркало на стене – короче говоря, ничего лишнего. Я остался доволен своим временным пристанищем, несмотря на

то, что удручала его отдаленность от центра города и источника целебной воды...

Не успел я обустроиться на новом месте – вытащить из чемодана одежду и развесить в шкафу, как через полчаса ко мне заявился дядя Коля. Называть его просто Колей у меня язык не поворачивался. Мы, татары, очень серьезно относимся к разнице в возрасте: если кто-то родился хоть на пять минут раньше, он для тебя «абый» или «апа», то есть «дядя» или «тетя»... С собой Коля-абый прихватил пол-литровую бутылку водки и банку маринованных огурцов. Все это он, видимо, приобрел на деньги, которые я отдал за постой.

– Выпьем?

– Ты что, дяденька! – воскликнул я. – Я приехал сюда не водку пить, а лечиться. Пить воду, слышишь меня? Минеральную воду!..

– Понял, понял! – извинился дядя Коля и быстро исчез вместе с водкой и огурцами.

Через час хозяин хаты вернулся обратно. На этот раз он был уже изрядно навеселе. С размаху плюхнулся на стул, стоявший у печки, и пристально уставился на меня. Не зная, что сказать, я в стеснении ходил туда-сюда, определяя на место вещи, оставшиеся на дне чемодана.

– Любишь футбол? – наконец, спросил дядя Коля.

– Люблю! – ответил я, нимало не покривив душой. Помимо литературы и поэзии, меня действительно больше всего интересовали футбол и хоккей. Я играл в эти игры еще дошколенком и, повзрослев, стал страстным болельщиком.

– Я в молодости был футболистом! – сказал хозяин. – Профессиональным футболистом...

– Да?! – воскликнул я. – В какой команде вы играли?

– В «Шахтере».

– «Шахтере»?!

– Три сезона. В основном составе... центральный защитник...

– Три сезона! В основном составе! Защитник! – Правда ли это? После такого заявления мое уважение к дяде Коле сразу возросло.

– Не будь Зины, я мог бы мог играть десять лет...

– Кто такая Зина?

– Моя жена. Бэ-у.

– Как это «бэ-у»?

– Бывшая в употреблении! – рассмеялся бывший центральный защитник. – Из-за этого мне пришлось уйти из спорта, большого спорта...

– Почему?

– Она не видела меня месяцами. Я всегда на сборах. Увидимся раз-два в месяц и все! Либо футбол, либо она... Зина поставила мне такое условие...

– Ушли, значит?

– Любил я ее, без памяти любил. Затем... стали ходить слухи, сплетни... Мол, когда меня не было... ну, сам понимаешь... Мы с ней познакомились здесь, в Трускавце. Я сам родом не из этих краев, с Донбасса. А Зина из Полтавы. Однажды меня отправили сюда отдохнуть...

– Лечиться?

– Какое лечение! От души гуляли мы здесь с одним приятелем футболистом. Нет тренировок. Балдеж! Бухали напропалую... именно тогда я познакомился с Зиной. Моя будущая жена приехала сюда пить трускавецкую воду. Ушла любовь, ушла страсть, держись только! Эх-ма!!!

– Наверное, так многие встречаются на этом курорте?!

– Здесь стоит только познакомиться, так сразу и женишься, да и замуж выйдешь. Это проклятый курорт! Судьбу многих повернул на сто восемьдесят градусов. Смотри, как бы и твою не повернул!

– Нет, моя цель не в этом...

– А в чем?

– Лечение.

– Не переживай из-за этого, вылечим. У меня многие квартиранты жили. Есть один знакомый врач, я тебя к нему отведу. Здесь можно принимать минеральные ванны, есть озокерит...

– Что это?

– Озокерит? Что-то похожее на воск... минерал... он есть в горах... Бывает зеленовато-желтым, коричневым... Маслянистый, если взять его в руки. Пахнет керосином. Спичкой об него чиркнешь, и он загорается. Хе... Этим и лечат почки. Или чем-то в этом роде... Но запомни: в Трускавце главное – вода. Вода и только вода. Чтобы пить эту воду, сюда стекаются жители всего СССР. Если ее попьешь, никакого другого лечения не потребуется. У нее есть название...

– Какое?

– Нафтуся... ха-ха... Мы называем ее спиртуся... шутя, по-своему... ну ладно... Спокойной ночи...

Дядя Коля легонько засмеялся, щелкнув себя по горлу, и медленно двинулся к выходу.

– Не договорили! – остановил я его. – А где теперь ваша жена?

– Зина?! – Хозяин нахмурился и на мгновение задумался. Лицо озарилось проблесками тоски. – В Донбассе, у детей. Мы расстались с ней. Какая женщина сможет жить с пьющим? А я после ухода из футбола потерял смысл жизни. Футбол – это фейерверк, эйфория! А после такого фейерверка, после такой эйфории ходить работать на какой-то завод... извини, друг... это уже не мое... и... В жизни нельзя совмещать футбол и любовь. Потому что не сможешь играть... Я оставил им четырехкомнатную квартиру. А сам купил здесь дом. Вот эту хату. Спросишь, почему не в Донбассе, а здесь, в Трускавце?

– Да?

– Здесь я пережил свою юношескую любовь, – сказал дядя Коля, отводя в сторону грустные глаза. – Мою неповторимую любовь... И сейчас я брожу по ее следам... Поднимаюсь в горы, захожу в лес, направляюсь к Юзе... Это источник... очень красивое место... когда там будешь, увидишь... Я хочу тебе кое-что сказать...

– Да?

– Никогда не отклоняйся от своего пути, цели и не попадай в мое положение... В твоих глазах я вижу, что в твоей душе теплится мечта... Кем ты мечтаешь стать?

– Я пишу стихи...

– Поэт, значит?!

– Пацти... – Я сказал это с нарочито татарским акцентом, давая понять дяде Коле, что перед ним поэт, пишущий на родном языке.

– Братан, – вдруг обратился он ко мне с назидательной речью, – мой тебе совет: не отступай ни на шаг от своей мечты, пусть твои мысли станут реальностью. Какие бы препятствия и преграды ни встретились тебе в жизни, не отступай от того пути, по которому идешь... Если ты поэт, оставайся поэтом! Никому никогда не поклоняйся, слышишь, ни женщине, ни государству! Никогда... слышишь...

– Да...

– Никогда не предавай себя! Как говорится, неси свой крест до конца... Понял?!

– Понял...

* * *

Рассказ дяди Коли взволновал меня. Я и без того перед полетом в Трускавец поставил себе условие – строго-настрого избегать влюбленностей и не гоняться за девушками, а после слов «прóклятый курорт!» еще

более укрепился в принятом решении. Как в популярной советской песне, если помните: «Первым делом, первым делом – пью нафтусю, ну а девушки, а девушки – потом».

Удивительно, но я продержался довольно долго – шестнадцать дней. Теперь сожалею, что не вел дневник, записывая каждое событие. С другой стороны, записывать особо было нечего. Каждое утро я облачался в длинный плащ синего цвета поверх теплой фуфайки и отправлялся на автобусе к бювету. Наливал минеральную воду из крана в специальный бокал с тонким длинным носиком и пил ее три-четыре раза в день. Приходилось делать длительные перерывы между приемами нафтуси, потому что ее неумеренное употребление могло вызвать приступ желчекаменной болезни. С приезжими здесь это случались довольно часто. Поэтому неподалеку от бювета дежурила машина скорой помощи... А чуть подальше, на расстоянии пятидесяти метров, располагался туалет. Почему так близко, я вскоре понял. Мочегонная сила нафтуси настолько сильна, что бежишь в отхожее место через пять минут после того, как высосешь бокальчик.

Из каких только городов СССР не приезжал сюда народ. Русские, армяне, грузины, азербайджанцы, татары... Приезжали, как к себе домой – к украинцам, которые составляли большинство местного населения. Они уже тогда держались обособленно: разговаривали исключительно на родном языке, причем громко, смеясь через каждое слово. Насытившись разговором, начинали петь. От всей души, в полный голос. Что-то наподобие праздника песни повторялось у местных почти каждый день. Одна песня из их репертуара и сейчас достаточно узнаваемая:

Ты ж мэнэ пидманула,
Ты ж мэнэ подвела,
Ты ж мэнэ молодого
З ума-разуму звела...

«Ты ж мэнэ пидманула» напоминала мне татарскую народную песню «Күбэлэк» – «Бабочка».

Незадолго до отъезда наступил какой-то предел. Я устал ежедневно топтаться возле бювета, цедить воду из бокала с длинным носиком, вечерами слушать душераздирающие воспоминания о Зине и неуклюжие шутки хозяина хаты. Попытался спастись от скуки сочинительством, но тщетно. Голова была пустая, как барабан. Нанес визит к «духтыру», другу дяди Коли, однако не услышал от этого человека ни одного путного слова и зря потратил деньги. Воспоминания о Гале не вызывали ни малейшего воодушевления. Я с тоской смотрел на высокие корпуса санаториев, которые возвышались среди малоэтажной застройки Трускавца. В этих наполненных солнечным светом зданиях лечились счастливые отдыхающие, приехавшие с путевками... Казалось, там кипит совсем другая, насыщенная жизнь. Да, мне понадобилось новое состояние, какой-то подъем, рывок. Хоть какое-то любовное приключение, откровенно говоря. Вопреки данному себе обещанию...

* * *

«Красавица, вы отдыхающая?» – «Да, отдыхающая».

По-татарски это звучало бы так: «Матурым, сез ял итүчеме?» – «Әйе, мин ял итүче».

Я встретил ее перед бюветом в солнечный весенний день. Достаточно прохладный, поэтому она была в мутоновой шубе. Черной, искрящейся ворсинками в лучах солнца. Ее густые длинные волосы, не прикрытые капюшоном, рассыпались под дуновением карпатского ветра. С первого взгляда мне понравилось в этой очаровательной девушке все: и ее курносый нос, и карие глаза, и легкая полнота. Я долго не решался подойти.

Излишняя скромность и застенчивость, как обычно, мешали мне.

– Красавица, вы отдыхающая или местная? – наконец выдал я из себя.

– Отдыхающая, – улыбнулась девушка.

Ее улыбка была обворожительной. Без преувеличения. Когда она улыбалась, на ее щеках появлялись удлиненные ямочки, которые татары называют «мэхэббэт чокырлары» – «ямочки любви».

– Можно ли с вами познакомиться? – сказал я, наконец, преодолев нерешительность.

– Можно...

– Я Ильназ...

– «Ильназ»? – удивилась она. Видимо, услышала такое имя впервые.

– Да, Ильназ, а вы?

– Стефания.

– «Стефания»... красивое имя! Вы издалека?

– Нет. С Украины.

– Вы украинка?

– Да, а вы откуда?

– Из Татарстана.

– Откуда?

– Из Казани. Слышали?

– Да. Вы татарин?

– Татарин.

– А я украинка.

– Из какого района Украины?

– Из города Мостиска.

– Мостиска? А где это?

– Недалеко от границы с Польшей.

– Какими ветрами занесло сюда?

– Лечусь...

Наше сближение было стремительным. Уже через

полчаса мы поверяли друг другу свои секреты. Выяснилось, что у Стефании обнаружили камни в желчном пузыре и из-за них она почти каждый год приезжала в Трускавец на лечение. Конечно, сильно удивило, что на девушку девятнадцати лет может свалиться такая напасть. Она, в свою очередь, тоже многое узнала обо мне. Во-первых, конечно, о моих простуженных почках, а во-вторых, о том, что я не совсем обычный человек – пишу стихи и собираюсь в будущем стать поэтом. А это ой как нелегко, потому что в моем окружении сплошь низкодушные, не понимающие поэзию люди, вдобавок к ним глупые чиновники, которые ходят мимо с высоко поднятым носом и даже взглядом не достаивают. Нет, сказанное не было каким-то хвастовством с моей стороны, как-то само собой получилось. Просто наши молодые души, пресытившись однообразием курортной жизни, жаждали любви и нежности, флюидов. А для того, чтобы зажечь это пламя, не нужно ничего особенного, достаточно порой одного теплого слова, одного ласкового взгляда.

Стефания попросила меня прочесть ей какие-нибудь свои стихи. Я выбрал новые, которые недавно родились в душе и еще не были перенесены на бумагу. Разумеется, я читал на родном языке. Она сама об этом попросила, потому что хотела услышать, как звучит татарский язык. А я, вдохновленный ее вниманием, сказал, что, согласно историческим данным, татарская кровь течет и в украинском народе. Хотелось верить, что это так! В будущем обещал написать стихотворение, посвященное ей, и обязательно на русском языке. В ответ она сказала нечто удивительное: «Мы не говорим дома на русском. За это могут и по губам треснуть!» От ее слов весь мой антисоветизм куда-то странным образом улетучился. «Как же так, – подумал я, – у нас же дружба народов».

– Чехов... Чехонте... – сказал я, невольно вставая на

защиту русской культуры, – в одном своем произведении дал хохлушкам очень точную характеристику...

– Какую? – поинтересовалась Стефания.

– Хохлушки только плачут или хохочут, среднего настроения у них не бывает.

Стефания сдержанно улыбнулась – ей было пора принимать минеральную ванну. Ведь она, в отличие от меня, приехала сюда не «дикарем», а по путевке и отдыхала в восьмизэтажном санатории «Каштан». Она не только пила минеральную воду, как я, но и получала почти дюжину процедур, рекомендованных докторами.

На следующий день мы встретились со Стефанией ближе к вечеру, когда центр города опустел. После недолгой прогулки вокруг бювета она предложила пойти к Юзе. Если бы не Стефания, я вряд ли посетил бы этот источник, следуя совету дяди Коли. До сих пор помню, что над родником, бьющим у подножия горы, стояло небольшое деревянное сооружение, увенчанное башенкой со шпилем. Вход туда был закрыт, и святую воду мы черпали ладонями у края водного потока. По легенде, испивший воду Юзи молодеет и долго не старится. Вдобавок ко всему умножается его страсть к жизни и любвеобильность. Стоя рядом с Юзей, мы со Стефанией долго смотрели друг на друга. Наступил момент, когда, пораженный молодостью и красотой спутницы, я не сдержался и порывисто поцеловал ее в щеку. Наши руки сплелись, взгляды встретились, и в двух молодых сердцах вспыхнуло пламя любви...

В тот момент я услышал из ее уст печальную весть. Через три дня Стефания должна была вернуться домой. Эти слова для меня были подобны кинжалу в сердце! Неужели моему знакомству суждено начаться с прощания?! Эх, если бы мы увиделись с ней раньше и познакомились раньше!

Ночевать мы отправились ко мне, в хату. Дядя Коля, увидев, что я не один, промолчал. Но я все же подстраховался и, чтобы избавить себя от его визитов на свою половину, – сунул ему в руку три рубля. Он тут же куда-то исчез.

Каждый, кто сейчас читает эти строки, догадывается, что произошло потом. Да, мы провели ночь любви. Я был бы рад соблюсти мудрую заповедь джентельменов: «булганни – сэйлэмилэр!» – «молчи о том, что было». Но я рассказываю о такой сильной любви, которая не совместима с ханжеством. Оставить в секрете от всех счастливую ночь, проведенную вместе со Стефанией, было бы так же глупо, как откладывать нашу близость. Она сделала нас обоих по-настоящему счастливыми в ту ночь, бесконечно счастливыми. Этому не помешало даже незримое присутствие в хате сурового отца Стефании, военного, насколько помню. «Если рожу ребенка до замужества, отец убьет меня!» – время от времени вздыхала любимая.

Наутро мы выехали в центр города. Поскольку был выходной, Стефания не спешила на свои процедуры. Она почему-то повела меня в церковь, единственную в Трускавце, очень красивую. Я из интереса зашел туда вместе с ней. Впервые в жизни переступил порог христианского храма! Как ни странно, испытал бесконечное восхищение, увидев внутреннее убранство и красочные иконы с изображением святых.

Стефания подошла к напольному подсвечнику. Затем, избегая моего внимания, начала быстро креститься. Я не воспринял ее действия всерьез, объяснив их желанием прикоснуться к чему-то высокому. Тем не менее, из стремления стать еще ближе Стефании, я тоже попытался зажечь свечу, но почему-то застыл. Как будто кто-то, помимо моей воли, схватил меня за руку и остановил. Но

мне и без свечи было благостно, невероятно благостно. Потому что в церкви явственно ощущалось присутствие божественной тайны – таинства, по-русски говоря.

После этого мы сфотографировались в близлежащем сквере. Взявшись за руки. Нас снял длинноволосый верзила довольно отталкивающего вида. Дельцов с фотоаппаратами на шее, подобных ему, в этом людном месте было пруд пруди. Оказалось, фотография будет готова только через три дня, поэтому я пообещал отправить ее Стефании в письме...

Понедельник, вторник... в среду она уедет. Эта грустная мысль терзала мое сердце. Как так? Ведь не прошло и трех дней с тех пор, как мы познакомились, а уже полюбили друг друга и сблизились. До такой степени, что нами было принято решение: в оставшиеся два дня ни на шаг не отходим друг от друга, ни на минуту не оставляем один другого в одиночестве! Мы так и сделали: Стефания в течение двух суток не получила ни одной процедуры, пропустила все, кроме бассейна. Она перестала ходить в столовую санатория, чтобы вместе со мной питаться в кафе и ресторанах. Днем я проводил время в «Каштане», в ее номере, а с наступлением вечера мы перебирались в мою хату...

Однажды ночью я спросил ее:

– Стефания, у тебя есть мечта, и если да, то какая самая большая?

– Есть, – сказала она, – жить с любимым человеком в уютном, маленьком домике...

– Кто этот счастливец?

– Ты! – улыбнулась она.

– Любишь? – спросил я, ничуть не сомневаясь в ответе. – Скажи, как по-вашему называют любимого человека?

– Лучше сначала ты. Как у вас?

– У нас... – задумался я, припоминая. – Съеклем, бердэнберем, матурым, бэгърем... любимая моя, единственная моя, красивая моя, сердечко мое... Ну, а по-вашему как?

– Коханий...

– «Коханий»?! – радостно повторил я. – Ах, как красиво это звучит...

– Да, ты мой коханья...

* * *

В среду я пошел провожать Стефанию на автовокзал. Накануне вечером попросил у нее фотографию. На память. Чтобы на ней была только она одна. «Нельзя дарить любимому человеку фотографию – это приводит к разлуке!» – сказала Стефания, улыбаясь сквозь слезы. Страшно было представить, что ее слова могут сбыться. Я не мог оторвать глаз от возлюбленной, от ее божественно-печального лица, потому что мне недолго оставалось на него смотреть.

Чувствуя, что минуты прощания уже наступили, любимая промокнула глаза носовым платком. Я же сдерживался из последних сил. Решил дать волю слезам позже, когда меня никто не увидит...

– Ильназ, – сказал она, вырываясь из моих объятий, – я уезжаю, мы скоро расстанемся, скажи одно слово!

– Какое слово мне надо сказать?..

– Что бы ты мне пожелал?

– Здоровья тебе желаю, – сказал я, – выздоравливай, душа моя, не болей никогда...

– Ой! – улыбнулась она. – Как наши желания совпадают, и я мысленно пожелала тебе именно этого...

– Спасибо... Любимая...

– Любимый мой... коханий...

Она вновь прильнула ко мне, крепко обняв. Как

несчастный ребенок, который боится потерять самого родного человека на свете, я прижимал ее к себе снова и снова, все сильнее и сильнее. Понимая, что теряю ее навсегда, я хотел, чтобы ее автобус либо никогда не тронулся с места, либо, сломавшись, хотя бы ненадолго задержался.

В последний момент Стефания напомнила мне о стихотворении, которое я обещал ей посвятить. Оно уже практически родилось, это стихотворение, в моей голове... «Я за тебя молиться буду...» – так оно начиналось и заканчивалось теми же словами...

Вот Стефания, с двумя маленькими сумочками, заходит в автобус. Вот поднимается по ступеням, садится на сиденье, вот она, слегка улыбаясь, машет нежной рукой, которая когда-то ласкала меня... Один короткий миг – она скоро исчезнет, навсегда, безвозвратно исчезнет!..

Автобус тронулся. Он уносил с собой не только мою возлюбленную, но и мою судьбу. Я, словно помешанный, вдруг стремглав побежал за автобусом. Наверное, люди, находящиеся на вокзале, подумали: какой-то беспечный пассажир опоздал на свой рейс...

Вы тоже наверняка уверены, что то, о чем я рассказываю, – банальное любовное приключение, заурядный курортный роман. Нет, вы сильно ошибаетесь. В основе этого «приключения» лежала глубокая тоска двух молодых, но уже серьезно больных людей: оба только начинали жить, а тем не менее успели ощутить свирепость ветра жизни...

Я вернулся в хату дяди Коли. И тут же пожалел, что вернулся. В своей комнате я дошел до грани несуществования: исчезли все желания, стало невыносимо тесно, что-то мешало дышать. На столе лежало пять красных яблок. Одно из них, прошедшей

ночью надкушенное Стефанией, скатилось к краю стола, на нем еще оставались следы зубов моей возлюбленной... Это несчастное яблоко доводило меня до слез.

На другой день, за пределами хаты, облегчения не наступило. Я не знал, куда себя девать. Красота карпатских предгорий уже не радовала. Пропал интерес к курортникам как к вероятным персонажам моих будущих литературных произведений. Ничего, кроме раздражения, не вызывал хор, распеваящий протяжную песню перед бюетом. Я едва нашел в себе силы зайти в фотоателье и забрать фотографию, запечатлевшую меня со Стефанией. Мы с ней хорошо вышли: пара светящихся от счастья голубков!

Я отправил карточку по почте на следующий день, когда мое стихотворение было готово, когда счел: в целом получилось неплохо, вполне читабельно. Разумеется, в стихотворении было много недостатков, корявых строк, потому что тогда я еще толком не знал русский язык. Тем не менее вложил в конверт это стихотворение вместе с фотографией, а также с маленькой виниловой пластинкой, на которую записал песню Вахтанга Кикабидзе. Тогда было модно дарить песни. Полностью ее не помню, разве что один куплет:

Вот и все, что было, вот и все, что было.
Ты, как хочешь, это назови.
Для кого-то просто летная погода,
А ведь это проводы любви...

Заклеив конверт, написал адрес на лицевой стороне. Под ним вывел – Стефании Билозир. Опустив письмо в почтовый ящик, я отправился на телеграф, чтобы позвонить ей на работу. Выяснилось, она там пока не появлялась. И тогда я принял решение на три дня раньше, чем планировал, покинуть Трускавец. Родниковая

вода родины показалась мне слаще и целебнее, чем прославленная вода чужой земли.

Перед отъездом я устроил дяде Коле праздник – накрыл обильный стол. Немного подняв настроение, мы заговорили и женщинах. Я излил бывшему футболисту свою тоску по Стефании. Он, внимательно выслушав мои «умираю люблю» и «жить не могу», улыбнулся: «Ты татарин, а она украинка, жениться на ней ты не можешь, но смотри – эта любовная тоска сохранится в твоём сердце на всю жизнь!»

* * *

Прав оказался бывший центральный защитник. После солнца, гор, всепоглощающей любви жизнь в районном центре показалась мне совершенно бессмысленной.

К тому же, я остался без своих соседей по квартире, которые хоть как-то скрашивали мое существование. Айтуган уехал в деревню директором школы. В ту самую Куккузи, где Хабибрахман-абый лечил луком мою мать. Айнур, спаситель с зеленым чайником, подался туда вслед за другом. В их комнату поселили молодую семейную пару – каких-то очень востребованных молодых специалистов. Но для меня общение с ними не представляло никакого интереса. Когда молодожены в своей комнате затевали страстную любовную игру, мне приходилось всю ночь лежать без сна...

Вскоре меня разыскала Галя. По ее обиженному лицу и укоряющему взгляду я быстро понял, что она не скажет мне ничего хорошего.

– Полмесяца пробыл в отпуске и ни разу не позвонил!

– Отдыхал, лечился, – вяло оправдывался я.

– Скажи, ты меня любишь или нет? – спросила Галя.

Если бы она не задала мне этот вопрос, я, возможно, не смог бы сказать ей правду. Хотя любовное потрясение,

пережитое в Трускавце, вряд ли возможно было скрыть. Как бы там ни было, вопрос Гали послужил спусковым крючком чистосердечного признания: мне почему-то захотелось поделиться новостью о своей любви к Стефании с девушкой, в которую я был влюблен до того. Ну не дурак ли я после этого...

– Галя, – сказал я и вдруг запнулся. – Не сердись на меня...

– Говори, я слушаю...

– Я влюбился в одну девушку...

– Когда? В отпуске?

– Да, в отпуске...

– Где она сейчас?

– Осталась там... В Украине...

– Интересно...

– Что?

– Она же бог весть где... далеко! Вы еще встретитесь с ней или нет?!

– Не понял...

– Пора забыть! – отрезала она. – А я вот здесь, рядом с тобой... я ведь люблю тебя...

– А я не люблю.

– Не любишь!?

– Да, нам нужно расстаться...

Я, не задумываясь, повторил это громче, а она молчала, опустив голову. Круглое лицо от нервного возбуждения покраснелось, на кончике носа выступил пот. Она очень волновалась и, очевидно, была до глубины души оскорблена...

– Галя, не обижайся на меня, ты очень хороший человек, очень, но...

– Говоришь... конец?..

– Прости... я люблю другую...

Так мы попрощались с Галей. Всем известно:

влюбленный человек безжалостен по отношению к другим. Так оно и есть. После этого разговора мы еще несколько раз с ней виделись, объяснялись. Но в наших отношениях уже наступила бесповоротная осень. Через пару месяцев Галя покинула район. Я даже не знал, куда она уехала.

Все мои мысли были о Стефании. Из почтового отделения я позвонил ей на работу. Ждал довольно долго, пока телефонистка соединит меня с Мостиской. Наконец услышал мягкий нежный голос любимой...

– Стефания...

– Ильназ... ты... – Голос радостный, жизнелюбивый.

– Спасибо тебе... не думала, что позвонишь...

– Стефания... я не могу забыть тебя, я так скучаю по тебе... а ты?

– Так же... так же, милый... очень по тебе скучаю...

– Я написал тебе письмо, оно скоро придет...

– Спасибо, милый...

– Напишешь ответ?

– Конечно, милый... как же...

– Тебе...

– Да?

– ...понравилось стихотворение?

– Очень... даже знаю наизусть...

– Спасибо.

– Я за тебя молиться буду...

Стефания читает мое стихотворение, но мне кажется, что оно написано каким-то посторонним человеком. Мы долго по телефону объясняем в любви; теплые, ласковые слова летят по проводам из райцентра Татарстана далеко в Украину, в какой-то город Мостиску, который я никогда в жизни не видел и вряд ли увижу... оттуда в ответ летят другие слова, такие же теплые и такие же ласковые...

Мы переписывались более полугода. Сначала часто, потом все реже и реже. Если не поддерживать огонь любви, он постепенно угасает. Как костер без дров. Я уже почти созрел для решения бросить все и навсегда уехать к ней, в Западную Украину. Сообщил Стефании об этом в поздравительной открытке, накануне Восьмого марта. В ответ пришло письмо... от ее мужа! Горькое и ненавистное письмо. В том страшном письме он писал: «Какой ты поэт! Ты разве поэт?! Такое стихотворение я и сам могу написать! Бедная девочка тебе поверила, а ты ее обманул! Попробуй только к нам приехать, только появишься, я проломлю тебе голову, руки-ноги поотрываю!» Оскорбляло не то, что он построил разговор со мной на языке угроз, а то, что старался показать меня не влюбленным, а совратителем.

Правда, тогда я больше переживал за Стефанию. Я и сейчас чувствую свою вину перед ней. Прости любимая, если бы я знал, что ты замужем, не поставил бы тебя в затруднительное положение! Представляю, как ты пострадала из-за этой открытки...

* * *

Вы наверняка тоже придеретесь ко мне и скажете: да какой ты драматург?.. Композиция твоего рассказа никуда не годится, она как та перекошенная книжная полка, которую ты смастерил на улице Молодежной. Да, я действительно ничтожно мало помню о главной в своей жизни встрече. С того времени прошло уже более тридцати лет...

Не сохранилось не только писем, но даже фотографий любимой украинки. Ту, что подарила Стефания, куда-то задевала мама. Ее тоже можно понять: не хотела породниться с «маржой». Другую фотографию, на которой мы с любимой стояли рядом, держась за руки,

давно вырвал из альбома мой маленький сын. Сейчас на ее месте лишь пустой лист, на котором крупными буквами начертано Stefani...

Когда начались трагические события на территории Украины, душа моя лишилась покоя. Я начал неотступно думать о Стефании. Ко мне вернулись стихи...

Пролегли расстояния.
Промчались годы.
Каждая любовь угасает, истлев.
Но я
    через толщу десятилетий
Взываю к тебе, Стефания...
Навеки перед глазами – лик твой светлый,
Дубрава тенистая и Юзи журчанье.
Как ты?!
    Где ты?
        И с кем ты?
Разве в силах забыть я взгляд твой, полный тоски,
Имя твое венценосное...

Если кто-то из моих соплеменников возмутится: «Уж не хочешь ли ты, описывая свою любовь к марже, сбить нас с прямого пути?!» – я отвечу. Отвечу пафосно, как в мелодраме: в этом мире есть великое чувство любви, и оно не спрашивает тебя, какой ты национальности, а подхватывает, как пушинку, и уносит в свою сторону!

А теперь, хотите, скажу, что я сделал с домом, покраска которого чуть не свела меня в могилу? Он достался мне в наследство после смерти отца. Я обшил его сайдингом!

Перевод Галины Зайнуллиной

Рассказы

РЕБЕНОК, БЕГУЩИЙ ПО РЖАНОМУ ПОЛЮ

Хадича не любила Хайдара, но его ухаживания не отвергла. Более того, она родила от него дочь. Не прошло и года, как Хайдара призвали в армию, а Хадича, удивив односельчан, выскочила замуж за Карима из соседнего села. Жених же был старше ее на десять с лишним лет.

Неизвестно, чем именно охмурил Карим молодую цветущую женщину, но, завоевав ее, он уже не выпустил добычу из своих цепких рук. В отличие от Хайдара, Карим сумел понять девичью душу и оказался вполне готовым, созревшим к семейной жизни с любимой женщиной. Он был плотного телосложения, с приятным лицом, с твердым характером. В общем, Карим серьезно вскружил девушке голову...

Особенно умиляло его трогательное отношение к дочери Хадичи от Хайдара. Сельчане были в восторге от такой душевной широты жениха. Наверное, именно этим он и покорило сердце девушки. Приезжая в гости, он с удовольствием нянчился с маленькой Газизой, играл с ней, носил на руках. Девушка тоже привязалась к будущему отчиму, улыбалась ему беззубым ротиком, светила от счастья, когда Карим бережно прижимал ее к своей сильной груди, а потом со смехом подбрасывал малышку в воздух. И Хадича, и ее мать Нагима искренно радовались такой дружбе. Даже на своей свадьбе жених не расставался с малышкой, усадив счастливую девочку рядом с собой. Он успокаивал ее, когда она плакала, радовался, когда она смеялась. Гости таяли, видя такую идиллию. Все сельчане восхищались Каримом, хвалили его, полюбили как своего. Даже если и были у Хадичи кое-какие сомнения насчет жениха, то они быстро

рассеялись. Она всей душой поверила в искренность Карима, в правильность своего выбора. И ничуть не жалела о том, что вышла за него замуж, окончательно забыв Хайдара.

Отшумела свадьба. Хадича теперь принадлежала Кариму. Но прошло совсем немного времени, и приоткрылось истинное лицо – вторая, настоящая натура Карима. Вернее, он сам вскоре стал демонстрировать свою грубую природу. Казалось, жениха подменили. Любящий муж и отец, души не чаявший в ребенке, превратился в настоящего деспота. Он буквально на дух не выносил маленькую Газизу, и было трудно поверить, что совсем недавно он выказывал этому ребенку самые нежные чувства. Он не только отказался дать девочке свою фамилию, но даже категорически отверг саму идею взять ее с собой на новое место. Тогда он работал в лесничестве села Таугильде, что совсем рядом с родным селом Хадичи. Там он построил просторный двухэтажный дом из сосновых бревен, надворные постройки, баню, разбил большой сад и огород.

– Не хочу приводить домой приبلудыша! – безапелляционно заявил он. – Не хочу позориться перед родичами и сельчанами!

Решение его было, конечно, жестоким ударом, особенно для матери. Хадича, уже понявшая злую натуру мужа-перевертыша, пробовала, тем не менее, сопротивляться его решению, надеясь на помощь матери.

– Кияу! Зять! – обратилась к нему теща. – Если ты любишь мою дочь, должен полюбить и ее ребенка!

В ответ Карим словно отрезал:

– Я ведь не на твоей внучке женился, а на твоей дочери!

Спорить было бесполезно, и маленькая Газиза осталась с бабушкой. Жених увел молодую жену в

свое село. Так все прояснилось: оказывается, ему не нужен был ее ребенок, вернее, он нужен был временно как средство добиться благосклонности молодой красавицы Хадичи. Разве он мог упустить ее, слава о красоте, трудолюбии и покладистом характере которой разнеслась по всем окрестным селам? Так что его сюсюканья с ребенком были всего лишь игрой на публику. Вскоре после свадьбы он поклялся не пускать «приблудыша» даже на порог. И мать ничего не могла поделать, хотя ее сердце разрывалось от любви и жалости к своей маленькой дочери. Не то, чтобы она слишком любила мужа или, наоборот, боялась его. Нет, дело в том, что она уже была беременна от Карима и боялась только одного: остаться одной с двумя детьми. Поэтому она смирилась со своей участью. Нелегкой, горькой участью. Терпела, стиснув зубы. Надеялась в глубине души, что муж со временем оттает, смягчится, пожалеет маленькую Газизу. Но этим надеждам не было суждено сбыться. Напротив, Карим все более и более ожесточался душой, к тому же, стал жутко ревновать ее к Хайдару. Покоя не давал, устраивая сцены ревности. Однажды, увидев в сундуке жены фотографию Хайдара, присланную им когда-то из армии, пришел в неописуемую ярость, разорвал в клочья «крамольный» снимок, грубо ткнул любимую жену головой в крышку сундука. Уже не раз он поднимал руку на жену, которую еще недавно, казалось, боготворил. Он мог прийти в ярость даже по самым пустякам. В каждом слове, движении жены он «угадывал» какой-то потаенный смысл, намек или иносказание. И все это, в основном, из-за какой-то патологической ревности. Хадича и сама не рада была, что вовремя не выкинула ту злополучную фотографию, но ведь и для ревности не было никакого основания. Хадича уже успела прочно забыть Хайдара,

который, вернувшись из армии и узнав о замужестве любимой, и вовсе подался куда-то в далекие края. Были слухи, что он там вскоре женился...

А маленькая Газиза все так же жила с бабушкой. Росла она живым, кучерявым ребенком, окруженная постоянной бабушкиной заботой, но этого ей было мало. Дитё есть дитё, ему не хватало родительской ласки. Девочка чувствовала себя сиротой при живых родителях, тем более что мать находилась рядом, в соседней деревне. Умом девочка начинала понимать свое вынужденное сиротство, но душа ее противилась этому неестественному обстоятельству. Газиза часто спрашивала бабушку:

– Дэвэни! Бабушка! Почему моя мама не приезжает? Почему она меня к себе не забирает?

– Не беспокойся, доченька, – успокаивала ее бабушка, и сердце ее разрывалось от жалости и обиды. – Она скоро приедет. Мама поехала в лес, и ее временно похитили лешие-албасты. Как только ее отпустят, она вернется...

Сначала бесхитростная Газиза верила бабушке, но со временем стала сомневаться. Перед ее глазами все еще стояли ласковая, нежная мама и «добрый, хороший папа».

Карим под разными предлогами не пускал жену к матери с дочерью, ограничиваясь дежурными письмами, которые Нагима называла «гостинцами из леса, от мамы». Однако быстро взрослевшая девочка перестала верить в бабушкины сказки про леших-албасты. Она уже знала, что мама с «папой» живут рядом в соседнем селе, но идти туда ей было запрещено, а до соседнего села и было-то всего три километра пути. Об этом ей сказал соседский мальчуган Илсур, днями не слезавший со своего велосипеда.

– Таугильде? – переспрашивал он и ухмылялся. – Хе! Да это же рукой подать, вон за тем ржаным полем...

Девочка верила ему. И однажды, собрав в узелок

самые красивые яблоки в саду, она, не сказав ничего бабушке, отправилась в путь.

Колосилась спелая рожь. Стоял жаркий, даже душный день. В небе играли зарницы. В народе говорили: зарницы стегают рожь...

Прижав к груди узелок с гостинцами, Газиза шла, боясь обернуться и посмотреть назад. Вскоре она побежала по полю. От испуга сердечко ее глухо билось, тяжелые колосья стегали ее полуголоое тельце. Она терпеливо пробиралась через рожь. Желание увидеть маму побеждало все страхи, усталость и невыносимая боль от хлеставших ее колосьев. Вскоре она стала задыхаться. Хотелось пить. Внутри нее будто рос какой-то твердый комок. Спелая рожь вымахала на славу и была выше отважной девочки. Временами она даже застилала ей солнце. Пробираясь сквозь цепкие объятия ржи, Газиза плакала, пока, наконец, не почувствовала, что заблудилась. Она кинулась ничком на землю и разревелась:

– Ма-мочка! Где-е ты!?! Где-е? Возвращайся, мамочка-а-а! – О, как болела и как терзалась ее маленькая любящая душа!

На ее счастье, «большак» был рядом. Вдруг она услышала скрип телеги, тут же вскочила на ноги и побежала в сторону дороги. Увидев большую лошадь с телегой, она в испуге отпрянула. На арбе сидел старик и что-то напевал себе под нос. При виде девочки, появившиеся внезапно, он тут же натянул вожжи, и это было как нельзя кстати, ибо она чуть не попала под копыта савраски.

– Тр-р-р! Стой, проклятая! – закричал он, продолжая натягивать поводья. Старик оказался односельчанином девочки. – Ты чья будешь?

– Я дочка Хадичи.

– Какой Хадичи?

Газиза промолчала. Она не знала, как объяснить старику свое происхождение и свое незавидное положение. Старик, кажется, все понял.

– А-а... – вежливо протянул он, – ты дочка той Хадичи, что вышла замуж за лесника. Тебя, кажется, зовут Газиза?

– Да...

– Понятно... Что же ты тут делаешь?

– К маме иду...

– К маме? !

– Да... в Таугильдино.

– А почему они сами за тобой не приехали?

– Н-не... не знаю... не говорят...

Она почему-то виновато потупила глазки, сильнее прижала к груди узелок с яблоками и продолжала стоять среди густой дорожной пыли. У старика от жалости вдруг защемило сердце, к горлу подкатил комок. Он хорошо знал, что такое сиротство, знал, что нет на свете чувства сильнее, чем тоска по родным. Старик заморгал повлажневшими ресницами и некоторое время растерянно молчал. Затем взял себя в руки.

– Ты, доченька, лучше иди домой, к бабушке, – сказал он, наконец, – только не через поле, а по этой дороге, чтоб не потеряться.

– Нет, я не пойду домой, – заупрямилась она, – я иду Таугильдино, а ты куда?

Дед не знал, что и делать. Если он довезет ее до матери, придется держать ответ перед жесткосердным Каримом. А с другой стороны, почему бы ей не повидать свою родную маму? Да и в дороге нескучно будет. Он поднял девочку, усадил на телегу, отечески обнял ее, погладил по худенькой спинке, задумался о чем-то своем и тронулся в путь.

– Н-но, милая-а!!!

Пройдут годы. Газиза подрастет, станет, как и ее мать,

красавицей, войдет невестой в чей-то дом. Но никогда, ни-ког-да не забудет это тучное ржаное поле с тяжелыми, налитыми зернами колосьями, эту длинную пыльную дорогу под жгучим солнцем, и этого доброго дедушку, везущего ее к маме, в соседнее село. Она всегда будет помнить радость и тревогу этого путешествия, самого первого и самого счастливого в ее жизни.

Старик довез девочку до дома ее отчима Карима, издали поприветствовал хозяев и поспешил поехать своей дорогой. Газиза была рада, что наконец-то встретится с мамой. Но впереди ее ждало великое разочарование. Жена с мужем пололи картофельный огород, возле них хныкал, пуская слюни, их маленький сынишка – трехлетний Гамиль, которому никак не удавалось привлечь внимание своих родителей.

Увидев Газизу, Хадича и Карим обомлели и замерли от удивления. Девочка, чумахая от пыли, стояла перед ними, прижимая к груди узелок с яблоками.

– Это что такое!?! – зловеще прошипел Карим, вопросительно глядя на жену.

– Не знаю... ничего не знаю... – Хадича была растеряна.

– Это ты ее привела?

– Нет.

– А как же она здесь очутилась?

– Не знаю... сама, наверное...

– Отправь ее домой!

– Карим...

– Что еще?

– Ну... пусть останется хотя бы на ночь. Завтра я ее сама отвезу.

– Нет, отвези сейчас же! Чтоб ноги ее здесь не было! – Он аж побагровел от злости, глаза его побелели, словно кусочки жести.

– Карим...

И тут послышался тоненький голосок Газизы, храбро шагавшей через барханы огородного поля.

– Э-нием! Ма-моч-ка!

Этот детский писк снова вывел из себя Карима. Ломая картофельные стебли, он сурово двинулся навстречу девочке.

– Ты чего явилась? Кто тебя звал? И кто тебя сюда привез?

– Я-а... – опешила девочка, съежившись от страха.

– Да! Ты!

– Я-а... маму хотела увидеть...

– А это что?

– Эт-то... га-а... га... стинцы, – зашмыгала носом Газиза.

Не помня себя в ярости, Карим выхватил у нее узелок. Яблоки посыпались на ботву, и он в злости начал пинать красные плоды.

– Ты что? Хотела отравить нас своими червивыми яблоками?! Убирайся вон отсюда! Сгинь с глаз моих!

Газиза испугалась еще сильнее и заплакала. Сердце несчастной матери словно разорвалось на части и она, забыв обо всем на свете, кроме дочурки, ринулась к ней на помощь.

– Зверь! Уйди отсюда, оставь ее в покое! Не смей издеваться над ней!

Она оттолкнула мужа в сторону, прижала дочурку к своей груди. Карим оторопел. Он почему-то не смог заставить себя по-прежнему кричать на жену, ругать ее на чем свет стоит.

– Сколько можно душу мою терзать! – продолжала убиваться несчастная мать. – Из-за моего ребенка... Из-за этой невинной души... ты не человек, а исчадие ада!..

Карим молчал, он не в силах был что-либо сказать. Он вдруг почувствовал себя виноватым. Действительно,

ведь он ни за что обидел маленькую девочку, а что может быть хуже этого? Грех какой! Ему стало так скверно, что он на миг даже испугался своей «мягкотелости», своего малодушия и, спеша вернуть себе твердость духа, буркнул:

– Иди... отвези девчонку домой... к бабке...

Помолчав и посопев, он добавил:

– Да и сама можешь отдохнуть там денек-другой.

Хадича гостила у матери ровно два дня. Газиза никогда не забудет этих чудесных, волшебных дней. Дни сплошного праздника, невыразимого счастья. Жарко затопили баньку, помылись, испекли губадью, пригласили в гости соседей. Газиза не отходила от матери ни на минуту, увязывалась за нее за водой к роднику, шла в гости к соседям и родичам, разговаривала с матерью без умолку, словно боялась, что не успеет с ней поболтать вдоволь, словно спешила наговориться с нею на всю жизнь. Целых две ночи она счастливо засыпала в материнских объятиях...

Но счастье закончилось быстро. Через два дня суровый муж увез жену к себе домой. Карим не здоровался ни с кем, даже не вошел в дом тещи. Газиза снова осталась без матери. «Будь умницей, – прощалась с ней мать, – слушайся бабушку, я буду тебя навещать». Возможно, она сама хотела верить в свои слова. Но...

Через неделю пришла жуткая весть: в речке утонул трехлетний сынишка Хадичи и Карима, маленький смешной Гамиль. Он засмотрелся у берега на красивый поплавок удочки, оставленный каким-то местным рыбаком, попробовал вытащить удочку из воды, не удержал равновесия и упал в быструю воду. Хадича в это время кормила кур и не заметила отсутствия сына.

Вне себя от горя, черный от переживаний Карим бился головой о землю, проклиная себя за недостаточное внимание к сыну. Потом коршуном накинулся на несчастную жену, обвиняя ее в смерти ребенка: «За сыном

надо было смотреть, а не с курами возиться!» Досталось по первое число и родным, и соседям... Хадича тоже почернела от горя...

Похоронив Гамиля, Карим послушался совета родни и посетил бабу-ворожею. Старуха оказалась проницательной и сказала: «Смерть твоего ребенка – наказание за твои грехи, сынок».

– В чем же я грешен, бабушка? – спросил убитый горем отец.

– Ты кого-то очень сильно обидел, и обида этого человека обернулась против тебя проклятием. Ты должен попросить у него прощения. Знаю, что твоя жена беременна вторым ребенком, но, если ты не сделаешь, как я сказала, с этим ребенком может случиться то же самое.

Слова старухи-ворожеи крепко запали в душу Карима. Он хорошо понимал, перед кем он виноват. Ведь он обидел ребенка, причинил боль невинному дитя – маленькой дочурке Хадичи. Неужели детская обида может обернуться таким страшным проклятием?

И однажды Карим посадил Хадичу в машину, и они поехали к теще и падчерице в соседнее село. Он даже немного выпил, ну и это так, для храбрости. Приехали. Карим изо всех сил пробовал задобрить девочку. Обнимал ее, говорил ласковые слова, подбрасывал в воздух, но Газиза уже не смеялась, как прежде, она молча спешила слезть с его рук и отойти подальше. Она не ела ничего из тех вкусных гостинцев, которые привез отчим, а лишь отодвинула их на край стола. Карим пробовал ее разговорить, рассмешить, спрашивал о том, о сем. Но она упорно молчала или односложно, кратко отвечала общими словами.

А еще взрослые смеют утверждать, что дети быстро забывают зло, быстро прощают. Как бы не так. Во всяком случае, маленькая Газиза не хотела и не могла забыть то горе, что причинил ей отчим.

Наконец, Карим не выдержал и привстал перед девочкой на колени.

– Доченька, – сказал он, не отваживаясь посмотреть ей в глаза, – я очень виноват перед тобой, прости меня... Вот увидишь, я стану совсем другим, хорошим, я исправлюсь, честное слово! Меня Аллах и так уже наказал, отнял у меня любимого сына... Мы не оставим тебя здесь, увезем с собой... прости же меня...

Но Газиза думала по-другому. Она не спешила прощать его, а тем более вешаться ему на шею.

– Я... может быть... смогу тебя простить, – как-то уж по-взрослому ответила она, – но простит ли тебя Аллах?..

Маленькая упрямица явно говорила не свои слова, а заранее заготовленную речь. И он сразу почувствовал это.

– Кто? Кто тебе это сказал? – спросил он, переводя взгляд с девочки на ее бабушку.

– Я! – не выдержала Нагима. – Я сказала, я научила ее так говорить! Она не свои, а мои слова говорит, зятек!

– А-ха!.. – вдруг закричал Карим, яростно вращая белками глаз. – Вот в чем дело! Вы все против меня, все! Надумали посмеяться надо мной! Над кем?! Надо мной смеяться?! Над Каримом! Да кто вы такие! Дрянь, мусор, который я подобрал! Ну, все! Кончено! Больше я в этот дом ни ногой! Слышите! Ноги моей здесь больше не будет!

И он почти насильно увез с собой Хадичу. А дома запил на целую неделю. Почти не разговаривал с женой, точнее, не разговаривал по-человечески, зато оскорблял ее по-всякому, поносил на чем свет стоит. «Ты, сволочь ублюдочная, заставила меня унижаться, встать на колени перед сопливым приبلудышем!» – орал на всю улицу. Словом, покоя он ей не давал. Хадича, подумав, собрала нехитрые пожитки, чтоб вернуться к матери и дочери, но решила все-таки дожждаться мужа. Карим пришел домой пьяный и зверски избил жену за неповиновение.

Несчастную с переломами ребер, со страшными ушибами доставили в больницу. Состояние ее было крайне тяжелым. Сраженная ужасной вестью Нагима, тем не менее, нашла в себе силы отправиться в райцентр, к дочери в больницу. Газиза тоже хотела поехать, но ее не взяли. Сердобольная бабушка не хотела, чтоб внучка увидела свою мать в таком страшном виде.

Но, как только бабушка уехала, а это была утром, заплаканная Газиза вышла на околицу села. Ржаное поле уже наполовину было убрано. То там, то здесь сновали комбайны, оставляя после себя кучи соломы. Извилистой лентой тянулась дорога, по которой можно было дойти до деревни, куда увезли ее маму. Но по дороге – это слишком долго, лучше пойти прямо через ржаное поле.

...Колосья казались еще тяжелее, чем во время того ее первого путешествия в Таугильдино. Стебли клонились к земле под тяжестью налитых зерен, стегали девочку по лбу, лицу, рукам, телу. Но она упорно пробиралась через высокую рожь колхозного поля, она очень спешила, плакала, но не останавливалась. Лишь иногда шептала, судорожно всхлипывая:

– Мамочка! Анием! Не умирай, не умирай, пожалуйста! Я иду к тебе! Подожди чуть-чуть!.. Не умирай... мама...

О дитя! О чистый ребенок, бегущий по тучному ржаному полю, милый ребенок, так жаждущий родительской любви, материнской ласки, доброго отцовского слова!.. Она бежала, задыхаясь, путаясь в тяжелых колосьях, и еще не знала, бедняжка, что в это утро ее мать, не приходя в сознание, умерла в больнице...

Перевод Фаяза Фаизова

«БУДУ СЛУШАТЬ ТВОЙ ГОЛОС...»

*Солнце яркое видит тебя,
И ласкают тебя ветра.
Почему же ни солнце, ни ветер
Не укажут дорогу к тебе?*

Он поет и поет. Впрочем, он даже не поет, это от него исходит всепоглощающая сила мелодии и нежности. Чувства вырываются из глубин его души и, рана сердца слушателей, разливаются по всей вселенной. Куда бы он ни приехал, где бы ни выступал, его всегда просят спеть эту песню. Народ полюбил ее. Но каждый раз он не торопился выполнить просьбу зрителей. Потому что для исполнения этой песни, наполненной глубокой печалью, требуются особый настрой души и божественное вдохновение. Иногда в зале слышится недовольное: «Ну что ему стоит спеть ее?!». Но певец, великий певец, не обращает внимания на такие мелочи и исполняет очередную песню согласно программе. Звучит новая песня, зал аплодирует. Но та песня, услышать которую так надеялись зрители, так и не звучит, и остается впечатление, что концерту чего-то не хватило.

...Самочувствие хуже некуда. Сердце словно сорвалось с места, болит и ноет. Оно совсем износилось. Врачи уже несколько раз рекомендовали ему лечь в больницу. Но он не послушался. Ему же всего пятьдесят лет, он в расцвете сил! Говорят, что в пятьдесят лет жизнь только начинается. Но, похоже, и к словам врачей надо иногда прислушиваться. Обессиленный, он добрал до окна, прислонился к косяку, чуть отодвинув портьеру в сторону, посмотрел на улицу. Точно так же, перед тем как выйти на сцену, он любил, чуть отодвинув занавес,

взглянуть на зал и зрителей. От того, кто сидит в зале, зависело, какие песни и как он будет петь.

Он оглядел зимний двор. Тишина. Хлопьями падает снег. На детской площадке играют несколько малышей, весело смеясь, катаются на санках (кому же и быть счастливыми, как не детям!), из подъезда вышла красивая женщина в дорогой шубе. Она потыкала кнопки пульта и села в черную иномарку. «Тойота» резко тронулась с места. Сердце снова больно сжалось. «Скорую помощь» уже вызвали (жена позвонила!). Есть надежда, что скоро она прибудет...

Когда ж мы встретимся с тобой?
Тогда забуду я свою печаль.
Обняв тебя и плача от души,
Я буду слушать голос твой,
Буду слушать твой голос,
Твой нежный голос...

Слово «нежный» он произносит как «нежно» и этим придает песне новое музыкальное наполнение, иной оттенок. При словах «твой голос» он поет на несколько нот выше (голосовой диапазон позволяет!) и этим заставляет слушателей содрогнуться, а в последней строке «твой нежный голос» он берет низкие ноты, отчего по телу бегут мурашки и на глаза наворачиваются слезы...

Долгожданная весна уже ушла,
Без тебя вхожу я в осень,
Муки одиночества
Терзают мое сердце, ранят...

Он никогда не страдал от одиночества. Он всегда был в центре внимания. Насколько легко сдержанный и скромный деревенский паренек привык к городской жизни, так же быстро он привык к славе и известности.

Теперь, куда бы он ни пришел, где бы ни появился, его везде узнают, стараются подойти, поговорить. Эти встречи, вначале казавшиеся ему занимательными, со временем надоели ему, и он начал сторониться незнакомых людей. Говорят, что век певца недолог. Разумеется, это нельзя понимать в прямом смысле, певец может прожить и девяносто, и сто лет. Но срок популярности короток. В этом он убеждался не раз. Оказывается, человек живет как слепец, пока не начнет понимать жизнь. Открыть глаза ему помог один человек, торговавший семечками на углу. Сначала он не узнал этого человека. Худой, истощенный. А когда узнал, его удивлению не было границ! Это был некогда очень известный татарский певец! Он с юности слышал его песни, восхищался им и думал, что, если петь, то только так, как он. А теперь люди забыли его... И не только люди, но и государство! Певец «от бога», он разъезжал по гастролям за копейки, не щадил себя ни в метель, ни в дождь, обогащал филармоническое начальство, а теперь торгует на улице семечками. Невольно сжалось сердце, и он впервые почувствовал себя бесконечно одиноким в этом мире. Ему захотелось подойти, обнять бедолагу и пожать ему руку. Но что-то остановило. Они были знакомы, но сейчас его охватило ощущение неловкости. Ведь они летели по разным орбитам: один по орбите мира, а другой по уличной...

В комнату влетела жена: «Сейчас приедут!». Она была в ужасе: лицо мужа бледное, словно мрамор... Боль в сердце стала невыносимой – он терпел, сжав зубы. «Дорогая! – прошептал он, еще более бледнея лицом (видимо, уже понимал, что это добром не кончится). – Я не очень доверяю врачам, ты меня не бросай, ладно?..» Жена осторожно обняла его за плечи: «Как я могу тебя бросить!»...

Она жила ради мужа. И хотя с творческим человеком жить очень непросто, мысль о том, что ее муж – известный певец, всегда рождала в ее душе гордость. Всякое бывало – и ссоры, и ревность. Что поделывать, муж – публичный человек! Но любовь сглаживала эти бытовые мелочи. После замужества муж долгое время не позволял ей работать, хотел, чтобы она сидела дома. Она принимала у себя дома друзей и коллег мужа, угощала их за щедрым столом. И выполняла эти обязанности радостно и с достоинством. Вскоре родился сын (он теперь уже взрослый, женился, живет в другом городе). Но девочка, родившаяся позже, прожила всего год и шесть месяцев, а потом внезапно умерла...

Кто же рядом с тобой,
И видит твой светлый лик каждый день?
Если отыщу тебя на алой заре,
Разбужу тебя ласковыми поцелуями...

Откуда пришла к нему эта песня? И разве эта песня не достойна того, чтобы исполнять ее не только перед сельскими жителями, выросшими на «Баламишкине», но и перед представителями других народов? Жена, любившая все песни, которые исполнял ее муж, тоже выделяла эту песню среди других. И на вопрос: «Чем она тебе нравится?» – она отвечала: «В ней есть какое-то тепло!»...

Откуда пришла эта песня и как она родилась? Ответ прост, как сама жизнь: поэт написал стихи, композитор сочинил музыку, а певец ее спел. Встретившись как-то с автором песни, он раскрыл перед поэтом давно скрываемую им тайну. «Народ, наверно, думает, что я посвящаю эту песню какой-нибудь своей даме сердца. Но они ошибаются, тайна в другом. Когда я начинаю петь эту песню, перед глазами предстает моя маленькая дочь, очень рано ушедшая из этой жизни, понимаешь, моя

Алия... моя малышка... У нее только начали появляться молочные зубки, она была в черных кудряшках, красивая, как кукла, моя дорогая дочурка... Я приходил после концерта, и дочка радостно бежала ко мне: «Папа плишел, папа плишел, он песни пел!» Она была очень живым ребенком, слишком живым, понимаешь... А ее голос... ее звонкий веселый голосок до сих пор словно звучит у меня в ушах. Только начинаю петь, и... перед глазами встает моя малышка. И этот детский голос: «Папа!» – то и дело вплетается в мою песню...

«Прости, – удивился поэт, – я и не знал, что у тебя была дочь, что с ней случилось?!» «Никто не знает, никакой болезни не нашли, решили, что ее сглазили...» – ответил певец. Его печальные глаза были влажными...

Зимний день, когда хлопьями падал снег, оказался для певца последним. Врачи не смогли спасти его. Великий певец, тосковавший по своей малышке, в ту ночь отправился вслед за своей дочерью в вечность. А из одноместной палаты, кажется, до сих пор слышатся душераздирающие крики умирающего певца: «Я не хочу умирать, я не хочу!...». Он ушел, а его песня осталась. После его смерти ее пытались петь другие, и она звучала по радио и по телевидению, но никто не смог спеть ее с таким чувством, так надрывно, как он. Эта песня осталась его песней, только его... Потому что только он наполнял ее тоской по своей маленькой дочери, так рано ушедшей из жизни... Для него это была не просто песня... Это было глубочайшее из всех человеческих переживаний!

Буду слушать твой голос,
Твой нежный голос...

Перевод Гаухар Хасановой

ОБРАЗ

(из воспоминаний одного поэта)

«Стройотряд»...

В советское время это звучало романтично: «радостный строй гитар», «песен костры горят»... Студенты во время каникул тянули газопроводы, обслуживали речные порты, занимались мелиорацией земель или чем попроще, к примеру, собирали арбузы в тёплых краях или строили колхозные фермы. К тому же, в стройотряде, если, конечно, знать «хлебные» места, можно было неплохо заработать, но некоторых даже это (что уж говорить о романтике трудовых подвигов!) не вдохновляло, и они, получая фальшивые справки, уклонялись от разнарядки деканата. Каждому, как говорится, своё...

Мы же с моим одноклассником Ильнаром выбрали срединный путь: физическим трудом нас, сельских парней, было не испугать, но призыв – «на большом пути от равнодушия себя спасти» – совершенно не прельщал. Поэтому мы согласились поработать, но – в городе, который за время обучения стал нам почти родным, в Казани. Если не ошибаюсь, то приглянувшееся мне и Ильнару направление называлось «Стройсервис». Несмотря на его громкое звучание, поле деятельности оказалось довольно простым – мы устроились грузчиками в магазин «Овощи – фрукты» на улице Космонавтов. Итак, направление было задано, и «наше время на циферблатах» затикало...

Директорша встретила нас довольно тепло. Искренняя, как нам показалось, радость блеснула в её выпуклых глазах из-под низкого лба, и потому, довершившись этой акуле, мы простодушно поинтересовались насчёт оплаты. Когда она пообещала нам за два-три месяца

немалые деньги, мы оба едва не подпрыгнули от радости. Озвученная сумма в разы превышала мизерную стипендию, у нас аж засвербило в области лопаток – это выросли крылья мечты.

Вскоре стало понятно, почему директорша была так рада нашему появлению. Оказывается, в магазине не хватало рабочих рук, особенно в летние месяцы. В штате числились всего два грузчика. Один из них – круглолицый татарин по имени Джамал, давно достигший пенсионного возраста, был поистине «фруктом». Внешне он походил на приличного бабая и ничем не выдавал пристрастия к горячительным напиткам, пока мы с ним не заговорили – тут все его речи начали вращаться вокруг бутылки. Второй грузчик был «овощем» – шизофреником со словесной кашей во рту, сдобренной бессмысленной улыбкой. На первый взгляд он тоже производил впечатление нормального человека: высокорослый, ладно скроенный, улыбчивый. Будь он умственно полноценным, женщины не сводили бы с него глаз. Ну, а с умственным изъяном этот парень никому не был интересен, даже родственникам, они сбывли его с рук на самое днище – в овощной магазин. Пусть себе ишачит, подумали, пусть зарабатывает на еду и одежду! Вот в такой славный трудовой коллектив мы влились...

Наше рабочее место оказалось внизу, в подвале. Там мы увидели с десятков складских помещений, забитых мешками и ящиками с товаром. Нам предстояло таскать всё это в грузовой лифт и отправлять в фасовочную: один нагружает внизу, другой принимает наверху, – потом, по требованию продавцов, разносить эти ящики и мешки по отделам: огурцы, капусту, помидоры – в один, виноград, лимоны и сухофрукты – в другой.

Надеясь заработать много денег, мы с радостью

взялись за дело. Хоть «яростным стройотрядом» нас называй. Нам ли, сельским парням, помогавшим колхозу во время посевной и уборочной страды, страшиться тяжёлой работы. Тем не менее, пару часов повозившись с тяжёлыми ящиками, мы как-то очень подустали. И ожесточились. Потому что Джамал-абый вальяжно слонялся рядом и то и дело выходил на улицу покурить, пока окончательно не исчез.

Когда полки магазина, наконец, были заполнены дарами природы, мы, спасаясь от жары, спустились вниз, чтобы отдохнуть. Подвал оказался нам раем, а топчан, расположенный в углу, – царским ложем, несмотря на дырявый и замусоленный матрас. К сожалению, растянуться на нём мог только один человек, так что отдыхать пришлось по очереди. Тут к нам вернулся Фрукт, явно навеселе. Как мы догадались, он ходил в какую-то пивную, потому что слово «пиво» у него долго не сходило с языка: как оно пенилось, как он ждал отстоя, как закусил воблой...

Потекла череда однообразных дней. Их скрашивали девушки и женщины-продавщицы, привлекавшие наше внимание. Они разговаривали с нами, любезно улыбаясь, но дело не шло дальше пустых разговоров. В моём случае. Однако Ильнар, воспылав страстью к какой-то уборщице, проявил решимость и не стал тянуть с развязкой. Его «дама сердца» была приятной внешности, имела двух детей и мужа, не вылезающего из каких-то командировок. Она ответила Ильнару взаимностью, но домой пригласить отказалась – там были дети, которые могли обо всем рассказать мужу. Впрочем, друг мой быстро нашёл выход, ведь на лето все студенты разъехались, и общежитие опустело, так что после работы он уединялся с женщиной в нашей комнате. Хоть я и восхищался дерзостью Ильнара, но не

завидовал ему. Потому что эта гулящая тетка никак не соответствовала тому высокому идеалу, который я носил у себя в душе, и тем благородным качествам, которые должны быть присущи порядочной женщине.

Через некоторое время мой друг, успевший охладеть к уборщице, начал крутиться около продавщиц. Без устали отпускал им дурацкие дешёвые комплименты: вах, мне повезло познакомиться с самой красивой женщиной на свете!.. Я же окончательно потерял интерес к этим «торгашкам». Ничего, кроме чумары, их не интересовало: обвесить, обсчитать, нахамить покупателю – так я понял из их междусобойчиков, которые ловил краем уха. Начисто исчезло желание общаться с ними.

Затем... Мне приглянулось одно божественное существо! Не торопитесь! Сейчас! Расскажу подробнее.

Возня с ящиками и мешками постепенно нас утомила. Обоим ударило по пояснице. Между тем директор «овощей и фруктов» оказалась довольно-таки требовательной женщиной и без конца гоняла нас туда-сюда. Но мы всё-таки старались. Боялись ударить в грязь лицом и показаться хлюпиками, посрамить свою деревенскую честь. Каждый день, сжав зубы, терпеливо ждали обеденного перерыва.

В эти шестьдесят минут (если на небе было облачно и солнце не палило жарко!) я выходил на улицу. В подвале, несмотря на прохладу, надоедало. В загромождённом товаром пространстве казалось, что лёгким не хватает воздуха, что тебя кто-то душит. А на улице было просторно, многоцветно: сидишь на деревянных ящиках из-под винограда и наблюдаешь за прохожими. Ильнар, конечно, редко выходил, он либо валялся внизу на топчане, либо крутился около женщин...

Она каждый день (речь идёт о Божестве!) проходила

мимо нашего магазина. Девушка среднего роста, с тёмными кудрявыми волосами, курносая (курносики мне всегда нравились!), с тонкой талией и элегантной поступью. «Ягодка, вишенка, персик!» – так я, сидя под вывеской «Овощи – фрукты», мысленно окликал незнакомку всякий раз, не имея смелости подойти и завести разговор. Скромность и застенчивость, присущие деревенским парням, брали своё.

Тем не менее... я начал действовать. Для начала узнал, где девушка живёт – в трёхэтажном доме, прямо напротив нашего магазина. В сером, ничем не примечательном строении. Не составило труда разведать даже номер её квартиры. Я просто проследовал за девушкой в подъезд, притворяясь случайным прохожим. На первом этаже краем глаза увидел, как она открывает ключом дверь, обшитую чёрным дерматином, а сам, скрывая намерения, поднялся на второй этаж и там потоптался пару минут, разглядывая зелёные стены. Отметил про себя, что здесь довольно просторно и чисто. Когда дверь внизу захлопнулась, я спустился вниз и запомнил номер её квартиры. Вслед за тем, окрылённый успехом, у старушки, которая грелась около крыльца на солнышке, выведал не только имя девушки, но даже фамилию...

Вскоре Ильнар почувствовал, что я сам не свой. Тайну пришлось раскрыть. Он долго смеялся. Не хотел меня понимать. «Если тебе нравится эта девушка, иди знакомься, не надо мечтать!» – сказал он. Разгорелся спор.

– Я люблю её не просто, люблю не по-человечески, – объяснил я, – я вижу в ней божественное существо!

– Поклоняешься, значит?!

– Поклоняюсь ли... – Я мучился, не находя нужных слов, чтобы объяснить другу свое внутреннее состояние.

– Поклоняться... Что это такое? Для меня женщина – это, прежде всего, богиня, святая душа...

– Ты удивительный человек! – осклабился он. – Впервые в жизни вижу человека, слепо поклоняющегося женщине. Хотя я молод, но видел их в жизни довольно много. Все они сотканы из одной пряжи или, скажем так, сошли с одного конвейера. Не поклоняйся им, этим... женщинам... Они того не стоят...

– Не знаю и не хочу знать! – резко возразил я (в это время я почему-то почувствовал себя храбрым человеком, защищающим всех женщин на свете, поднимающим их на высший пьедестал!) – Женщина для меня никогда не перестает быть святой... Блок сказал...

– Хе! Какой ещё Блок?

– Великий русский поэт... Поклонение женщине, служение ей должны быть первоочередной задачей, а также самым благим намерением мужчины...

– Ну, может, и сказал, не знаю, – Ильнар зевнул. – Но помни, что когда-то, женившись, ты скажешь, что надел хомут себе на шею, и поймёшь, что ты ошибся, оказывается, женщины и мир не таковы, как ты думал...

– Когда я женюсь, да...

– Женщину надо схватить за волосы и бросить её на постель, вот и всё! – рассмеялся он...

Ильнар поставил на подоконник свои летние ботинки с облупившимися мысками и принялся их чистить, смазывая густым чёрным кремом...

После этого мы долго не разговаривали. Я не находил никакого интереса в общении с другом, далёким от литературы и поэзии, не прочитавшим ни одного стихотворения того же великого, по моему мнению, Блока.

Начали общаться через месяц, когда выяснилось, что обещанных больших денег нам не видать. Оказалось,

что Фрукт и Овощ, как штатные работники, получают зарплату вдвое больше, чем мы – «подсобники» на договоре, то есть всего-навсего: подай, принеси и «молчи в тряпочку». Существует тарифная сетка оплаты труда, объяснили они нам, невозможно платить всем одинаково.

Таким образом, наш трудовой энтузиазм бесповоротно угас. Мы старались не столько работать, сколько создавать видимость работы, благо было с кого в этом искусстве брать в пример. Мы хитрили. Часть своих обязанностей удалось переложить на шизика. Он любил конфеты и шоколад, но покупать их не мог, потому что его зарплату ежемесячно забирала мать, не отходя от кассы. К тому же этот бедолага не понимал, что такое деньги: не умел ни считать их, ни тратить. Так что мы его с потрохами купили за эти конфеты и шоколад (дешёвый, конечно!). Поначалу всё шло гладко, как мы и задумали: суёшь в руки Овоща пару конфет и переключиваешь своё бремя на его плечи. Фрукта Джамала мы не использовали, так как он просил за свои услуги водку или пиво, а это стоило довольно дорого.

Через некоторое время директорша заметила нашу уловку. У неё чуть глаза не лопались от негодования, когда она устроила нам разнос. Так что передышка была недолгой, а в один прекрасный день шизик и вовсе исчез из поля нашего зрения. По рассказам продавщиц в магазине, у него случился приступ безумия, из-за чего его в очередной раз поместили в жёлтый дом. Наша скорбь была безмерной. Мы заели её шоколадными конфетами в цветастой коробке (не пропадать же добру!), устроив чаепитие.

На пике безысходности я решил написать письмо Гузели. Адрес давно знал наизусть: улица Космонавтов, дом... квартира... индекс почтового отделения тоже

выяснил. Содержания того письма я уже не помню. Помню лишь, что писал с воодушевлением, высокопарно. Облекал свои чувства в образы, не умея передать их просто, по-человечески. К сожалению, черновик этого письма сохранить не удалось. Я, давно привыкший набирать на сенсорном экране смартфона «ысымэски» вместо писем, с удовольствием прочёл бы его сейчас. Увы, эпистолярный жанр остался в прошлом, в двадцатом веке, как и то, написанное мною, письмо. Кстати, я не отправил его тогда, а оставил при себе. Мне казалось, так будет лучше, идеальнее, что ли, – видеть прекрасную незнакомку издали: на улице, во дворе, – чем приземлять мечту какими-то письмами.

Когда наступил срок завершения нашей трудовой вахты в «стройотряде», никто, естественно, не стал по этому поводу организовывать торжественное построение, произносить слова о том, какие мы молодцы, какие свершения оставили за своими плечами и какие вершины нам ещё предстоит покорить. Но Ильнар всё же отметил это событие грандиозным скандалом с директором из-за низкой оплаты!

И потекла череда совершенно иных дней, для меня по-прежнему однообразных. Ведь мой «курносик» стал бесконечно далёк от меня... Чаша терпения переполнилась, когда Ильнар подружился с красавицей-первокурсницей, это подвигло меня отправить Гузели написанное летом письмо. Немножко только подправил: объяснил, почему я работал в магазине, рассказал, где учусь, как влюбился в неё с первого взгляда и что до сих пор не могу её забыть... Я и не надеялся, что она ответит. Во-первых, она меня совсем не знает. Во-вторых, какой человек воспринял бы это письмо всерьёз?.. Во всяком случае, я так и думал. Однако получилось обратное тому, что я думал: от Гузели

пришёл ответ. Когда вахтёрша передала мне её послание, я от радости почувствовал себя на седьмом небе от счастья и даже поцеловал конверт. Казалось, у меня выросли крылья. Самое главное: ей понравилось моё письмо. Она назвала его необычным и своеобразным. А самое интересное: удивилась тому, что я сколько раз влюбленно подсматривал за ней, но не осмеливался познакомиться...

После такого тёплого ответа переписка продолжилась, хотя мне уже хотелось большего – увидеться с ней. Что может быть проще, ведь живём в одном городе. К тому же выяснилось, что у Гузели дома имелся телефон, она написала мне его номер. Позвонить с вахты общежития можно было незамедлительно. Ан нет! Моя дурная привычка затягивать свои дела снова дала о себе знать. Ох уж эта моя нерасторопность, эта моя глупость! Вот мой друг Ильнар летает, как птица. Успел охмурить ещё одну красавицу, казанскую девушку:

– Слушай, дружище, сегодня иду на свидание, может, и не вернусь, останусь там, – сообщил он мне буднично, без всякого бахвальства.

– Желаю тебе успехов на любовном фронте, – ответил я ему с деланным безразличием.

На самом деле я уже вовсю завидовал своему другу. Как так, я по ночам в мечтах нежно обнимаю свою девушку, а он тем временем активно воплощает мои мечты в жизнь! «Не обманывай, сердце, меня, не обманывай, разум тебя превзойдёт, я сдержу твоё пламя в душе...», – твердил я про себя, как заклятье, чтобы хоть как-то смириться с несправедливостью.

– Для чего я это говорю, – продолжил Ильнар, – дело есть, дядю Васиму вчера диван привезли, надо будет его собрать.

– Не вопрос, соберём!

Васим-абый был комендантом нашего общежития. Многих удивило, что на эту должность приняли какого-то тщедушного дядечку с худощавым грустным лицом. Обычно комендантами становились женщины с дерзким злым характером. А дядя Васим был их полной противоположностью. Резких, бранных слов избегал и обращался ко всем студентам исключительно ласково: «братец», «сестричка». Впрочем, имелась у этого подхода и обратная сторона – его порой не слушались и начинали игнорировать. Но большинство обитателей общежития уважало грустного молчаливого коменданта. Только очень злые, мерзкие люди умело пользовались его беззлобным нравом.

Что касается нас с Ильнаром, мы, помимо почтительного отношения, помогали Васиму в хозяйственных делах. Он, в свою очередь, отвечал нам отеческой заботой. Например, оставил нас с Ильнаром в комнате, предназначенной для троих, избавив от неприятного соседства. Этим третьим был парень из Украины, уроженец Львова, совершенно чуждый нам по менталитету. Его мать раз в месяц посылала сыночку посылку с салом, таким вкусным, что язык можно проглотить! Получив посылку, хохол разок давал нам на пробу этот деликатес. Затем прятал его в картонной коробке под кровать. Но, один раз попробовав, хочется ещё. Невозможно устоять, когда из-под кровати сочится тонкая струйка аромата, вызывая обильное слюноотделение. Вот мы с Ильнаром и повадились, когда соседа не было в комнате, открывать коробку и срезать шматы его сала для бутербродов. В конце концов, он раскрыл наше воровство! Дружбе пришёл конец. Украинец стал запечатывать коробку и таким образом лишил нас возможности лакомиться вкусным украинским салом. У нас остался один выход

– избавиться от этого парня. И на помощь в этом пришёл уважаемый Васим-абый. Мы благополучно переселили хохлатого парня вместе с его салом в другую комнату. А у нас в комнате стало намного просторнее, и мы удивились тому, как раньше могли жить в невообразимой тесноте.

Со временем до нас дошли кое-какие сведения о Васиме-абый. Оказывается, когда-то он работал администратором в выставочном зале, но после развода с женой, с которой прожил пятнадцать лет, не стал делить с ней квадратные метры, не стал судиться, а оставил квартиру ей и ребёнку, а сам подался в коменданты, для того, чтобы получить комнату в общежитии.

Она мало чем отличалась от комнат, в которых жили студенты. И всё же чувствовалось стремление человека, когда-то жившего в полной семье, скрасить холостяцкую жизнь, как-то благоустроить свою каморку. Например, на стенах у него висели две большие картины. На одной был изображён незатейливый пейзаж: голубой пруд, горбатый мостик над ним, густые камыши; если внимательно присмотреться, можно было разглядеть плавающих на дне водоёма рыб с серебристой чешуей. Вторая картина поражала образом миловидной девушки с копной золотистых волос, которые под порывами сильного ветра ореолом распускались над её головой и заполняли всё полотно. У картины имелось название – «Златовласка». Почему-то я всякий раз воспринимал этот образ как портрет бывшей жены Васима.

Следующим шагом в благоустройстве своего холостяцкого гнёздышка для нашего коменданта стало приобретение дивана. Того самого, который нам с Ильнаром предстояло собрать. Васим-абый купил его, отстояв длинную очередь, и был чрезвычайно доволен

приобретением. Видать, давно хотел избавиться от металлической кровати с панцирной сеткой и казённого матраса, много лет служившего студентам. Мы вытащили всё это в складское помещение, а новый диван, обитый пёстрой тканью, собрали довольно быстро. Васим тут же накинул на него толстый плед, такой же пёстрый, как его обивка, и пригласил меня к столу. Угощение было скромным: варёное мясо, картофель, колбаса, яичница-глазунья, что-то ещё. Но я, особо не стесняясь, сметал всё подряд. Студент – как солдат, всегда голоден, его ненасытное чрево способно переваривать гвозди.

После трапезы мы поговорили. Меня тогда интересовала только тема любви. Хотелось что-то услышать на эту тему и от взрослого человека, тем более такого интересного и умного, как Васим-абый. Но он не спешил отвечать на вопросы, которые я задавал. Налив в кружку пива, закурил сигарету и приоткрыл оконную форточку, чтобы комната не наполнилась дымом. Бесконечно долго тянул. Он шёл к главному ответу издали, а я от нетерпения восклицал: «Васим-абый! Васим-абый! Жду ответа!» – и взбаламучивал его глубокомыслие. Наконец, он заговорил:

– Меня, как человека искусства, многие спрашивают: «А что такое любовь? Есть ли она?» Ты тоже увлёкся этой темой, братец. А я даже не знаю, что ответить. Не хочу тебе сказать, что нет любви и что это всего лишь выдумка. Она есть, вот мой ответ. Но что такое любовь?.. Это вечный вопрос...

– Аксиома?

– Может быть... Многое зависит от самого человека. Не только от его характера, но и от того, сколько ему лет. В молодости, скажем, любишь иначе, но с

возрастом понимаешь любовь совсем по-другому. То, что происходит в молодости, нельзя назвать настоящей любовью. Почему? Потому что она сначала зарождается в твоём воображении. Назовём это воображаемой любовью. Ты видишь своего избранника ангелом, возносишь его на небеса, стараешься приписать ему только положительные качества. А он может и не оказаться тем божеством, которое ты выдумал...

– Почему же так? – воскликнул я, словно жалуясь. – Это меня очень беспокоит. Почему?..

– Ответ очень простой, братец, простой, да... Положительных качеств, которыми ты наделяешь и которые хочешь видеть в объекте своей страсти, нет в природе. Это касается не только женщин, но и мужчин. Девушки обманываются точно так же, как и мы. В действительности богиня, которой ты поклоняешься, оказывается простым обывателем. Поэтому быстро влюбляешься и так же быстро и остываешь...

– Отказываюсь понимать, – возразил я, – так быть не должно...

– Брат мой! – возвысил голос Васим. – Ты ещё не понимаешь этого по молодости. Вот в чём дело! Сначала приходит отрезвление, чувства остывают. После этого... человек, скажем, мужчина, не может стоять на одном месте, он ищет что-то новое. Именно так он влюбляется в новую девушку. Благополучно упаковав её в красивые образы, снова возносит её на небеса. Но, к сожалению, и с новой повторяется точно такая же ситуация... По себе знаю, в молодости сердце постоянно куда-то спешит, желание любить и быть любимым трагически велико. Душа кипит, чувства переполняют. Хочется увидаться с любимым человеком, хочется найти понимание друг с другом. Но лишь немногие могут понять тебя. Потому что ты ещё сам не можешь понять себя. Увидишь –

влюбишься! Вот она, только она! Наконец... ты говоришь, что нашёл! На самом деле это всего лишь простой половой акт, далёкий от настоящей любви, это просто соблазн, искушение. Самообман...

– Вы говорите, что любовь – это обман...

– Может быть... Но обман, видимо, это то, что нам нужно. Если не обманываться и не влюбляться очертя голову, то в этой скучной жизни для нас не останется ни интереса, ни уюта, ни смысла. Именно во время любовной лихорадки рождаются те счастливые моменты, которые навсегда останутся в памяти, и не просто моменты... хе... рождаются и дети. Это дело природы, это уловка Вселенной. Я знаю, что по мере того как человек становится умнее, всё труднее женить парня или же выдать замуж девушку. Природа, точнее биология с физиологией, пользуются этими людскими заблуждениями, и, таким образом, размножение на Земле продолжается, как и сама жизнь. Поэтому, братец, нельзя относиться к жизни слишком трезво. Запросто «крышу» может сорвать. Обман нужен, человек должен обманываться... Без него этот мир бесполезен. Как говорил один поэт...

– Кто?

– Ты знаешь... Есенин... умер в возрасте тридцати лет...

– А, да... «Жизнь – обман с чарующей тоской, оттого так и сильна она, что своею грубою рукою роковые пишет...» Этот?

– Да, верно... знаешь поэзию, молодец... Затем... что...

– Васим подлил себе пива и закурил новую сигарету.

По всему видно, он рад был открыть мне душу, посекретничать. Возможно, когда-то он пытался поговорить с супругой на такие темы, но не нашел понимания. Разве невежественной женщине нужны такие философские устремления, такая глубина мысли?!

Нет. Поэтому Васим всегда чувствовал себя одиноким человеком, так и жил, ждал, надеясь на что-то. Быть интеллигентным, образованным, талантливым – это не только счастье, но и трагедия жизни. Неспособность близкого человека понять тебя заставляет такие искренние души запереться в своей скорлупе и замкнуться в ней. «Между прочим, в будущем такая судьба ждёт и меня! – невольно подумал я с грустью. – Стоит ли мне ради этого учиться и карабкаться на вершину духовности, чтобы потом довольствоваться участью Васима?»

Забегая вперёд, скажу, что Васим-абый пробыл у нас комендантом недолго, всё-таки он вернулся к семье. Несколько подонков, проживающих в общежитии, написали на него необоснованные жалобы и побежали с ними в ректорат. Но вернёмся к нашему разговору.

– Есть одна интересная и спорная фраза: «всякая любовь заканчивается сексуальной близостью». Вокруг этого в своё время разгорелись большие споры в русской и татарской печати, если помнишь. – Я не помнил этого, но чтобы не казаться невежественным перед взрослым умным человеком, понимающе кивнул головой. – «Есть чистая любовь, не трогайте её!» Были и те, кто оспаривал эту теорию, но быстро нашлись иные, кто согласился с ней... другие...

– А вы? – поинтересовался я мнением собеседника.
– За кого вы?

– Я... хе... за других, – улыбнулся Васим. – Потому что в молодости тоже верил в чистоту любви, защищая первых. Когда стал старше, моё мнение изменилось. Я понял свою ошибку и то, что был обманут своей молодостью. Ведь не только душа любит, но и тело тоже. Чистая любовь также вызывает желание впоследствии насладиться телесно. Сексуальное удовольствие. Оно

в некоторой степени зависит от физиологии самого индивидуума. Основной инстинкт человека. Ты никак не можешь уйти от него. Это великий дар, данный тебе Богом, – инстинкт продолжения рода. Если бы мы не получали духовную близость от любви, от сексуальной близости, если бы мы видели только её отрицательную сторону, человечество давно перестало бы существовать. Однако мы встречаемся, влюбляемся ради любви, влюбляемся ради удовольствия! Конечно, эти знакомства и встречи часто не ведут к половой близости. Но в случае соития любой из нас всё равно либо окажется в ловушке ЗАГСА, либо станет ничтожным прелюбодеем... Выбирай, как хочешь быть обманут!

Васим-абый говорил довольно долго, оттягивая тем самым моё признание в любви к девушке с улицы Космонавтов. А когда мне, наконец, удалось поделиться сокровенным, он ничуть не растрогался.

– Ты найди её, увидь! – только и сказал Васим.

И я действительно вскоре позвонил ей. Вовсе не потому, что последовал совету мудрого коменданта, это произошло случайно. У тётушки, сидящей на вахте, заболела внучка, и она попросила меня посидеть в дежурке два-три часа. Я согласился, и с первой же минуты своей вахты не мог оторвать глаз от стационарного телефона на столе. Левая рука невольно потянулась к телефонной трубке, а правая – к дисковому номеронабирателю...

...С другой стороны провода послышался приятный женский голос...

– Алло...

– Алло...

– Да...

– Здравствуй... Гузель...

- Кто это?
- Это Харрас...
- Какой Харрас... а... поняла... студент...
- Именно он! – пошутил я.

Собственная раскованность меня восхитила и придала ещё большей непринуждённости нашему разговору. Расспросив девушку о том о сём, я заговорил о свидании. Думал, она будет сопротивляться, найдёт тысячу разных отговорок и сорвёт встречу. Но она быстро согласилась, причём, захотела сама ко мне прийти. Я не противился желанию Гузели побывать у меня в гостях и сказал адрес. Определили день и время встречи. Но тут неожиданно было поставлено условие: мы встречаемся не в моей комнате, а на улице, в парке, расположенном неподалёку от общежития. Я замер от плохого предчувствия...

Оно усугубилось, когда незадолго до нашей встречи погода испортилась. Резко. Бабье лето с золотистой осенью, расточавшей тёплые солнечные лучи, внезапно прекратилось, его сменили дождливые, безветренные дни с резкими порывами ветра.

Она опоздала. И пришла не одна, а с подругой. Я позвал их в комнату, но они отказались. Пришлось под резкими порывами ветра идти в парк. На одной из аллей парка мы нашли укрытие рядом с эстрадным полуразвалившимся сооружением и долго стояли там, рискуя провалиться под дощатую сцену.

Предмет моих вздыханий был одет в серое, под стать пасмурному небу, демисезонное пальто, на ее голове была нелепая мохеровая шапочка с помпоном. Эта помпошка постоянно падала ей на лицо, закрывая один глаз. К сожалению, сколько ни искал, я не мог найти в ней той божественной красоты, которая когда-то поражала меня в «летней красавице». Разговор почему-то

шёл натужно, буксовал на расхожих отрывочных фразах. Через полчаса мы попрощались.

От этой встречи в моей душе осталось такое чувство сожаления, что я немедленно излил его в своём очередном письме. Писал с полным пониманием того, что оно будет последним. А ещё с каким-то раздражением и сарказмом. Теперь спрашиваю себя, а имел ли я право так писать? Нет, конечно. Ведь она ни в чем не была виновата! О вине здесь даже говорить нельзя. Я влюбился в неё безумно и воспарил в небеса, считая случившееся волей Аллаха, а она пришла (на встречу!) и быстро спустила меня с небес землю, да еще так сокрушительно.

Пришло ответное письмо. Она писала с обидой, даже с душевной болью: «Ты хотел видеть меня ангелом, рождённым в твоём пустом воображении, но я, прежде всего, человек и лишь потом – женщина. Наряду с моими положительными качествами у меня есть и недостатки. Да, я, может быть, не очень красивая и не самая умная девушка. Но меня нужно любить такой, какая я есть. Я не образ и не ангел, рождённый в твоём поэтическом воображении. Я – Гузель!.. А всё остальное – химера!»

Эти её слова до сих пор не вычеркнуты из моей памяти. Они меня так отрезвили, что даже самые резкие высказывания моего друга Ильнара о женщинах как-то поблекли. Для меня это было настоящее поражение, постыдное фиаско!

Тем не менее, я хотел найти её и извиниться. В один дождливый октябрьский день я снова оказался на улице Космонавтов, предварительно скрыв лицо капюшоном куртки. Не хотел, чтобы работники магазина «Овощи – фрукты» меня узнали. Как иностранный диверсант, притаился перед домом, где жила моя бывшая возлюбленная и какое-то время стоял, приложив ладонь

к сердцу, бьющемся от страха. На ватных ногах зашёл в подъезд и непослушной рукой нажал кнопку дверного звонка.

На пороге появилась бабушка лет восьмидесяти, не самая добродушная на вид. Её седые букли слегка напомнили мне саму Гузель. Судя по всему, это была её бабушка, давани. «Вот-вот, – пробежала в голове грустная мысль, – моя красавица в старости станет похожа на эту старушенцию!»

– Здравствуйте, – вежливо поприветствовал я хозяйку квартиры. – Мне нужна Гузель, дома ли она?

– Нет, не дома, в Москве...

– В Москве?! – Эта новость огорошила меня. Что-что, но я этого не ожидал.

– Поехала к матери и, наверное, больше не вернется.

А ты кто?

– Я... Харрас... её знакомый...

– А, тот... – протянула бабушка... – студент, деревенский парень...

– Да, да...

– Ладно, до свидания!

Дверь захлопнулась. И вместе с этим хлопком испарилась моя надежда восстановить гармонию мироздания. Но неужели вы думаете, что это вразумило меня? Нет, конечно. Ещё много таких странных влюблённостей повторилось в моей жизни. Видимо, это какая-то болезнь, от которой быстро не избавишься. Впрочем, и избавляться не хочется. Разве это не счастье – обманывая себя, сильно любить кого-то? Чтобы человек впоследствии утешался воспоминаниями о ярких моментах, даруемых состоянием влюблённости, и тогда его старость будет долгой-предолгой и очень счастливой...

А тогда, после того как я выскочил из подъезда Гузели,

я долго блуждал по круглому двору, где был так влюблён.
В душе зарождались стихи:

Осень, сквер, местами иней –
Расставанья путь таков.
Напишу любимой имя
Цепью собственных шагов.

Это были, наверное, самые первые рифмованные строки, которые я написал поэтически красиво. Прочитал их своим однокурсникам, и все громко аплодировали! Видимо, понравилось...

Во время прогулки по двору красавицы мой взгляд упал на деревянную кормушку, подвешенную на ветке рябины. Её листья давно опали, она стояла совершенно голая, остались только красные гроздья. К этой кормушке, в виде домика, раскачивающегося на ветке рябины, подлетела синица и, не найдя корма, упорхнула прочь. Я почему-то уподобил себя этой синице-сиротке, которая не нашла себе пропитания.

Перевод Галины Зайнуллиной

ПОЦЕЛУЙ

В сельской местности ночи бывают невероятно тёмными и таинственными. Особенно в конце августа, на излёте лета. В каждом переулке горят фонари, но в их тусклом свете ты не увидишь ни одной живой души. Деревня подобна сонному царству, хотя гробовая тишина то и дело нарушается: то где-то на окраине беспричинно громко залает какая-то собака, то в поле затарахтит железный конь, затеявший распашку поля под озимые, или заушает странная ночная птица, а с другого конца деревни её уханью начнёт подвывать дикий зверь. Всё это потрясает душу, холодит страхом... Но ты упорно шагаешь в одиночестве, спотыкаясь и падая, не чая вернуться домой живым и невредимым. Зато в голове кристальная ясность, звёзды, безмолвные собеседники, не мешают спокойному течению мыслей...

Я изменил своему обыкновению бродить по ночам в одиночестве, когда в деревне появилась гостья! Она приехала к своим родственникам, а заодно – к подруге, моей двоюродной сестре, с которой вместе училась в институте. Так что познакомиться с девушкой мне не составило труда.

Желая узнать красавицу поближе, я отправился вечером в клуб с намерением проводить её после танцев. Не у меня одного оказались такие планы на незнакомку: когда я успешно напросился ей в провожатые, за нами увязалась толпа парней. Но барышня уверенно держалась рядом со мной, и те по одному отстали. Мы наконец-то остались вдвоём. Она казалась мне близким человеком, тем, кто во время прогулки разделит со мной восторг от будоражащего душу мрака.

– Может, рановато идти домой? – спросил я робко. – Пройдёмся немножко... поговорим...

– Могу хоть всю ночь гулять! – обнадёжила она меня.
– Я взяла у Рашиды ключи от клетки...

Эти слова бальзамом легли на моё сердце! Вот как! Ей даже не нужно будить домочадцев, у неё есть ключ от клетки! Мне ли не знать, какое это уютное теплое местечко – с мягкой кроватью и горой подушек. Летом, когда в доме не хватает места от наплыва гостей, там спят хозяева дома. Ночь обещала быть томной!

Нет-нет, мысленно осёк я себя в тот момент, похоже, куда-то слишком далёко занёсся в мечтах! Ещё не держал девушку за руку, а мысленно уже в постели! Стоп, мне надо избавиться от греховных мыслей, ведь по внешнему виду и разговору моя спутница похожа на порядочную, воспитанную девочку. Все мы, мужчины, мыслим одинаково, нам бы только завоевать какую-нибудь дурёху, а девушки в первые же минуты знакомства начинают строить далеко идущие планы: а куда мы поставим шкаф?.. В принципе, подумал я, эта девушка мне вполне подходит как спутница жизни, поскольку мы ровня: она недавно получила диплом, я – молодой специалист с высшим образованием, мыслить будем в одном направлении, даже рост у нас одинаковый... Впрочем, я ещё слишком молод, мне всего двадцать три года, это возраст для развлечений и наслаждений, а не женитьбы...

Я внимательнее присмотрелся к девушке и не нашёл в ней красоты, присущей киноактрисам, но каждой клеточкой тела ощутил силу её притягательности, секрет которой, вероятно, заключался в непосредственности и душевной чистоте, присущей деревенским девушкам.

Что касается моего мужского магнетизма, то разгадка его проста – я умею слушать и понимать женщин. А гостя как раз оказалась довольно красноречивой и, найдя в моём лице благодарного слушателя, беспрестанно

щебетала. Всё сказанное ею тогда (как жаль!) не запомнилось, однако не вижу смысла напрягать свою память и что-то сочинять...

Мы достаточно долго бродили по деревне, пока не наткнулись на груду бревен около огорода, обнесённого деревянным плетнём, там и решили дать ногам отдых. Необычное место оказалось ещё и удобным: свет фонаря, раскачивающегося на ветру, не слепил глаза. Когда мы уселись на верхнем бревне, наш разговор стал отрывистым и заполнился паузами. От порывов ветра слезились глаза, а тела всё теснее прижимались друг к другу.

Я, наконец, взял её за руку и ощутил прохладу тонких девичьих пальцев. Она положила голову на моё плечо, а я, не отдавая себе отчёта в своём безумстве, поцеловал её в шею и, одурманенный благоуханием девичьей кожи, приник к вырезу платья всем лицом. В тот момент мне хотелось полностью раствориться в этом человеке. Наши губы встретились, и мы робко соприкоснулись кончиками языков, потом постепенно усилили напор и глубину проникновения друг в друга. Удовольствие длилось бесконечно долго, и прервать его было выше моих сил: оно услаждало в большей степени душу, чем тело. Такой сладкий нежный поцелуй (в то время у меня было мало опыта!) я испытал впервые. После этого в моей жизни было много свиданий и поцелуев, но тот не мог сравниться ни с одним другим. Я навсегда запомнил его вкус, и в кладовой своей памяти отвёл ему самое видное место.

Когда поцелуй неизбежно прервался, я так крепко сжал руку девушки, что она слегка отшатнулась.

– Когда уедешь? – спросил я её, заранее предаваясь грусти.

– Завтра...

– Завтра? – Моё сердце замерло. Ведь я надеялся встретиться с ней снова и пообщаться ещё несколько дней! Значит, надеждам не суждено сбыться!

Она слезла с брёвен и встала под фонарём, её волосы заискрились в столбе электрического света.

– Ты говоришь, что любишь слушать людей, а сам, оказывается, не умеешь этого делать...

– Выпало из памяти... что?

– Я же сказала, что устроилась на работу в городе. Не хватало мне в первый же день опоздать, хоть на секунду. Завтра надо уезжать, дорога дальняя, поезда ходят строго по расписанию...

– Может быть... останешься...

– Нет, надо рано вставать, боюсь проспать. Надеюсь, Рашида разбудит...

– Когда опять... увидимся?..

– Увидимся...

– Как?

– Через Рашиду... сообщу... знаю твоё село... твой адрес... напишу письмо...

Я проводил девушку до ворот в довольно поздний час. Наверное, в три часа ночи. Горизонт на востоке начинал светлеть...

Сам тоже отправился домой. Родители спали сладким сном и, не желая их тревожить, я прошмыгнул в летнюю кухню – небольшое помещение, совмещённое с гаражом, порой служившее нам столовой: на столе стоял самовар, в углу – холодильник. Имелся и одноместный диван, на котором можно было всласть выспаться. Я быстро разделся и нырнул под зелёное байковое одеяло. Но оно оказалось таким холодным и жёстким, что заснуть не удалось. Пришлось включить свет и взять книгу. На подоконнике у меня скопилась целая библиотека поэтических сборников. Как это часто

бывает, стихотворение на случайно открытой странице соответствовало чувствам, которые я испытывал в тот момент.

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленицы дров,
Целовались от странного чувства...

Меня разбудили ранним утром. Увидев Рашиду за окном, я ничуть не удивился, так как сразу всё понял. Гостья не проснулась вовремя и опоздала на колхозный автобус, чей маршрут пролегал до железнодорожной станции. Он отправлялся в семь утра: если опоздаешь, останешься куковать в деревне до следующего утра.

Сев за руль отцовской «Нивы», я отправился в путь вместе с гостьей. От её былой разговорчивости не осталось и следа, она ничем не напоминала ту лунную фею, с которой я буквально несколько часов назад сливался в единое целое: напряжённо сведённые к переносице брови, равнодушный взгляд; на лице написано одно – желание как можно быстрее добраться до вокзала. Я время от времени поглядывал на неё, желая при дневном свете обнаружить какие-то внешние недостатки, но лишь с удивлением заметил красивую родинку над верхней губой и подивился тому, что не разглядел её, когда целовал девушку в темноте...

Когда мы примчались на станцию, её поезд уже стоял у перрона. До отправления оставалось всего три минуты. Я побежал в кассу за билетом, а она, не справившись с волнением, поспешила к вагону. В одной руке у неё был колёсный чемодан, гроыхающий по неровностям тротуара, в другой – целлофановый пакет. Он предательски лопнул, на асфальт посыпались огурцы,

яблоки, коробки с чак-чаком и баурсаком: родственники от души снабдили гостью съестным в дорогу. Она не стала всё это собирать, оставив вместе с пакетом на дороге, и уцепилась за ручку вагона уже дрогнувшего поезда. Я едва успел передать ей билет, как состав, лязгнув сцеплениями, резко увеличил скорость. Даже не удалось обнять её на прощанье, не то что поцеловать. В такой ситуации был возможен только воздушный поцелуй сквозь стекло тамбурной двери, но и им она меня не удостоила...

Разумеется, после этого я больше никогда не видел эту девушку. Изредка от неё приходили тёплые приветствия, и только... Тем не менее, мои мысли с упорным постоянством возвращались к воротам дома, к которым я её проводил. Почему я не решился тогда последовать за ней в тёплую клеть, ведь я так не хотел выпускать ее из своих объятий?.. Наверное, смутно предчувствовал: в этом случае мог бы забыть тот сладкий поцелуй на остро пахнущих смолой брёвнах, в памяти осталось бы только моё грехопадение.

Как целуется нынешняя молодежь, я не знаю, для меня это тайна, покрытая мраком. Хотя, приезжая в деревню, ночью я по-прежнему выхожу на улицу и прислушиваюсь: нет, деревня ещё не умерла, живёт, а вместе с ней живёт и любовь. Где-то поблизости звучит гармонь, её переливам подпеваает молодёжь:

Ох, чёрные брови, чёрные глаза,
Замечательно!
Поцелуй после свиданья
Обязательно!..

Перевод Галины Зайнуллиной

ХРАНИТЕЛЬ

Тому, кто родился в деревне, переезд в город никогда не даётся легко. Трасса рейсового автобуса, который везёт юношей и девушек, ищущих лучшей доли, – прямая и ровная, а путь души – извилист и усеян такими ухабами, что потерять свою сокровенную суть (речь о душевной чистоте!) по дороге из деревни в город довольно просто.

А теперь представьте себе двух деревенских девчонок, по окончании сельской школы поступивших в медицинское училище, там, где стоит, можно сказать, клетка с тиграми, – в трёхэтажном общежитии автотранспортного предприятия. Девушки растеряны и печальны: им нужно привыкнуть к новой жизни, отделить в ней хорошее от плохого и прожить три года в крошечной комнате площадью девять квадратных метров: две деревянные кровати с расшатанными спинками, два стула, две тумбочки; в нише – лакированный письменный стол и около входной двери шифоньер, куда на первое время можно затолкать привезённые из деревни узлы и чемоданы.

Гулия и Гульсира обменялись грустными улыбками и хотели было приняться за уборку, как в комнату ворвалась ватага дерзких молодых мужчин. Конечно, это были не студенты медколледжа, парни редко учатся на медбратьев. Профессия визитёров угадывалась легко – по их спецовкам в пятнах мазута, по запаху бензина и тому, с какой бесцеремонностью они позволяли себе грязные выражения в присутствии девушек.

Разумеется, ребята оказались водителями с соседней автобазы. Они были полновластными хозяевами этого

общежития! Каждую новую студентку медучилища, которую туда подсаляли, они быстро замечали и распоряжались её жизнью по своему разумению. Женщина-комендант, понурая молчаливая удмуртка, не могла слова поперёк сказать распоясавшимся молодцам и плясала под их дудку.

Девушки – простодушные деревенские девушки, – увидев городских охломонов, окончательно растерялись...

– О! Кого мы видим! Приехали новые красотики, новые ка-а-дры! – изощрялись в насмешках парни. – Пусть ваша комната будет счастливой! Пусть вам здесь будет уютно!

– Спасибо, спасибо, – не желали ссориться девушки, прекрасно понимая, что встреча не ограничится благопожеланиями. – Вы... кто?..

– Мы!? Ха-ха-ха! – засмеялись все разом. – Скоро узнаете! Дирювня!

Тут один из них приобнял Гулию, другой – Гульсиру, и каждый одним движением усадил девушку к себе на колени. Девушки, не имея смелости сопротивляться, что-то испуганно лепетали, а потом и вовсе замолчали.

– Чего молчите? Кто вы? Из какой деревни приехали? – допытывались ребята. От них пахло не только мазутом и бензином, но и алкоголем. Выпили! Для храбрости, судя по всему!

Тут, на счастье девушек, дверь резко открылась, и в комнату вошел ещё один парень. Высокого роста, богатырского телосложения и, в отличие от других, опрятно одетый. Видимо, он был их главарём, потому что с его появлением все дружно замолчали.

– Что вы делаете?! – грозно крикнул он. – Разве не узнаете? Это же сестра Раили!

«Богатырь» кивнул в сторону Гулии. Действительно, её старшая сестра тоже окончила медучилище и когда-то жила в этом общежитии. Видимо, парни уважали Раилю,

вернее, она заставила их уважать себя. Не в пример своей младшей сестре, она была не робкого десятка и умела постоять за себя, когда порой её пытались обижать.

Поняв, что к чему, ватага наглецов быстро исчезла. С девушками остался только один – их спаситель.

– Ещё раз зайдут и мозги вам будут канифолить, скажете мне! – распорядился он и, то ли слегка прищурившись, то ли подмигнув правым глазом, быстро вышел из комнаты.

Девочки вздохнули с облегчением. Наконец можно было прийти в себя и спокойно обдумать случившееся. Но не тут-то было.

– Чего размякла?! – прикрикнула на подругу Гульсира (активная и вспыльчивая особа!). – Вставай, давай!

– Что не так?

– Я пойду на кухню, вымою посуду, а ты начинай мыть полы! Видишь, какой бардак здесь оставили прежние жильцы.

– Хорошо, подруга, – улыбнулась Гулия, – вперёд и с песней!..

Странным человеком оказался этот парень – спаситель. Звали его Фахри. Стройный, как кипарис. Усилада для женских глаз. Однако скуп на слова. Смотрит исподлобья, словно изучает. Взгляд какой-то пронзительный, таинственный, хватающий девчонок за душу. Почти каждый день, смущённо улыбаясь, он начал заходить к Гулии. Чаще всего поздним вечером, после вечерней смены. Причём, всегда прилично одетый и пахнущий свежестью...

Тем не менее, визиты Фахри иначе как странными назвать было нельзя. Пригласит, например, Гулию выйти в коридор и держит её там у окна до полуночи. Расспрашивает девушку, чем она занималась весь день. Если Гулия пожалуется, что очень устала, дотошно

разузнает, почему. После допроса Фахри, наконец, берёт девушку за руку, перебирает её нежные пальчики в своих жёстких ладонях. На ночь огни в коридоре потушены, в окна светит только уличный фонарь. И в мареве этого потустороннего сияния молодые тела притягиваются друг к другу, как куски магнита. Фахри целует Гулию в лоб и щёки, изредка в губы. Страсть обуревает его, но он не даёт воли рукам и, зная меру, успевает вовремя успокоить и себя, и девушку.

Ничего удивительного в том, что Гулия постепенно привязалась к Фахри и даже начала испытывать к нему пылкие чувства. Тем не менее, она не могла назвать Фахри своим парнем. По крайней мере, он не давал ей никаких надежд, не ухаживал по-человечески: не приглашал в кино, не приносил хоть каких-то подарков. А женщина всегда нуждается во внимании, особенно со стороны мужчины, которому явно нравится.

Зато Ишай был полной противоположностью Фахри. Смелый, весёлый парень, он каждые полгода приезжал из Сибири в гости к родственникам, проживающим в общежитии, на втором этаже, и никогда не забывал заглянуть к девушкам с пакетом гостинцев. Чего там только не было: конфеты, шоколадки, зефир... Ишай любил угощать, а ещё больше – смешить. «Ой, девчонки, в Сибири картошка очень дорогая, так что поехал я в вашу деревню, купил пару мешков картофеля, вывалил клубни на землю и сел на эту кучу, чтобы сфотографироваться, пускай, думаю, завидуют мне наши сибиряки!»

Гулия и Гульсира от смеха за животы держались.

Впрочем, этот Ишай тоже вызывал их недоумение. Ни одну из девушек не выделял, никому не делал комплиментов и уж тем более не признавался в любви, если приглашал в кино, то обеих, словом, не кружил им

голову. Они из интереса дали друг другу возможность остаться с ним наедине, но и в этом случае Ишай ограничивался только шутками и пустой болтовнёй. Непонятно: один по ночам не выпускает Гулию из своих объятий, но ни в кино не водит, ни подарков не дарит, а другой приезжает из Сибири с гостинцами, даже приглашает в кино, но никому не собирается объясняться в любви... Высокие отношения, они такие – загадочные.

В один из тёплых апрельских дней в жизни Гулии блеснул лучик настоящей любви. Она стояла на остановке, намереваясь поехать в гости к родственникам. Когда подъехал очередной автобус, двери резко открылись, и из них выскочил молодой человек, сияющий жизнелюбием, как солнце.

– Раиль! Ты?! – невольно вскрикнула Гулия.

– О! Гулия! – поприветствовал её парень и, приподняв девушку за локотки, закружил вокруг себя.

– Ой, отпусти! Голова кругом пошла! – взмолилась девушка. – Как ты попал в Челны!? Какие ветром тебя сюда занесло?!

– Ой, Гулиякай, – не скрывал безграничной радости Раиль, – не думал, что тебя здесь встречу, билляхи! Ты всё такая же красивая и замечательная! А сам я, так... занимался тут бумажными делами...

Гулия познакомилась с этим парнем в поезде, когда ехала к родителям. А Раиль, оказавшийся с ней в одном купе, возвращался из армии, он был в солдатской форме. Настроение у него было приподнятое, он всю ночь балагурил, развлекая Гулию, а заодно с ней ещё пару попутчиц. Эту встречу она сочла подарком судьбы и даже сообщила на прощание, из какой деревни она родом. А Раиль, в свою очередь, восхищенный её красотой, пообещал непременно к ней приехать.

Своё обещание парень сдержал, но с Гулией разми-

нулся. Ей пришлось довольствоваться рассказами односельчан о том, что её искал некий Раиль, но суровые деревенские парни пригрозили ему: «Не суйся сюда, у неё здесь есть парень!» – и чуть не поколотили гостя. Говорят, больше всех усердствовал Ранис, а потом вышел из толпы и заявил, что собирается жениться на Гулии. Ишь, размечтался!..

И вот чудесным образом пути с Раилем снова пересеклись – с человеком, близким ей по духу! Отлучившись куда-то на три-четыре минуты, он вернулся с красными розами и вручил их девушке. Розы были слегка подмёрзшие, но разве это имело какое-то значение? Ведь парень сумел устроить Гулии праздник. Они (забыв обо всем!) сели в автобус и направились в самый большой, самый современный кинотеатр Набережных Челнов. По дороге много смеялись и без умолку разговаривали.

И тут рядом с их автобусом поравнялся другой автобус. Гулия обратила на него внимание, только когда водитель посигналил, она повернула голову и – о ужас! – в пустом салоне автобуса сидел Фахри! А он, добившись своего – привлечь внимание Гулии, – махнул водителю рукой, и они умчались. И как ему удалось так быстро узнать, что Гулия подружилась с другим парнем? Наверняка ему об этом успели донести друзья-шофёры...

Однако в оживлённом фойе кинотеатра, оказавшись в плену ослепительных неоновых вывесок, сияющих указателей и панелей, Гулия выкинула из головы мысли о Фахри, а уж в зрительном зале и вовсе думать о нём забыла. Потому что показывали триллер! Это был первый иностранный ужастик, вышедший недавно в прокат. Во время показа Гулия от страха хватала за руку Раиля, а в момент самой жуткой сцены даже закричала. По

окончании сеанса она не сразу успокоилась, они долго гуляли под ручку по тихим улицам.

Потом они отправились в ресторан, где Раиль не поспешил на щедрый заказ. Гулия никогда в жизни не ела такие изысканные блюда. «Да, этот парень умеет сделать жизнь красивой!» – восхищенно думала она, не особо вникая в его предложение снять номер в какой-то гостинице. А когда до неё, едва достигшей совершеннолетия, дошло, о чём идёт речь, ответила резким отказом.

Тем не менее, Раиль вызвался проводить её до общежития. На входе заболтал рыжеволосую вахтёршу (она была пострижена чуть ли не под ноль, как «тифозная») и беспрепятственно прошмыгнул вслед за Гулией. Как назло, подруга успела уехать в деревню, и комната пустовала. Воспользовавшись этим, Раиль полез к девушке с поцелуями, норовя повалить на кровать. Когда Гулия отвергла его ласки, мужчина её мечты пришёл в бешенство и наговорил много обидных слов: мол, пусть не воображает, что сильно ему нужна, он давно женат и даже имеет ребёнка. Конечно, для Гулии это прозвучало как гром среди ясного неба. Этот веселый парень, который, как выяснилось, собирался всего лишь развлечься, теперь вызывал у неё только ненависть. А гость, почувствовав в отношении к себе бесповоротную перемену, уже не видел смысла оставаться в этой комнате, быстро собрался и навсегда исчез из жизни будущей медсестры.

Как только Раиль удалился, в дверь требовательно постучали. На пороге стоял Фахри. Угрюмый и обиженный.

– Удивился я тебе, – укорил он Гулию, – в автобусе болтаешь, в мою сторону даже не поворачиваешься! В те минуты я внутренне умолял тебя, чтобы ты посмотрела в мою сторону. Что, влюбилась? Кто это?

– Раиль, – грустно сказала Гулия, – не буду тебе говорить, кто это. Он женат, имеет жену и ребёнка. Достаточно?

– Женат!?! – воскликнул Фахри. – Ты общаешься с женатым?!

– Он только что признался...

– Вот оно как! – поднял голос Фахри. – Ты ведь хорошо знаешь, что нужно женатому мужику, ты же не ребёнок...

– Фахри, я всё поняла, оставь меня. Голова раскалывается, и на душе тяжело, хочется спать, – вздохнула девушка.

– Ладно... спи...

– Ты интересный человек, Фахри, охраняешь меня, никого близко не подпускаешь. А сам ни разу не сказал, что любишь. Ты ведь меня любишь... милый?..

Фахри потерял дар речи. Он подошёл к окну и, играя зажигалкой, прикурил сигарету. Он не спросил разрешения, чувствуя, что сейчас последуют другие нелёгкие вопросы.

– Вот опять молчишь, – напирала на него Гулия, – задаю вопрос... ответа не слышу... Ну да... я тебя понимаю...

– Что понимаешь?

– Ты боишься меня, не так ли?

Она думала, он скажет: «Нет, я тебя не боюсь». Но девушка ошиблась. Юноша, наклонив голову, провёл по векам пальцами. Фахри смахивал слёзы. Странно было видеть такого богатыря плачущим. Но в данном случае это выглядело проявлением не слабости, а, скорее, искренности.

– Да... боюсь... я боюсь тебя... Интересно... да?.. Я никого не боюсь, все здесь пляшут под мою дудку. У меня даже прозвище – Атаман... Во время практики в больнице

этих, обидевших вас армян, мы избили почти до смерти и прогнали... помнишь... да... а вот тебя боюсь...

– Почему ты меня боишься, Фахри?

– Боюсь сказать, что люблю тебя...

– Почему это, интересно?..

– Если скажу, что люблю тебя, я должен буду связать свою жизнь с тобой. А жениться я пока не собираюсь... не могу. Свою будущую жену я, как все здесь, в девятиметровую комнату не приведу, а куплю хорошую квартиру. Куда там жениться, я даже ухаживать за тобой толком не могу. Я отправляю деньги домой, маме. Она уже более двух лет лежит неподвижно... инсульт... Хорошо, что отец рядом с ней...

– Боишься говорить, что любишь, боишься сделать мне предложение, так зачем же ты ходишь за мной, не пойму?! – возмутилась Гулия.

– Я твой хранитель, дура, – мягко улыбнулся Фахри.

Гулия скривилась от этих слов, так они ей не понравились.

– А... – замялся Фахри.

– Да?

– Если бы я предложил, ты бы вышла за меня?

– Не знаю...

– Всё же...

– Вышла бы... знаешь, почему?

– Да?

– Ты мне нравишься, Фахри, ты мне очень нравишься!..

– Значит, выйдешь! – Лицо парня озарилось надеждой.

– Но не сегодня, – улыбнулась девушка, – когда закончу учёбу...

Три года пролетели очень быстро. Настало время попрощаться с колледжем, однокурсницами и преподавателями. Гулия была счастлива – в руках диплом. А Гульсира счастлива вдвойне, так как

благополучно вышла замуж за своего одноклассника и скрепила брачный союз никаком. Счастливое будущее у неё было расписано в деталях: квартира в районном центре обустроена, вакансия медсестры в поликлинике свободна, об остальном позаботится муж, работающий в администрации.

Что касается Гулии, то она рассталась со своим защитником. Причина была банальна до тошнотворности. Однажды по общежитию поползли дурные слухи о том, что Фахри завёл шашни с рыжей незамужней вахтёршей.

– Фахри, это правда? – спросила его Гулия, у которой в голове не укладывался поступок её друга.

– Да, а что? – спокойно ответил Фахри. – Думаешь, мне легко тебя обнимать до поздней ночи? Ведь я от страсти готов взорваться! Ты должна меня понять.

– Нет, я тебя вообще не понимаю! Так не поступают... с девушкой...

– Я тебя не трогал... это уже хорошо... представь, ты выходишь замуж, а твой будущий муж узнаёт твоё прошлое. Что он тебе скажет? Всё что угодно, только не спасибо. Он будет над тобой издеваться, ревновать, рта не даст раскрыть для слов в своё оправдание, и хорошей семейной жизни у тебя не получится...

Но несмотря на все доводы она отказывалась понимать Фахри. Как это возможно: он до глубокой ночи шепчет ласковые слова на ушко, а потом спускается на первый этаж и спит с другой женщиной, да ещё так уродливо постриженной, хитрой и злой. Стало понятно, почему-то эта мымра ехидно улыбалась всякий раз, когда она проходила через вахту. Видимо, она видела в ней соперницу!

Фахри и после этого долго ходил к Гулии, выпрашивая прощение. Но та, прожив в общежитии достаточное время, чтобы не испытывать нужды в каком-либо

покровителе, не хотела с ним даже разговаривать. А ведь когда-то от одного его взгляда у неё по телу бегали мурашки, она мечтала выйти за него замуж, если бы он сделал ей предложение. Хотя её отговаривали: «Хочешь связать свою судьбу с Фахри и вернуться в деревню? Зря, будешь там работать на ферме дояркой и ухаживать за его больной матерью!» Да и сестра Раиля настроила родителей против Фахри: «Мама, твоя дочь связалась с бандитом, пожалуйста, не позволяй ей это!» – так что разрыв с Фахри был в чём-то на руку ей, не пришлось из-за него ссориться с близкими.

Спустя годы отвращение к Фахри в душе Гулии растаяло. Ведь, выйдя замуж за Раниса, который когда-то поколотил «солнечного» Раиля, ей ради детей пришлось не раз прощать его походы налево и смириться с «мужской физиологией». И чтобы не очерстветь душой, она, будучи зрелой женщиной, тайно лелеяла в душе тёплое чувство к другу своей юности – мужчине, который когда-то защищал её...

Перевод Галины Зайнуллиной

ГОЛУБИ

Лилия гостила с дочерью у родной сестры в Набережных Челнах, и девочка так полюбила ласковую красивую тётю и так привязалась к своему двоюродному брату Ильшату, что захотела остаться там ещё на какое-то время. Договорились, что сестра через несколько дней посадит племянницу на рейсовый автобус, и Лилия встретит свою дочь в Казани. Ничто не предвещало злоключений. Сестра за день позвонила и коротко предупредила: «Встречай Алию в пять вечера на жэдэ вокзале, автобус сиреневого цвета». Лилии не мешало бы тогда расспросить о перевозчике и маршруте подробнее, но времени на разговоры у той и другой было в обрез...

Сиреневый автобус в назначенное время на железнодорожном вокзале не появился. Стрелки часов показали шесть, потом семь, пошёл восьмой час... Встревоженная Лилия начала метаться по привокзальной площади, расспрашивая прохожих об автобусе из Челнов, но ни от кого не услышала обнадеживающих сведений. Наконец, в отдалении показался сиреневый «Пазик», и изнурённая ожиданием мать рванулась в его сторону. Автобус, подрагивая на неровностях асфальта, ехал медленно, но почему-то не остановился. Бедная женщина долго бежала за ним, пока не поняла: он направляется совсем в другую сторону. «Пазик» удалось догнать только после его остановки перед светофором.

Водитель долго не мог понять отрывистых слов женщины, запыхавшейся от бега...

- С вами ехала маленькая девочка... Где она?
- Осталась на автовокзале...
- П-почему?!
- Сначала мы должны были остановиться на жэдэ,

– сказал водитель, – но потом маршрут изменили и конечной остановкой сделали автовокзал. Я высадив всех пассажиров там.

Дальнейший разговор не имел смысла. Лилия немедленно остановила такси и поспешила с одного вокзала на другой. Таксиста по дороге беспрестанно тормозила, и тот старался ехать быстрее. Но грань, за которой возникал риск столкновения с другой машиной, не переходил.

Женщина всю дорогу ругала себя за безответственность, даже безжалостность по отношению к собственному ребёнку. Каялась, что не смогла удержать мужа в семье и теперь, будучи матерью-одиночкой, вынуждена работать медсестрой в две смены, уделяя мало внимания своей кровиночке. О боже, лишь бы её ребёнок был на месте! Пусть обойдут доченьку стороной лихие люди и не уведут в неизвестном направлении...

Однажды Лилия уже едва не потеряла Алию. Как-то раз они с дочерью возвращались вечером домой из магазина. Почему-то Лилия, видимо от усталости, разрешила дочке перейти дорогу самостоятельно: машины находились довольно далеко, казалось, бояться нечего. Но как только Алия очутилась на середине дороги, откуда-то на бешеной скорости выскочила машина с шашечками. Лилия от растерянности не успела махнуть дочери рукой, приказывая остановиться, а машина тем временем мчалась прямо на ребёнка. Секунда, отделявшая от катастрофы, показалась ей вечностью. Когда колёса шайтан-машины просвистели в сантиметре от сандалий ребёнка, обе содрогнулись от порыва ветра. Дочка всхлипнула и, вместо того, чтобы осыпать мать упрёками, начала оправдываться: «Ты же сама дала мне разрешение, мама, если бы ты не сказала, я бы не сошла с тротуара!» Слава богу, тогда беды не случилось. Но повезёт ли на этот раз?!

Выскочив из такси в девятом часу, Лилия обнаружила автовокзал опустевшим. Её сердце бешено заколотилось, и она вновь начала бегать в поисках пропавшей дочери: сначала вдоль кресел зала ожидания, затем по посадочной площадке. «Доченька, доченька, где же ты? – исступлённо шептала она. – Бог, если ты есть, не оставь меня своею милостью!»

А девочка тем временем сидела неподалёку, на скамейке небольшого привокзального сквера, и кормила голубей. Крошила на асфальт пшеничный батон, который ей дала в дорогу челнинская тётя. «Пусть едят, мне ничуть не жалко, – думала Алия. – Только пусть не бросают меня... Голуби милые, не уходите!» Словно угадав смятение девочки, одна голубка начала есть из её рук, нежно воркуя и доверчиво касаясь клювом мягкой детской ладошки. «Ты мой друг, да?» – простодушно спросила голубку Алия. Между тем, в голове второклассницы роились не по возрасту серьёзные мысли: голуби казались ей намного добрее и благороднее людей; ведь, несмотря на то, что им тоже приходится бороться за выживание, за те же крошки хлеба, и каждый в этой борьбе сам по себе, они не скандалят и не дерутся. Если один голубь что-то схватил первым, другие несколько не сердятся на него за это...

Появления матери Алия не заметила. А та была настолько поражена увиденной картиной, что не сразу окликнула дочь. Наконец, стряхнув оцепенение, Лилия сделала шаг в направлении скамейки, и голуби от испуга дружно вспорхнули с прикормленного места. Алия, увидев мать, громко заплакала.

– Не плачь, детка, не плачь, успокойся, твоя мама здесь!

– Я думала, ты про меня забыла...

– Неужели можно тебя забыть, доченька. Просто я

ошиблась, ждала тебя на другом вокзале. Прости меня, пожалуйста!

– Правда?

– Да. Автобус почему-то привёз тебя сюда! Дочь...

– Что, мама?

– Клянусь, я никогда никуда тебя больше не отпущу...

Слышишь?! Никогда... Мы всегда... вечно будем вместе...

Лилия крепко обняла Алию. Казалось, её слёзы к тому моменту уже были выплаканы, но неожиданно хлынули из глаз с новой силой. Теперь она проливали их уже от тревоги за будущее своей девочки: что, если она так же будет брошена своим мужем, и никто, ни один мужчина на свете, не признает её своим бесценным сокровищем? Если она и понадобится кому-то, то только для того, чтобы быть ему поддержкой и опорой в трудную минуту. И сумки тяжелые из магазина ей придётся таскать самой, и аромат чужих духов на любимой щетине вдыхать...

– Ты испугалась, детка?

– Да...

– Что бы ты сделала, если бы я не пришла?..

– Я?

– Ты, ты!..

– Я бы подошла к женщинам, которые сидят на кассе, и сказала, что попала в трудную ситуацию, мама не пришла меня встречать... Меня тут всякие люди спрашивали, почему я осталась одна... Но я... я ни с кем никуда не пошла... говорила, что я не одна, что жду маму...

Лилия и Алия уже готовы были подняться со скамейки и отправиться домой, но голуби вновь слетелись к ним, и обе ещё какое-то время любовались тем, как сизые птицы с зеленовато-фиолетовыми шеями поедают хлебные крошки и умиротворяюще курлыкают: вур-р-р, гур-р-р-р.

Перевод Галины Зайнуллиной

ГДЕ ТЫ, ЙОЛДЫЗ?

Никогда не думал, что встречу такую красоту в здании сельскохозяйственного профтехучилища. Ведь расхожее представление о пэтэушницах было какое – отвязные пацанки в спортивных шапочках и сетчатых колготках. А эта шла, нет, плыла, по широкому длинному коридору в струящемся складками подола платье, луноликая, тонкокостная, загадочная – типичная восточная красавица. Её раскосые чёрные глаза мечтательно смотрели куда-то вдаль, сквозь меня или поверх меня...

Будь я молод и робок, через мгновение мы бы разминулись в этом коридоре навсегда. Но я сделал решительный шаг навстречу удивительной красоте, так как был уже далеко не юнцом и имел большой опыт в общении с женщинами, даже излишне большой.

– Красавица моя, почему ты такая красивая? – огорошил я её комплиментом.

Она растерялась. А я усилил свой напор сверлящим её зрачки взглядом.

– Красавица моя, надеюсь, у тебя есть имя?

– Есть, – наконец, улыбнулась девушка. – Йолдыз...

– Откуда ты... Из Буинска?

– Нет... из Батыра...

– Не против обменяться со мной номерами телефонов?

Моя смелость вышла из берегов и стала дерзостью.

– Давайте... – согласилась красавица, и её вишнёвые губы зашевелились, диктуя цифры.

А я, в свою очередь, зашевелил пальцами, занеся новый номер в список контактов. Потом сделал контрольный звонок, чтобы проверить, не морочит ли мне девушка голову. Оказалось, не обманывает – её телефон отозвался мелодичным рингтоном на мой дозвон.

И тогда я возблагодарил Всевышнего за то, что оказался в этой глуши. Ведь я приехал сюда без особого желания. Друг упросил меня отвезти его в Буинск. Он был известным журналистом и пройдохой: писал статьи в защиту обиженных и угнетённых, умудряясь неплохо зарабатывать себе этим на жизнь. В результате его журналистских расследований порой всплывали такие факты о деятельности районного начальства, что было кого и чем шантажировать. Рот ему затыкали щедрыми денежными подачками.

На этот раз мой приятель решил вмешаться в тяжбу директора СПТУ с градоначальником, который якобы сделал обман и воровство нормой городской жизни. Сам директор училища на первый взгляд казался интеллигентным, уважаемым человеком, склонным к витиеватым монологам, пока речь не заходила о мэре Буинска. Тогда в его взгляде загорались такая ненависть, такая жажда мщения, что хотелось держаться от этого «интеллигента» как можно дальше.

После предварительного разговора в кабинете директор разъяснил, почему необходимо насолить мэру, друг озвучил, сколько ему надо денег, затем мы прошли в столовую училища, где для нас накрыли длинный дубовый стол. Довольно быстро были съедены суп-лапша, гуляш с картофельным пюре, выпит компот, только мой салат из капусты остался нетронутым в тарелке (я её с детства терпеть не мог, потому что суровый отец заставлял нас на зиму готовить квашеную капусту, которую потом никто не ел!), но директор и журналист и не думали вставать из-за стола. Их случайная встреча на жизненном пути на моих глазах перерастала в сердечную дружбу. Они, забыв про мэра, без усталости перемывали кости уже чиновникам других районов, что мне казалось довольно скучным занятием.

Не желая вступать в их разговор, я погрузился в мысли о Йолдыз, с которой познакомился всего пару часов назад. Словно мечтательный Хайруш, представлял её в воображении богиней, сияющей среди множества созвездий.

День так и прошёл в никчёмной кутерьме. С какой-то непонятной целью мы облазили весь Буинск: побывали на бензозаправке, дрожжевом заводе, даже на городской свалке. А вечером друг сообщил, что останется в Буинске с ночёвкой: директор СПТУ пригласил его в свой новый коттедж, правда, недостроенный, поэтому ночевать там пока можно было только в гостиной. Вот так, в благодарность за хлопоты, друг бесцеремонно намекнул, что у хозяина для меня нет свободной комнаты. Ох, как я обрадовался! Мой деревенский дом находился недалеко от Буинска, всего в тридцати километрах – пустяковое расстояние для человека, у которого в распоряжении машина. Но ещё больше меня радовала возможность, оставшись одному, позвонить луноликой Йолдыз и, как знать, даже встретиться с ней...

Надо сказать, тот зимний вечер был не самым подходящим для романтических встреч. Буинский район неожиданно накрыл тёплый атмосферный фронт, дорога размокла. В сгущавшихся сумерках витала тревога. Ведь в этих краях недавно произошли страшные события: два солдата-срочника, сбежавшие из воинской части, убили по дороге несколько человек, потом спрятались от погони в доме какого-то колхозника, яростно оборонялись и были расстреляны из автомата сотрудниками милиции. Безумцы! Погибли не только сами, но и утащили за собой на тот свет молодых милиционеров. Жаль, очень жаль! А причина этой трагедии была очень простая: возлюбленная

одного из солдат собралась замуж за другого. Тогда юноша, исполнившего свой долг перед родиной, захотел восстановить справедливость: образумить ветреную девушку и подлого жениха. Но его замыслу не суждено было осуществиться, и казалось, кровавые призраки этих солдат до сих пор бродят по окрестным дорогам...

Остановив машину на тихой окраине, я не торопясь вытащил мобильник. Одолевали сомнения, хотя я уже давно чувствовал себя свободным от таких вещей, как волнение и замешательство. Наконец, я решился набрать нужный номер, но в ответ донеслись лишь долгие гудки. «Обманула меня дочь дьявола!» – такова была моя первая мысль. Вслед за ней появилась вторая, наполненная упрёками в свой адрес: «Старый дурак, сижу тут, надеясь на обещания молоденькой красотки, и мечтаю о несбыточном!» Рука невольно потянулась к кнопке автомагнитолы. Раздалась душераздирающе грустная песня «Белладонна». Если помните, она об очень красивой девушке, которая, увы, недоступна, просто недосыгаема для влюблённого юноши. Белладонна красива, как и её имя, но в тоже время «колюча и ядовита». Она не читает писем героя песни, даже не открывает их, и от этого безответная любовь юноши превращается в невыносимое страдание: «Почему же, влюбившись в тебя, я подверг себя непрекращающейся душевной боли?! Почему?!» – разрывается его сердце...

О Боже! Разве сейчас со мной творится не то же самое? Не собираюсь ли я скоропалительно влюбиться и подвергнуть себя мучениям на всю оставшуюся жизнь? Зачем мне это нужно, скажите? В душе бурный поток мыслей, чувств, учащённое дыхание теснит грудь... со скрипом открываются врата вдохновения:

Где ты, звезда?
Вероятно, на небе,
Где-то рядом с луной...
Дозвониться туда невозможно,
Лучше крикнуть: «Звезда-а-а!» –
Чтобы гулкое «да-а-а»
Эхом надежды звучало...

Мне оставалось одно – ехать в свою деревню. Я решительно нажал на педаль газа, и «двенашка», скользя по мокрому обледенелому асфальту, как неподкованный жеребец, завилыла влево-вправо. Но не успел проехать полкилометра, как зазвонил телефон, и высветился её номер.

– Алло... Алло... – послышался ласковый голос любимого человека.

– Алло... Йолдыз, это ты?

– Я, я...

– Потерял надежду на твой звонок...

– Не сердитесь, – поспешно оправдалась она, – я не слышала... поставила телефон на беззвучный режим...

– Где ты сейчас?

– Дома... в съёмной квартире...

– Йолдыз...

– Да?

– Можем ли мы увидеться сейчас?

– Да... пожалуй... – Голос Йолдыз внезапно куда-то провалился, будто растворился в безмолвии... Я долго ждал повторного звонка. Только когда прилично отъехал от Буинска, прилетела эсэмэска: «Подъезжайте к универмагу... Встретимся там...»

Старый универмаг, построенный в советское время, давно утратил своё величие: его разделили на секции и сдавали в аренду частным торговцам одеждой и едой. Я вспомнил, что владельцем универмага

стремится стать тот самый мэр, которому перебивали кости в столовой ПТУ. Но мне это было безразлично, пусть хоть цирк шапито в этом здании устраивают, все мои мысли, все мои надежды были связаны с прекрасной девушкой.

Как только Йолдыз села в машину, все сомнения мгновенно исчезли. По всему было видно, ей приятно в моём обществе, и она ждёт от знакомства со мной чего-то необыкновенного. Тем не менее, я не обольщался надеждой на то, что интерес девушки успел за один день превратиться во всепоглощающую любовь ко мне.

Припарковал машину в том же тихом месте на окраине города. В такие волнительные моменты ставишь транспорт не куда попало, а на место, которое хоть как-то знаешь. Но и там, где мы остановились, беспрестанно шныряли люди.

– Давай пересядем на заднее сиденье! – предложил я.

– Зачем? – тихо спросила она, но не рассердилась. В её голосе звучали нотки сомнения, но отнюдь не протеста.

– Так надо, – сказал я твёрдо, – так спокойнее...

Она не сразу поняла, что задние окна моей машины затемнены: люди снаружи тебя не видят, а ты их наблюдаешь. Салон давно успел прогреться, и когда я тоже переместился назад, помог ей снять китайский короткий пуховик. Тут же возникло желание притянуть её к себе и обнять, но я не торопился воспользоваться этой возможностью, а, наоборот, хотел сохранить спокойствие и продлить сладкие минуты неопределённости как можно дольше...

– Йолдыз...

– Да...

– Можно начать с вопроса...

Загадочная улыбка на лице красавицы сменилась

холодной усмешкой. Видимо, тот, кто начинает свою речь с вопроса, всегда вызывает настороженность у собеседника...

– Я уже не так молод, как ты, – продолжил я, – намного старше тебя... да... Скажи, чем я смог привлечь тебя? Не понимаю этого.

– Сказать правду?

– Да... правду...

– Взглядом...

– Взглядом?! – удивился я. – А какой он... мой взгляд?

– Не знаю, – покачала головой девушка, – но вы так смотрите, как бы это получше сказать, как-то так проникновенно, что ли... глубоко, мощно... Я была потрясена, не знала, куда себя девать, не поняла, что случилось со мной... Ей-богу... объяснить очень трудно...

– Спасибо за откровенность, – сказал я с напусковой скромностью. – Ничего особенного в моём взгляде нет, просто я смотрел на тебя с любовью и восхищением, дело только в этом...

Моя восторженность, кажется, не произвела на неё большого впечатления, Йолдыз не спешила ей подыгрывать. Возможно, с трудом привыкала к огромной разнице в возрасте, разделяющей нас. Боялась, что для общения на равных со мной ей не хватит знаний и опыта...

– Меня беспокоит ещё одна вещь, – сменил я тему, – думаю, у тебя достаточно своих сверстников, скажем, парней, с которыми ты общаешься...

– Не без этого, – сказал она бесстрастно, – я и общалась, и дружила, но мне они не очень нравились ...

– Почему?

– Не знаю, но мне с ними совсем неинтересно, у них в голове что-то не то, не могу найти слов, чтобы сказать...

– Как же так, вы же люди одного поколения, с одинаковым кругом интересов...

– Согласна, но, повторяю, мне с ними неинтересно...

– А со мной? Интересно?

– С вами... Да...

Странно...

– Думаю, ребятам нужно только одно, – подытожила красавица, – что вам говорить, вы сами знаете...

Разумеется, я хорошо знал, что нужно парням от девушек, поэтому не задавал ей лишних вопросов. А что мне самому было нужно от неё? Разве не то же самое? Любовь, привязанность или сексуальная близость в качестве финала? Сам не понимал...

И все же, очертя голову влюбившись в девушку своей мечты, я не желал превращать это в банальное любовное приключение, которое неизбежно закончится прощанием и потерей. Я уже пресытился любовными приключениями и желал отказаться от прежней жизни. Мне хотелось начать всё заново, женившись на Йолдыз. Если бы она спросила, есть ли у меня семья и жена, я бы без колебаний ответил: нет и не может быть! Я бы сказал, что жена от меня ушла или что она давно умерла, и сам бы поверил в это. Что ещё можно ожидать от мужчины, которого захлёстывают эмоции?..

Я осторожно коснулся руки Йолдыз, и она не отдернула её, лишь слабо улыбнулась и терпеливо ждала развития событий. Я привлек её к себе с безотчётной страстью и поцеловал в щёку... Она осторожно прикинула к моему плечу, и только когда я потянулся к её губам, уклонилась от поцелуя, вероятно, не хотела с первого дня вести себя легкомысленно....

– Йолдыз... у тебя есть парень?

Она помедлила с ответом и попросила воды. Я предложил ей бутылку «Кока-колы», которая стояла под сиденьем, достал из бардачка шоколадку. Всё это было с удовольствием выпито и съедено, а я получил не меньшее

удовольствие, наблюдая за тем, как она крашеными коготками извлекает арахис из шоколадной плитки...

– У меня есть парень, – сказала она, наконец, – но мы с ним поссорились...

– Что случилось?

– Ничего особенного... Словом... он... очень импульсивный... хочет жениться на мне...

– Это же хорошо...

– Да, неплохо, – улыбнулась девушка, – но пока я не тороплюсь выходить замуж, просто не хочу ограничивать себя ПТУ... хочу учиться дальше...

– Где?

– В университете...

– Для этого надо ехать в город...

– Да, а вы сами из Казани?

– Нет, я родом из села, из соседнего района, а живу в городе, в Казани...

– Интересно там?

– Жить в городе? – Вопрос требовал некоторого размышления. – Скажу так... по-всякому... И хорошего, и плохого достаточно. Город прекрасно знаю, друзей и знакомых хватает, но всё равно тянет в деревню... половина моей души поселилась в городе, а половина – осталась в родном краю... хе... хе...

Тут мы оба задумались. Йолдыз, вероятно, представляла себе красоту белокаменного Кремля, улицы ночного города, пёстрые от разноцветных неоновых огней, а я мысленно перенёсся в отчий дом, к которому так прикипела моя душа...

Мы даже не заметили, что наступила ночь. Облачное небо внезапно прояснилось, и чудесная звёздная вселенная обрушилась на нас через лобовое стекло автомобиля. Казалось, божественный небосвод находится на расстоянии вытянутой руки...

– Я хочу, чтобы ты зажглась новой звездой в этой вселенной, Йолдыз! – сказал я, взяв девушку за руку.

– А кто же меня зажжёт?

Мой ответ был очевиден, но она так сладко зевнула, прикрыв ладонью рот, что я свернул разговор. Пора было везти девушку домой, а после самому отправляться в дальний путь. Но впечатления от первого свидания с Йолдыз были такими завораживающими, что я ничуть не боялся уснуть за рулём...

Зима для меня пролетела незаметно, потому что её скрашивали встречи с Йолдыз, пусть довольно редкие, в силу разделяющего нас расстояния.

В майские праздники тоже не удалось провести больше времени вместе. Йолдыз, в числе других учащихся СПТУ, принимала участие в военно-патриотическом параде у Вечного огня по случаю празднования очередной годовщины Победы. После этого ей надо было ехать в свою деревню Батыр помочь родителям сажать картошку. Народ не думал о праздниках, в садах и огородах кипела работа. Так что я приехал в Буинск лишь в начале первой декады месяца, чтобы на своей машине отвести девушку в соседнюю республику.

Мы отправились в путь затемно, задолго до рассвета; солнце взошло, когда мы преодолели почти четверть пути. В салоне автомобиля стало душно, и я включил кондиционер, а заодно и магнитола на волнах радио «Болгар». Мелодия лиричной песни переплелась с потоками прохладного воздуха.

– Когда начнутся экзамены? – спросил я, прикоснувшись к кончикам пальцев девушки, Йолдыз не отдёрнула их, а, наоборот, положила свою ладонь на мою руку...

– В конце мая... думаю, где-то двадцать седьмого...

Несмотря на то, что я неплохо знал дороги соседней

Чувашии, через каждый километр спрашивал у спутницы направление. В советское время мы завидовали чувашам, их широким хорошо асфальтированным трассам, толково расставленным дорожным знакам! В Татарстане таких дорог не было, мы ездили по кочкам и ухабам, чувствуя себя отброшенными в каменный век. Но всё каким-то образом изменилось: у нас появились современные автотрассы, а чувашаи остались с дорогами, проложенными во времена политбюро: асфальт старый, дыры и щели залатаны гудроном, и машина, проезжая по ним, подпрыгивает и дрожит, как боязливая девочка...

– Йолдыз...

– Да...

– Ты говорила, у тебя есть парень, что вы поссорились.

Подружились ли ты с ним, где он сейчас?

– Мы до сих пор не разговариваем...

– Почему?

– Ему хочется быть хозяином положения... всегда и во всём... А я так не хочу!

– А как хочешь?

– Как! Как? – В глазах девушки вспыхнули искры. – А вот как! Останови машину!

Я, повинувшись её приказу, притормозил на обочине и с интересом смотрел, что будет дальше. Йолдыз тоже бросила на меня внимательный взгляд и вдруг спросила:

– А ты бы на мне женился?

– Безусловно!

– Как это... «безусловно»?..

– Женится на тебе, Йолдыз, это мечта... Да, да, моя самая большая мечта, и её осуществление зависит только от тебя, понимаешь?

– Не понимаю...

– Объясню...

– Не надо! – перебила она. – Уже поняла... Но ты меня

тоже должен понять. Я бы вышла за тебя замуж уже сегодня, ни на что не глядя, никого не слушая... только...

– Что же мешает?

– Родители! – выпалила девушка. – Я не могу им возражать, не могу выйти замуж без их разрешения! Мы же мишары... такие у нас обычаи...

– Интересно, – подумал я, – выходит, ты уже говорила с ними о замужестве?

– Нет, не говорила, но уже заранее знаю, что они будут возражать...

– Почему?

– Подумай сам...

– Понимаю... я слишком стар для тебя...

– Ну да... Если бы не родители, я бы осталась с тобой уже сегодня! – расчувствовалась она. – В эту же минуту! В эту самую секунду! Люблю ведь тебя, люблю... понимаешь...

Я сжимал в объятиях тихо плачущую девушку, желая избавить ее от тяжёлых мыслей. Да, этот момент, этот божественный момент навсегда останется в моей памяти: она стала мне тогда самым близким и дорогим человеком. Если бы у меня хватило душевных сил и если бы роковое время позволило мне, я бы никогда не упустил её, а просто обнимал бы и ласкал всю оставшуюся жизнь. Но время безжалостно, ломает человека под себя и не знает пощады.

Забегая вперёд, сообщу, что, разумеется, мы не могли быть вместе с Йолдыз, и через месяц, когда я, наконец, нашёл время позвонить возлюбленной, услышал мужской басовитый голос...

– Алу...

– Привет, – сказал я, чувствуя, что разговариваю с человеком, не случайным в жизни Йолдыз.

- Не звони сюда больше, дядя...
- Почему?
- Йолдыз мне уже давно жена...

А тогда, в майский солнечный день...

– Давай выйдем! – вдруг сказала Йолдыз и потянула меня за руку...

– Зачем? – спросил я удивлённо.

– На поле! День такой прекрасный!

Я, как послушный ослик, опустив голову, вышел из машины и последовал за ней. Она не стала дожидаться меня и размашистым шагом направилась к лесопосадке, зеленевшей посреди поля. Возможно, даже забыла про меня в те минуты. Я быстро потерял из виду свою возлюбленную, затерявшуюся среди деревьев. Пока добрался до лесополосы по росистой траве, промочил жёлтые ботинки с декоративными дырочками.

– Йо-о-олдыз, милая, где ты? Ответь! – закричал я, начиная тревожиться.

Вскоре обнаружил внутри зарослей пространство, похожее на светлую поляну. Йолдыз стояла там, обнимая белоствольную берёзу! Свою одежду она разбросала на траве и осталась в первозданном естестве, полностью обнажённая! Улыбалась таинственной улыбкой и манила к себе. Чёрные волосы струились по выпуклым холмам груди, такой же чёрный треугольник темнел внизу живота. Она и сама в тот момент походила на стройную берёзку, рядом с которой стояла. Взгляд девушки призывал: «Возьми меня!»

Но я не взял...

Перевод Галины Зайнуллиной

СОДЕРЖАНИЕ:

Список. <i>Повесть.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	4
Коханий. <i>Повесть.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	138
Ребенок, бегущий по ржаному полю. <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Ф. Фаизова</i>	176
«Буду слушать твой голос...» <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Г. Хасановой</i>	188
Образ. (<i>Из воспоминаний одного поэта</i>). <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	193
Поцелуй. <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	213
Хранитель. <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	219
Голуби. <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	230
Где ты, Йолдыз? <i>Рассказ.</i>	
<i>Перевод Г. Зайнуллиной</i>	234